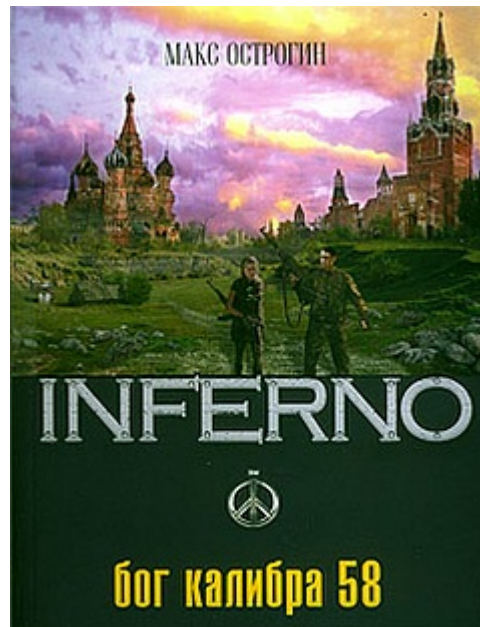


Макс Острогин Бог калибра 58



Книга подготовлена для библиотеки Huge Library (Scan, OCR: Huge Library; Conv.: неизв. автор)

«Бог калибра 58 / Макс Острогин»: Эксмо; 2010

ISBN 978-5-699-44402-1

Аннотация

Каков он, мир «послезавтра», когда реальность, какой мы ее знаем, исчезнет навсегда, все погрузится в хаос, и мор, спящий до срока, пробудится и обернется порождениями Inferno? Есть ли в нем место герою, Праведнику, Истребителю погани? Хватит ли у него сил остановить порождения тьмы? И какой будет цена?

Макс Острогин Бог калибра 58

Глава 1 Жнец

Я увидел рюкзак. На дороге. Лежал одиноко.

— Может, он все-таки убежал? — спросил Ной. — Скинул груз, оторвался. Бывало ведь...

— По асфальту-то?

— Сбросил рюкзак, опять свернул...

Я помотал головой.

— Нет, он мертв. Ты считал?

Ной кивнул.

— Сколько?

— Три пятьдесят.

— У меня три двести, — сказал я. — Гомер выстрелил где-то на пятьдесят первой минуте. То есть на пятьдесят первой минуте его и догнали. Если бы жнец не приблизился,

Гомер бы не стал палить. Так?

— Так, — согласился Ной.

— После выстрела он, конечно, сбросил штуцер, ушло четыре килограмма. Возможно, он пробежал еще метров двести-триста. И все. Гомер мертв.

Ной хлопнул носом, вытер соплю рукавом.

— Может, мы неправильно считали?

Ной старался заглянуть мне в глаза, ненавижу эту его привычку.

— Я иногда сбиваюсь. — Ной продолжал утираться. — Секунду не за два шага считаю, а за три. Пять минут ведь всего... Могли и просчитаться.

Я никогда не ошибаюсь. То есть не считаю секунду за три шага, всегда за два. Этому меня сам Гомер учил — это ведь жизненно важно, чуть просчитался — и все, вынос. А Ною очень хотелось, чтобы Гомер остался жив. Потому что он виноват, Ной. Руки чесались сказать ему об этом. И по шее. Хотя мне и самому желалось верить, если честно.

— Может, и просчитались. Посмотрим. Надо с торбой разобраться. Дай брезент.

Ной расстелил брезент, я вытряхнул на него содержимое рюкзака.

Три пластиковые бутылки с порохом — самое ценное. В каждой на пятьсот зарядов. Тысяча пятьсот выстрелов. Настоящее сокровище. Одну бутылку Ною, две мне. Потому что я сильнее. Хотя нет, ему нельзя порох доверять, все мне.

Пулелейка. Пулелейка нам совсем ни к чему. Гомер пользовался старым винтовым штуцером, мы гладкоствольными карабинами. Штуцер четыре килограмма, карабин два. Разница. К тому же Гомер был очень удачным — я имею в виду рост и силу. Еще старая генетика. А мы новая. Захудалая. Немочь. Особенно Ной. И не вырастем больше. Так что штуцер нам не уволочь.

— Может, продадим? — спросил жадный Ной.

— Да кому она нужна? У всех свои калибры... и тяжелая еще.

Я столкнул пулелейку с брезента на асфальт.

Запасной нож В ножнах. Рукоятка красивая, наборная, из дерева и из меди, зверь какой-то вырезан. Лошадь с рогом. Вытянул из ножен. Нож был в желтоватой смазке, я вытер лезвие об рюкзак. На медном кольце вырезано имя.

Кира.

Никаких Кир я не знал, размахнулся, разрубил пулелейку на две блестящие части.

— Ого! — восхитился Ной. — Вот это да! Булат?

Я посмотрел на лезвие, полюбовался узором, оценил на пальце центровку, выкинул в придорожную канаву.

— Булат.

— Ты что! — возмутился Ной. — Им же можно гвозди рубить!

— Ты когда-нибудь рубил гвозди? — спросил я.

Ной промолчал.

— Вот и я не рубил. Он же затупится мгновенно. А просто так его не наточить, точило особое нужно. Ты будешь с собой точило таскать? И точить два дня? И смазку варить?

— Зачем тогда его Гомер держал?

— Откуда я знаю? Может, память какая. Только он почти полкило весит, зачем нам такой нож?

— Не знаю. Острый...

Острый. Такой острый, что не заметишь, как пальцы себе отрежешь. И ржавеет. Абсолютно ненужная вещь. Смазывай его, точи, снова смазывай, да еще сам берегись. А хватит на три удара. Да и ударять кого?

Пули. Почти сотня. Обычные, свинцовые. Тоже ни к чему. У нас хороший запас, и пули, и дробь, и картечь, и пулелейки есть на всякий случай, тяжесть долой. Я собрал пули в горсть и выкинул в кусты.

— Ты что все выкидываешь? — с недовольством спросил Ной. — Все может пригодиться...

— Заткнись лучше, — посоветовал я. — Чем меньше вес — тем шибче скорость, ты это знать должен.

Аптечка. Тут, конечно, я ничего выкидывать не стал. Шприц забрал себе, бинты, батарейки и спирт честно поделили пополам.

Патроны. Две пачки. Пять сорок пять. В зеленой маслянистой коробке.

— О! — застонал Ной. — Патроны! Их тоже выкинешь?!

Я думал. Патроны вещь, конечно, не совсем бесполезная. Да в походе от них особого толку нет. Потому что тяжелые. Каждый грамм веса — это лишние секунды выносливости, лишние сто метров бега. А это решает все. С другой стороны, патроны можно обменять, Гомер говорил, что у Кольца они ценятся. Там люди по подземельям сидят, в дальние походы не ходят, там патроны в цене. Если, конечно, оружие осталось в исправности. Пять сорок пять, частый калибр.

— Давай я понесу, — вызвался Ной. — Патроны. А что, я легко...

Жадность — грех. Так говорил Гомер.

Я снял с пояса складень, вытянул плоскогубцы.

— Нет... — прохныкал Ной. — Не надо.

Свернул с патронов пули, высыпал порох в рожок. Хотел отковырять капсули, но поопасался.

— Я не могу, — Ной почесал голову. — Ты все не так делаешь, ты...

— Заткнись, — еще раз посоветовал я. — Теперь я старший, теперь ты меня слушайся.

Ной пробормотал что-то недовольное.

Блохоловка. Почти новая. Ной сразу на нее принялся смотреть хищно.

— Интересно, почему он ее не носил? — спросил Ной.

— У него две всегда было, — ответил я. — Одну носил, другая отдыхала. Очень блох не любил, культурный человек...

— Как делить будем?

— По справедливости, как же еще...

Я расстегнул ворот, достал цепочку с блохоловкой. У меня плохая, не очень эффективная, из старых портянок, смазанных жиром. Блохи на нее, конечно же, лезут, но тут же и соскакивают, приходится часто доставать, стряхивать. Другое дело Гомера блохоловка — настоящее произведение искусства, полет разума, что говорить.

Поэтому я свою сразу выкинул подальше, а эту, круглую и хорошую, надел.

Ной надулся.

— А ты что думал? Тебе, что ли? Недостоин ты. Радуйся, что вообще жив. Это из-за тебя Гомер погиб.

— Да я не смог...

— Смог не смог — теперь уже поздно гадать, Гомера не возвернешь. Но что-то мне подсказывает, что он бы вряд ли тебе ее оставил.

— Откуда ты знаешь?

Но я уже закрючил куртку на ворота и вступать в дальнейшие споры о блохоловке был не намерен, я и так ее судьбу уже определил.

Продолжили разбирать рюкзак.

Тюбики. Белые. Разноцветные. Некоторые пустые, я их сразу отшвыривал, своих пустых полторбы, в других были мелкие вещи. Нитки-иголки — оставил, спички — долой, белые шарики — какие-то неизвестные лекарства, попробовали по штуке, капсули — поделили.

В красном тюбике пиявочный порошок, я его сразу по запаху узнал, полезная вещь. Если вдруг тромб зацепишь, только это и спасает, сразу пол-ложки нужно глотать. Поделили.

В желтом тюбике обнаружился мед. Горький и сладкий одновременно. Мы его съели, сожрали, не подумав, и я вспомнил. Чревоугодие. Тоже грех. Смертельный. То есть смертный. Через чревоугодие, пресыщение плоти своей без удержу многие люди, даже из

великих, попрощались с жизнью.

Вот и наш Гомер тоже.

Правда, пресыщал не он, а Ной, но какая здесь разница? Ибо распространяется грех не только на грешника, но и на всех, кто подле, как сыть, как поганый микроб, выедающий мозг. Так все было.

Восьмой день мы продвигались на юг. Сначала через привычный лес, потом начались руины, Гомер так и сказал:

— Запомните, это руины. Настоящие.

Руины были похожи на свалку. Ну, только не совсем, какой-то порядок в этих руинах наблюдался. Квадратного много. Гомер рассказал, что раньше тут стояли города. Только города, никакого леса, никакой воды, вся вода под землей, в трубах. А если надо, то краник открываешь — она и течет. Потом случилась Мгла, и все перемешалось. В крошку.

У нас, кстати, тоже руины есть, рядом со станицей все-таки город, хотя и маленький. Но нашим руинам с этими не тягаться.

Через руины пробираться оказалось нелегко. К тому же сам Гомер не спешил, все прислушивался да принимался, не отрывался от бинокля, сидел много, думал. На Папу поглядывал.

Папа недовольно лежал в своей клетке, бурчал.

Ной дразнил его соломиной, тыкал в нос, Папа ярился, выдвигал сквозь прутья лапу, шипел, старался Ноя загрызть. Это было смешно, но мы не смеялись. Позавчера Иван посмеялся, теперь его нет.

Вообще, Ною нельзя было с нами идти — он же не чувствует ничего, калека, отброс, ему коврики вязать с бабами, траву кроликам собирать... Но случилось так. Вряд ли Ной был рад нашему походу. Особенно на третий день. И на пятый, ближе к вечеру. А на восьмой день нас осталось всего трое: я, Гомер и Ной.

Из шести.

С утра нам попался еж. Пробирались через эти самые руины, а потом вдруг раз — и бор, все деревья сгорелые, но так и растут. И маленькие, и большие. Шагали, как всегда, не спеша, слушали, и вдруг Папа у Гомера на спине зашевелился. Зашевелился, зашевелился, забурчал утробой — верный признак, что впереди еда какая-то, он до еды жажен.

Так и оказалось, прошли еще немного и увидели болотце. Нормальное, не хлябь и не хмарь, камыши вокруг растут, лягушки квакают. Спрятались за кочкой, Гомер стал в бинокль смотреть и увидел ежа. Еж на змей охотился, наверное, думал их семейству своему нести. Много наловил, штук пять, наверное, взял их всех в пасть и поволок. Идет, а змеи болтаются, а тут Папа, мы его специально выставили. Ну, еж Папу увидал, пасть раззявил и напрямик к нему. А Гомер его острогой! С тридцати метров, Гомер мастер острогу метать.

Убили мы этого ежа, почистили от шубы и давай жарить. Давно уже мяса не ели, не помню уж и когда в последний раз. Насадил ежа на палку, над углями поворачиваем, а он жарится, жирком потрескивает, отличный ежара, два дня есть можно.

Пожарился, разделили, мне нога досталась, стали есть. Как положено, не спеша, маленькими кусочками, пережевывая. А я еще сразу заметил — Ной что-то раздухарился — и чавкает, и косточки обсасывает, и мурчит, как Папа. Но значения не придал — а надо было, надо.

Подумал, что с Ноем все мне, в общем-то, понятно.

Все понятно. То, что он на нос тугой, сразу стало ясно, с детства еще. Вот его хорошо и не кормили, какие с него перспективы? Охотник из него без носа никакой, для потомства он тоже не очень — а вдруг это хлюпанье и дальше передастся? Так что мясом в жизни Ной был не избалован — а тут целый еж! Он и не удержался, проявил нетерпение.

Хотя мы все хорошо поели, и Гомер, и я тоже. И даже Папе перепало, целая ежиная голова, он ее лапой уцепил, морду в прореху выставил — и как зажрал! Только слюни в разные стороны полетели, Папа вообще любит пожрать. И охотиться умеет. Днем его в лес вынесешь, поставишь на пенек, и он охотится. На белок. Смотрит на белок, а они сами к

нему идут от любопытства. Ценный у нас Папа, если очень в обжорстве свирепствует, так за неделю может на шубу белок наловить — шкуры-то он не жрет никогда. Правда, жирный уже — в клетку не влезает. Гомер его голоданием лечил — клетку в специальный чехол, чтобы не приманивал никого, только воды давал и клизмы ставил. Можете представить — голодный Папа, да еще на клизмах? Страшен. Однажды прогрыз в чехле дырку и стал смотреть и гудеть. А рядом как раз бабы толкно толкли, так он одну подманил и чуть палец ей не отгрыз.

И сейчас обожрался, а сытое брюхо для слуха глухо, так еще раньше говорили.

И мы обожрались. Угли притушили, разморило что-то. Гомер карту стал промерять, записывал, потом на небо смотрел. Говорил, что совсем скоро уже, правильно идем, вон оно, шоссе, простирается.

Гомер указывал направо.

Правильно идем. И до Кольца день пути, может, два, если не торопиться. А у Кольца всегда кто-то есть. Всяким торгуют, оружием, снарягой, лекарствами. И тем, что нам надо тоже. А нам всего ничего надо, штуки две-три, на порох поменяем. Пороху у нас много, Гомер всю зиму экономил, рыбу добывал.

Я поглядывал на Ноя. Вообще, все удачно пока получилось. Вышло нас много, а осталось двое, Гомер не в счет, он уже старый, ему уже все равно. Я, конечно, первым выбирать стану.

Я закрыл глаза и представил, как я стану выбирать. Вот подойду, посмотрю и скажу...

Дальше почему-то совсем не представлялось.

А Гомер уже рассказывал. Про то, как раньше жили, до Мглы, до Воды. Даже по воздуху летали, даже за воздух, в космос прямиком. А потом он вообще от еды опьянел — возраст, тридцать лет все-таки, уже совсем не молод — и стал истории травить. Про то, как он в юности — ну, вот как в нашем возрасте совсем — два раза ходил за Кольцо. Не к границе, а за нее прямо, в город. И чего он там только не видел...

Я эти истории раз восемь уже слышал. Про все эти хождения, но все равно слушал.

— Хляби там — совсем не такие, как у нас, — рассказывал Гомер. — У нас что, ну, ноги лишишься — и то навряд ли, ну, подумаешь, кожа слезла. А там... Вот стоит только чуть дотронуться — так сразу весь сгораешь. Как порохом посыпанный. А с неба дождь иногда идет. Но не простой!

Гомер грозил пальцем.

— Не простой дождь — кровавый! С глазами. И стены там тоже — кровью плачут, сам видел. Вот вроде бы стена как стена, белая или, допустим, кирпичная. А если приглядеться — то кровь из нее сочится. И к такой стене лучше не подходить, лучше от нее совсем подальше держаться. А демоны? Они живут в самом центре. Я уж врать не буду, не видел их. Но говорят, страшнее нет ничего на этом свете. Не спастись. Их никто не видел, но иногда находят кожу, содранную с еще живых.

Ной хлопнул.

— А тех, в чьем сердце живет зло или страх, демоны убивают сразу, — подмигнул Гомер. — Или жадность. Или гордыня. Или чревоугодие — это все грехи. И если есть грех на человеке, то демоны это чувствуют. И судьба грешников горше полыни. Демоны отнимают у них душу, тело же уродуют до неузнаваемости, так что у некоторых скелет становится наружу, а голова смотрит назад, за плечи. И там везде норы. Под землей то есть. Есть туннели, по которым раньше поезда бегали, в них теперь тьма. Есть кротовни — их прорыли адские кроты. Они всегда там роют — чтобы совсем все подрыть — тогда весь город прямиком в преисподнюю провалится, и вместо него останется только кипящая смола. А есть особые туннели, самые глубокие, железные, в них неизвестно что, я только шахты видел, которые под землю опускаются. И шахтеров. Они уже давно не люди. А совсем внизу, подо всем этим, оно и лежит.

В этом месте Гомер всегда делал паузу, и кто-то из присутствующих должен был непременно спросить: «Что лежит?»

— Что лежит? — спросил Ной.

— Оно, — зловеще ответил Гомер. — Московское Море.

Гомер наслаждался заслуженной тишиной и продолжил:

— Или Мертвое Море. Или Море Мертвых. В самых темных недрах, ниже всех труб, ниже шахт, ниже железных подземелий, под гранитной плитой оно и есть. Вот откуда Мертвые Ключи появляются, как вы думаете? От него. Потому что хочет Мертвое Море вырваться вверх. Старые люди давно говорили — не надо туда лезть, ибо предсказано — Ад, он там.

Гомер указал пальцем вниз.

— Говорили же умные — не открывайте это море, ибо в нем спит Дракон, поверженный во тьму самим Георгием, Дракон и все его поганство. Но не послушались любопытные, просверлили дыры, вот все поганое и поползло, разлилось по миру, разбежалось, и стал Потоп, и Пепел, и Хлад, и Мор, и Железная Саранча, и Спорынья, все, как раньше и предписывалось. И наступил Предел Дней, ибо Дракон уже порвал почти все оковы и сдерживает его лишь последняя Печать, но и она скоро падет, потому что четыре Ангела уже протрубили...

Мне стало, как всегда, не по себе — очень уж хорошо все Гомер рассказывает, правдиво. И про Хлад, и про Мор. А что правдиво, Хлад я и сам помню немного. Помню, темно всегда, а воду из сосулк добывали. А Мор он то и дело случается, сейчас вот тоже Мор, Спорынья разная. Оттого и идем.

— Карабины проверяем, — неожиданно сказал Гомер.

Есть у него такая черта. Воспитательная. Рассказывает что-нибудь, или просто жрем, или даже спим — а он разбудит — и заставляет. Много у него разных тренировок.

То на одной руке висишь, а другой карабин перезаряжаешь — не очень удобно, приклад коленями зажимаешь, пулю скусываешь с воротника, порох из рожка зубами насыпаешь, а шомпол вообще лбом забиваешь. И чтобы в минуту два выстрела, не меньше.

Или дыхание вот задерживаем. Сидим друг напротив друга с красными рожками и не дышим. Или приседаем — и не дышим. Я, если приседать, могу две минуты не дышать, а так хоть пять. Упражнение, кстати, полезное. Вот четыре дня назад — у Фета противогаз разошелся, пока он его вулканизировал, два раза успел пыльцы вдохнуть. Вроде ничего, обошлось, а на следующее утро нашли мы Фета в одной стороне, а его легкие в другой. Гомер даже хоронить запретил.

А еще вот закапываемся, тоже наша любимая штука. У каждого маленькая лопатка, Гомер свистит в гильзу, а мы закапываемся. Тут самое главное верхний слой снять ровно и саму почву утоптать — чтобы никаких холмиков, чтобы все одинаково. Шнорхель, опять же, аккуратно — чтобы неприметен был. И не глубже чем на метр — иначе не вылезти. Закопавшись и сидишь, ждешь, пока Гомер знак подаст. А он может и не сразу подать, я вот однажды два дня пролежал, чуть в землеройку не переделался.

А кто последний закопается, тот идет пиявок ловить — ничего в этом хорошего.

Все в пользу, говорил Гомер, легко в обучении — тяжело в лечении.

— Карабины проверяем, — приказал Гомер.

И мы тут же проверили карабины. Плотно ли капсюли сидят, пули не выкатились ли, дульные пробки покачали. Все было в порядке, и удовлетворенный Гомер продолжил. Про День Гнева, конечно.

— Печать треснет, Дракон выскочит, и вот тогда-то он и наступит, — с удовольствием сказал он. — День Гнева. Уже совсем скоро. Совсем-совсем. Вода, Хлад, Мор. Огня лишь дожждаться. И все сойдется в кулак.

— А зачем мы тогда премся? — сыто спросил Ной. — Если все равно все умрем?

— Болван, — тут же ответил Гомер. — И так все умрем, никто вечно не живет. Но это неважно. А важно, как ты жил. Если ты жил как человек, с добром в сердце, то ты потом возродишься, Владыка своих не бросит. Если мы не вернемся с успехом, зло умножится и окрепнет. А если вернемся, то наоборот. К этому должно стремиться! Мы кивнули. Я вот

очень хорошо представлял это все.

— Если сделать много добра, то оно сольется в одно большое Добро — и тьма скорее сгинет. Понятно?

— Понятно, — сказал Ной. — Добро — есть свет, свет есть Бог, только добро имеет вес на Великих Весах.

— Верно, — Гомер выковырял из зуба кусок ежа, выплюнул, отбросил иголку. — Все совершенно верно. Если тебе дадут выбирать — совершить зло или сгинуть — выбирай сгинуть! Потому что потом поздно будет считать! Никаких примирений! Зло сюда пришло не примиряться, оно сюда за нами пришло. Чтобы всех уничтожить! А мы должны сами его истребить! Мы истребители! Тот, кто падет в бою за други своя, будет тут же зачислен в Облачный Полк! А это...

Гомер замолчал.

И посмотрел на Папу.

Мы тоже уставились на Папу.

Папа хрипел животом, извивался и пульсировал, лапа крючилась, бешено скребя по полу клетки, глаза вылезли и, казалось, выставились на коротеньких палочках, шерсть поднялась дыбом, и Папа стал совсем как недавний еж.

— Жнец, — определил Гомер. — Две минуты. Отсчет.

Дальше я действовал по правилам, быстро и аккуратно. Снял с пояса кружку-термос, литр теплой воды с марганцовкой. Два широких глотка, два поворота влево, два вправо, три прискока, пальцы в глотку.

Жареный еж неопрятной дымящейся жижей вывалился на землю. Еще два глотка, и повторение процедуры. Все. Чист.

Ввернулся в рюкзак, приладил ремни. Карабин. Попрыгал, не звенит.

— Минута, — сказал Гомер.

Он поднял клетку с Папой и приладил ее поверх моего рюкзака, притянул веревками крест-накрест. Я попрыгал. Тихо.

— Сорок секунд.

Я застегивал последние пряжки комбинезона, а Гомер уже стоял передо мной, готовый и бодрый.

Мы бы успели. Если бы не Ной.

Ной, опустившись на четвереньки, пытался вывернуть желудок. Засунул себе в глотку почти руку, но ничего не получалось, его, Ноя, натура была слишком жадна и себялюбива, она не желала выпускать наружу уже захваченное мясо.

Я подскочил к Ною, схватил его поперек туловища и попытался надавить на живот, ничего не получилось, Ной крикнул и обеда не выпустил.

— Двадцать секунд, — Гомер уже подпрыгивал, подгоняя детали.

— Не могу... — простонал Ной. — Не лезет...

— Так побежишь, — сказал я. — Растрясешься, сблеванешь через километр. Собирайся!

Я схватил рюкзак, надел на Ноя, затянул все ремни. Подсунул под них карабин, плотно, до приклада. Перехватил веревкой.

— Все, — сказал Гомер.

Мы должны были бежать. Есть твердое правило. Кто не успел — тот опоздал, опоздавших не ждут. Обычно опоздавшие погибают, но случается и по-другому. Смотря у кого какая воля к жизни. Я опаздывал два раза и пока себе вполне жив.

Гомер должен бежать первым. Но Гомер не побежал. Может, потому, что нас осталось всего лишь двое. Молодых. Он стал помогать мне собирать Ноя, и потратили на это еще почти тридцать секунд.

Когда мы двинулись, я уже слышал. Похрустывание, посвистывание, перекатывание гаек, и тоненький, почти крысиный писк, все то, что сообщает о приближении жнеца.

Мы побежали. Сначала не быстро, разогревая связки, чтобы выйти на рабочий ритм

где-то минут через пять. Шансы оставались, причем немалые.

Во-первых, нас трое. В одиночку очень сложно убежать от жнеца. Страшно, а страх отбирает силы. И думать начинаешь, а тут думать совсем не надо, бежать и бежать.

Во-вторых, местность. Руины. Проросшие кустарником и кое-где деревьями. Жнецы не очень любят такое.

Я начал считать.

Вообще к нам жнецы редко заглядывают, может, раз в месяц. И мы уже знаем, как от них избавляться. Надо сразу в лабиринт, жнец там быстро путается, он по прямым любит, иногда наискосок. А тут, пока шли, уже четвертого встретили. От первого оторвались, от второго нет уже, Алекса догнал. И снова вот.

Жнец преследует ровно пятьдесят шесть минут, это давно замечено. Если цель переходит барьер в пятьдесят шесть минут, он отстает. Рассказывают поразительные вещи. Как жнец уже почти догонял человека, какие-то метры оставались, но тут наступала пятьдесят седьмая — и он сворачивал в сторону. Отставал. Причем навсегда. Запоминает, что это не цель, и если потом спасшегося встретит, то уже не нападает на него. Некоторые даже краску с собой носят — метить жнецов. Чтобы потом от знакомых уже не шарахаться.

Уходили. Ной первым, я за ним, Гомер последний, как полагается учителю. Старались выбирать места повлажнее, жнецы влагу не уважают. Не очень спешили, силы надо было рассчитывать на непредвиденные обстоятельства — вдруг еще какой поганец выскочит?

Жнец, само собой, не отставал и даже, напротив, приближался — я слышал его все отчетливей, стрекотанье это, пощелкивание железное. Но в этом ничего страшного, жнеца можно подпустить поближе, у него скорость всегда одинаковая, он в рывки не уходит, организация не такая.

Даже на видимость подпустили — я оглядывался и иногда замечал его среди деревьев, видел, как сверкала в дикой пляске черная смертельная сталь, противостоять которой не может ничто.

Жнец похож на...

Трудно сказать, на кого он похож. То ли круглый, то ли оранжевый. Да, вот так именно. Иногда они вроде как угловатые, а иногда как сдутые книзу мячи. Совершенно смертельные. Я видел, как двое спрятались в бронемашине, думали отсидеться, так жнец через эту бронемашину прорезался, как пуля сквозь бумагу. Гомер считал, что жнецы — это и есть Железная Саранча, неумолимая и посланная в устрашение. Это уж точно, неумолимости жнецу не занимать, ничем его не собьешь.

Мы бежали, и все было хорошо. Нормально. Дышали, местность благоприятствовала, руины пологие. Немного совсем оставалось по минутам, оторвались бы.

И тут еж. Еж, которого Ной не смог выbleвать.

Ной спекся. Кровь прилила, ноги ослабели, я досчитал до двух тысяч трехсот восемнадцати. Я увидел, как он стал проседать, увидел, как он перепугался. Как зрачки расширились, и ужас в лице появился, какой только перед самой безнадежной смертью приключается.

Гомер тоже заметил, наверное, еще раньше меня, он опытный человек был. Сверхдальновидный, ни одного такого в жизни не встречал.

Гомер все понял. Потом я думал — а что бы я сделал, если б догадался, что собирается предпринять Гомер?

Не знаю.

Я оглянулся.

Жнец был уже совсем недалеко. Двигался. Задевал сосны своими лезвиями, в разные стороны щепки летели.

— Вперед! — рыкнул я на Ноя, но он сдох уже совсем, стал отставать.

Это страшно. Когда тебя преследует жнец и когда тот, кто рядом, начинает отставать. Или подворачивает ногу. Ты смотришь на него и понимаешь, что все.

Смерть. Сделать ничего нельзя.

Сделать ничего было нельзя, Ной сдавал, смерть дышала ему в затылок. Я думал уже ускориться — не хотелось всего этого видеть...

И вдруг Гомер тоже стал отставать. Сразу и на несколько шагов. Я не понял, хотел притормозить, а Гомер улыбнулся. Подмигнул даже. И для меня прояснилось — он знает, что делать. Он всегда знал, именно поэтому он был нашим учителем.

— Прибавил! — я ткнул Ноя в шею. — Прибавил!

Ной все-таки прибавил, мы врезались в кусты, распугав перепелок, и вылетели на дорогу. Асфальт. Довольно хорошо сохранившийся, даже с белыми полосами кое-где. Машин мало и распаханы по сторонам, середина дороги свободна.

Дорога, асфальт, опасная зона. Потому что по ней не удерешь — на ровных поверхностях жнец серьезно прибавляет в скорости. Дорогу следовало пересечь как можно быстрее, мы так и сделали, поперек, в канаву, потом вверх по насыпи.

Оглянулся. Гомер выскочил на дорогу. Гомер побежал по асфальту. На двух тысячах шестидесяти трех.

Ной пискнул что-то, но я треснул его по шее, и мы побежали дальше. Я считал. Лучше считать, чем думать о том, что случилось. Или вот-вот случится.

Выстрел. Он все-таки выстрелил.

Три четыреста двадцать. Я досчитал. На всякий случай досчитал до трех пятисот. И остановился. Приводил в порядок дыхание. Рядом в обнимку с осиной сидел Ной. Плакал.

Потом мы возвращались вдоль дороги по насыпи, не разговаривали, думали, что да как, спустились вниз. На асфальте четко виднелись следы жнеца. Царапины, проедины.

Торба, я ее первым увидел. Лежала на дороге одиноко.

Делили вещи.

Гомер — после рюкзака мы стали встречать Гомера.

Он лежал на дороге. В разных местах. То, что от него осталось. Мало осталось, жнец поработал, а потом еще зверье растащило. Так что непосредственно от Гомера остались только высохшие красные лужи на асфальте и руки — они пропахли порохом, и зверье их есть не стало.

Ной поморщился.

— Чего морщишься? — спросил я. — Это все очень хорошо. Следы видишь?

Ной кивнул.

— Росомаха, кажется. Точно, росомаха...

— Вот видишь — росомаха, ничего поганого, чистый зверь. Гомер был бы доволен.

— Все равно...

— То, что его звери сожрали, — значит, что Гомер правильно прожил, — сказал я. — Хороший был человек, настоящий. Звери ведь всякую дрянь есть не станут. Ты видел когда-нибудь, чтобы они мреца жрали или кенгу?

Ной помотал головой.

— Запомни, — назидательно сказал я. — Это лишнее доказательство — Гомер прожил праведно. Настояще прожил, настояще умер. А мы его помнить будем.

Ной почесал нос. Кажется, он хотел заплакать.

— Не вздумай, — сказал я. — Чего ты плачешь? Наоборот, радоваться надо. Гомер уже на небе сейчас, там.

Я указал пальцем.

— Его уже в Облачный Полк, небось, записали, выдали паяк и вечные заряды, все как полагается. Смотрит он на нас и дружеский привет посылает.

Сказал я, и как-то так сильно представил, как Гомер нам посылает привет с облака, весь уже целый, а не по ошметкам, в блистающей стальной кольчуге, что не удержался и посмотрел вверх.

И Ной посмотрел.

Но там была только весенняя синева и редкие утренние тучки, пахло росой, новым днем, солнышком.

— Просто... жаль...

— Ничего и не жаль, — возразил я. — Я тебе говорю — Гомер правильно пожил, славно зачистил территорию, не у каждого так получается. Настоящий истребитель. Мы должны брать с него пример.

— А руки что? — Ной кивнул на руки.

— В каком смысле?

— Может, себе оставим? На память...

Идея мне понравилась. Я бы хотел иметь руку Гомера, наверняка она принесла бы мне удачу. Но в походных условиях это было затруднительно. И потом, руку сначала надо правильно приготовить — высушить, натереть можжевельным маслом или другими какими растворами, — чтобы она быстро не испортилась. Высушить медленно. Не получится.

— Руки мы закопаем, — сказал я. — Зальем их маслом и спрячем. На обратном пути заберем, а когда к себе вернемся, то там их сделаем реликвией. А пока пусть полежат.

Я взял руки и понес. По дороге, уже не таясь, не очень выбирая направление, до первого грузовика. Ной залез под него, но масла не нашлось, и нам пришлось дойти до третьего. Я вырезал из фургона брезент, свернул из него кулек, затянул проволокой, положил внутрь руки. Ной добыл масла, и мы залили руки, и спрятали их под кривым заминающимся деревом. На всякий случай я вырубил топором на дереве заметную букву Г. Наступит время, и мы сюда вернемся. Похороним Гомера, поставим памятник, великим людям всегда надо ставить памятники, а Гомер — единственный великий человек, которого я знал.

Вернемся обязательно.

Потом мы возвращались. Шагали вдоль дороги, петляли, путая следы. Ной молчал. И я молчал, потому что говорить ничего не хотелось, все уже сказали. Мне уши ему отрезать хотелось, и Ной это понимал.

Потом Ной все-таки стал хлюпать, ныть и истекать соплями, но я не собирался его утешать. Шагали до темноты, спускались к югу, даже на ужин не остановились, хватит уже, наобедались.

А потом стемнело, пора было закапываться, но я увидел подходящие трубы, сваленные в гору. Трубы проросли травой и мелкими деревцами, я обошел вокруг. Залиты нефтью или какой-то черной дрянью, на которой не выросла трава, видимо, из-за этой черноты сюда никакая погань не сунулась. Во всяком случае, следов я не заметил.

Залезли в трубу, еле втиснулись, но и жнец не залезет, больше всего его боялись. Хотя так редко бывает, чтобы жнец в один день сразу двоих убил. Но на всякий случай я выставил в трубу оба наших карабина. Если кто сунется...

Да и не сунется, я накапал вокруг скунса, эту вонь мало кто может вынести.

Но все равно не спали. Я все думал о том, что нам делать дальше, а Ной вместо плача громко дышал ртом.

Наступила ночь, звезды выставились, и мы с Ноем остались совсем одни. Ной все хлюпал и хлюпал, и в темноте это слышалось совсем уж громко.

Хотел повспоминать Гомера, но он не вспоминался, потому что я его не успел еще хорошенько забыть, да и поверить до конца не мог.

Думал, что дальше делать. Весь отряд погиб, от Ноя пользы ждать не следовало. Невест не добыли. Смысла возвращаться без невест я не видел. Значит, поход следовало продолжать. К тому же мы почти уже добрались. Судя по указателям на шоссе, до города оставалось совсем немного. Восемнадцать километров. День пути, а там посмотрим.

Так и не уснул.

Глава 2

Сыть

Когда все закончилось, Гомер собрал оставшихся на вече. Восемнадцать человек.

Утром. Город тонул в тумане, мы сидели на крыше и смотрели вниз. На кладбище. Оно не просматривалось через туманное молоко, но оно было там, я даже это как-то чувствовал.

Гомер всегда говорил, своих нужно хоронить. Для поддержания человечности. Если, конечно, остается, что хоронить, руки, например. Мы хоронили. После сыти, кстати, как раз руки и остаются. Пальцы особенно. Десять пальцев. Был человек, бегал, пчел выслеживал, мречь зачищал, а осталось десять пальцев. Эти самые пальцы мы складывали в бутылки и хоронили. Там клумба как раз раньше помещалась, цветочки желтенькие, вроде тюльпаны как. В эти тюльпаны мы народ и хоронили, с табличками, как полагалось совсем.

Весной нас было двести девять. Сто восемьдесят три мужчины и двадцать шесть женщин, включая Старую Шуру. Почти сорок ей, Шуре, могучая, в прошлом году лося убила и сама приволокла. Мы были самым крупным кланом на севере и собирались прирастать. Осенью, после урожая и хорошей охоты.

Старая Шура выжила. Из-за организма. Не взяла ее сыть, побила уши, на лице ямки — все, остановилась. Кроме Шуры из женщин больше никого. Остальные мужчины. Не все крепкие, но сыть не дожевала.

Сыть занесли с востока. Отправились туда за черной смолой, вернулись все живые, повезло, редко так. Смолы набрали, хорошо. Заразу приволокли только. Мы так и не узнали, где они вляпались, наверное, это Джохан, он всегда во что-то влезал. Во всяком случае, уши у него у первого отвалились. Но он хитростью отличался, уши сжег тайно, под покровом глубокой ночи, а сам в шлеме кожаном ходил, а из-под него ничего и не видно. А потом, я как сейчас помню, утром одним, вылез Джохан к котлу за полбой, голодный, ложкой по миске стучит, улыбается, а через щеку зубы видно — за ночь проело.

Спихватились, забегали, да поздно — за ушами загнило уже почти у половины. Сыть неизлечима, это известно. Гомер, конечно же, пытался, он никогда не отступал. И пороховой настойкой, и уайтспиритом, и хирургией — уши отрезал, язвы фосфором присыпал, а не помогло.

Все сгнили, много-много. Только пальцы остались да ногти. Пальцы в бутылки складывали и сверху битумом запечатывали, и на полку, а ногти расти продолжали. Лежат себе в бутылках, растут, зреют, однако, жуткое, а Ной врал, что они скреблись там даже, по ночам.

Восемнадцать человек выжили, Гомер собрал нас на крыше. А станицу сжег. Все-все сжег, ничего не осталось, лес вокруг — и тот сжег. Имущества у нас никакого не осталось, только оружие да собственные вещи. Мы торчали на крыше и смотрели вокруг. Город заливал туман, из которого кое-где выступали крыши, на многих росли деревья, лес продолжал захватывать мир. Над тем местом, где располагалась станица, поднимался слоистый черный дым, похожий на призрака. Мне было грустно, я успел привыкнуть к станице, трудно терять дом. Я думаю, все чувствовали приблизительно то же, многие старались на этот дым вообще не смотреть.

— Погибли все женщины, — сказал Гомер. — Это конец.

Старая Шура хмыкнула, дала понять, что женщины погибли далеко не все, но Гомер на это внимания не обратил.

— Погибли все женщины, — повторил он. — А без них никакой клан существовать не может, сами знаете.

Это точно. Девочек рождается вообще гораздо меньше, чем мальчиков, и ценятся они выше. Девочек берегут, защищают, а когда клан входит в силу, у соседей отвоевывают. Ну, или меняют на что-нибудь полезное, на коз, например.

Гомер говорил, что тут все дело в природе, она сама знает. Мальчики гораздо больше расходуются — на охоте, в походах, в стычках с соседними кланами, до тринадцати лет один из десяти, наверное, доживает. А до двадцати и того меньше. Клан, у которого нет женщин, будущего не имеет.

— Нам нужны невесты, — сказал Гомер. — Надо найти. Хотя бы... несколько.

Мы все промолчали. Найти невест. Это сказать только легко, а так... Где их найдешь?

— Есть другой путь, — Гомер поморщился. — Можно разойтись.

Все переглянулись.

— Я буду откровенен, — продолжал Гомер. — Разойтись — это шанс. Мелкие группы в свободном походе могут выжить. Если в отряде больше четырех человек, то для выживания ему требуется станица. Мы можем разделиться на шесть-семь отрядов и разойтись.

Гомер поглядел на дым.

— Но это путь в тупик, — сказал Гомер. — Надо держаться вместе, люди поодиночке не живут — выживают. Только вместе, кланом. Лишь клан может защитить человека от зла, лишь клан может бороться со злом по-настоящему.

Клан, ну, то, что от него осталось, вздохнул.

— Я понимаю, о чем ваши мысли, — Гомер кивнул. — Вы хотите спросить, почему это произошло с нами? Это испытание. Мы жили давно. Мы боролись с поганством и побеждали... Возможно, мы впали в гордыню. И нам послали испытание. Чтобы проверить.

Дым уже совсем растворился в утреннем свете, стал похож на зловещий череп со скошенной челюстью.

Испытание. Давно мы уже жили, и у нас все время случались какие-то испытания. То зима холодная, то лето жаркое, то лемминг уродится, жрет все подряд, а то и ураган снесет кладбище какое — а мы потом ползимы мречь по кордонам отстреливаем. Или голод вот еще, тоже бывает. Попадет в погреба плесень, протравит запасы, сидим потом в землянках, кипяток на хвое настаиваем, пьем. Но все равно станица у нас хорошая, закордонено все накрепко.

С одной стороны болота, а в них торф горит, подземные ямы образывает. Сверху вроде земля как земля, даже мшанка, а ступишь — и все, ничего не спасет, подумать не успеваешь.

С другой стороны еще удачнее, лес. Он сначала выгорел, затем ветром его в разные стороны повалило — не проскребешься. Жнец не поскачет, мрец не пролезет, а чтобы всякая мелкая погань не покушалась, мы там еще шиповника насажали вперемешку с чертополохом.

Третья сторона, правда, открыта, лес там тоже рос, но не густой, а прогулочный, парк вроде. Тут пройти, конечно, легче, но лучше даже и не пробовать. Заминировано. Всякие мины, и большие, и маленькие, и такие, что жнеца могут подорвать. И ям мы там волчьих нарыли. И капканов поставили. И проволоки колючей напутали.

Так что тихо, спокойно. Иногда, конечно, что-нибудь да прорвется, но дозорные ведь тоже не балалайничают...

Не помогло. Сыть растяжкой не остановишь, сыть... Женщины, кстати, последними погибли, выносливость у них сильнее развита.

— Мы должны выстоять, — сказал Гомер. — Перенести трудности с достоинством. А для этого нам нужны невесты.

— И как мы их раздобудем? — спросил Фет.

— Поменяем, — сказал негромко Гомер.

— На что мы их поменяем? — пробурчал Михал. — Все сгорело, ничего не сбереглось...

Остальные согласно замычали. Правильно, конечно. На что сейчас невесту выменяешь? Меньше коровы не попросят или коз несколько. Или добра. А нет ничего, ни коров, ни добра.

— У меня есть порох.

Кто-то присвистнул. Порох — ценный продукт. Старого пороха вообще не осталось, новый варим сами, не очень хороший, дымит, осекается. Патроны приходится перезаряжать. На порох можно поменять, наверное, даже невесту.

— Три банки, — уточнил Гомер.

— На одну бабу хватит, — ухмыльнулся Михал. — Как делить будем?

— Сначала добудем.

— И где мы их добудем? — осторожно поинтересовался Гаврик.

Осторожно очень так.

— Возле Кольца.

Теперь уже выдохнули. А мне неприятно стало, в животе червячок повернулся. На моей памяти к Кольцу ходили два раза. Первый раз за оружием, я еще маленький был, меньше колеса, но помню. Потому что тогда в поход отправился мой отец. И Гомер. И еще какие-то другие люди, все молодые. Отец дал мне рябиновую пастилу и сказал, что принесет винтовку с оптическим прицелом и золотистые патроны. Их было шестеро тоже. Вернулись двое, Гомер и еще один парень. С оружием. Нарвались на шейке — ров, трое погибли сразу, а мой отец отстреливался долго, почти час, а потом подорвался на гранате. Чтобы не доставаться. Тогда Гомер подарил мне карабин. Сказал, что он еще лучше винтовки, и стал учить. Как правильно настроиться, как прочесть нужный тропарь, как не бояться и жить в правде, как стрелять без промаха — попадать в летящую стрекозу.

Когда мне исполнилось двенадцать, ходили к Кольцу во второй раз. За козлом. Коз держали, а козла не было, а какой толк от коз без козла? Ходили на север, но там своих козлов мало, тогда Гомер, который стал старшим, сказал, что у Кольца можно найти все, что угодно, а козлов там изобилие. Я к тому времени уже хорошо стрелял и вызвался, рост только вот помешал — все еще ниже колеса. Меня не взяли, и из шестерых в тот раз вернулись уже трое. С козлом. Рассказывали, как тащили этого козла, как он брыкался и вредничал, кусался и сыпал пометом, как наткнулись на жнеца и Гомер взвалил козла на плечи, бежал с ним почти час.

Козел на самом деле оказался превредный.

И вонял. Козлиный дух стоял над станицей, нарушал аппетит и привлекал волкеров — каждый день парочка попадала в капканы и подрывалась на минах, остальные же гадко выли издалека. В конце концов Гомер придумал мудрое — велел собрать клетку — примерно как у Папы, только больше, посадил в нее козла и привесил к сосне, ввысь поднял. Так что вонь теперь распространялась над и людей не задевала. А козел умудрился и сверху гадить. Мочился на проходящих и мерзко блеял, привлекая ненужную погань. Пришлось его спустить и хорошенько поучить хворостиной. Помогло, но ненадолго. А потом этого козла волкер все-таки уволок, один поводок остался и рога.

— Там, — Гомер указал пальцем в сторону юга. — Там территория вечного зла. Земля боли, разодранная на кровоточащие куски безжалостными бандами и адскими культами. Сатанисты, маньяки и людоеды, погань и перхоть, восставшая из ада. Поклоняются демонам, вершат жертвоприношения, только и ждут, чтобы вырвать из твоей груди сердце и скормить его своим тварям.

— А праведники? — спросил кто-то. — Праведники там есть?

— Разумеется, — вздохнул Гомер. — Господь не оставит землю свою без держания. Есть там и праведники. Но очень мало. Ибо тяжело поддерживать свет Добра среди праха и в терниях. Праведники там стонут под пятой падших. И только и думают, как бы спасти своих дочерей из ада.

Я подумал, что Гомер, наверное, несколько преувеличивает. Может, они там, конечно, и стонут, но чтобы отдавать своих девчонок... Они что, дураки совсем? Наоборот, беречь их надо. Я бы и за порох не отдал. За весь. И за корову, наверное, тоже.

— А как? — спросил Ной. — Как же нам отличить праведника от поганого?

— По делам, — Гомер знал ответы на разные вопросы, это мне в нем очень нравилось. — По делам их отличите. Праведник никогда в вас не будет стрелять. Праведник вас никогда не обманет. Праведник никогда не бранится черным словом. Так что вы легко отличите чистое от поганого. И если видите поганое — то не размышляйте — или стреляйте, или бегите. Остальное узнаете по пути. Кто со мной — шаг вперед. Мы вернемся и начнем новую жизнь.

Вперед шагнули шестеро. Всего. И Старая Шура. Остальные молчали и глядели в

сторону.

Шестеро, от пятнадцати до восемнадцати, если не считать Гомера, конечно. Старую Шуру мы, конечно, не взяли.

Глава 3 Дмитровское шоссе

Проснулся рано, проверил карабин, порядок. Прочитал Пробудительный тропарь.

Мне он особо нравится — прочитаешь его, раз — и сразу сил прибавляется, только читать надо *особо*, как бы внутренне подпрыгивая. Хотя, конечно, непонятно в нем много — например, мрецы в норах не живут, а ведьмы никак уж в коже не прячутся. Я тогда у Гомера про это спросил, а он покраснел вдруг так, и сказал, что у искусства свои законы, и вообще, надо не спрашивать, а верить и заучивать наизусть, и вообще он лучше знает. А у меня память хорошая, я все двенадцать тропарей еще в пять лет запомнил, сам даже потом мелких учил.

Вот и сейчас. Тоже. Прочитал, как бы внутренне подпрыгивая, настроение сразу увеличилось, захотелось немедленно, вот прямо тут кого-нибудь поганого успокоить. Но я не торопился, прислушался. Все вроде как надо. Сердце ровное, секреция в норме. Пальцы чешутся. На правой.

Посмотрел.

Наросла кожа. На безымянном, среднем и указательном. Нехорошо. Вынул скребок, принялся сдирать. Пальцы должны оставаться чувствительными — а как еще стрелять-то? Показалась кровь, остановился. Хватит, когда созреет новая тоненькая кожа, я буду чувствовать спусковой крючок тонко, стачивать пальцы — это такой старинный обычай у всех настоящих стрелков. Для проверки взвел курок и немножко погладил крючок, он играл под пальцем, механизм был уравновешен и настроен идеально. И смазан — настоящим самолетным жиром, нежным и прозрачным.

Карабин пребывал в порядке и готовности, я выглянул наружу.

Уже было видно солнце, оно висело в белесой небесной мгле и выглядело чумазым, с левого края темнела видимая заедина, отчего казалось, что солнце ухмыляется, смешно ему, как мы тут выворачиваемся, а вообще плохая примета.

Протер глаза.

Ничего, нормально, жрать хочется. Оставались сушеные караси и немного морковных корней, но я решил оставить их на случай непредвиденных обстоятельств.

Выбрался, огляделся, послушал воздух. Вокруг все вроде спокойно, чуть вдалеке и вправо старые, проржавевшие до широких дыр вагоны, еще правее вышка. Люди раньше любили вышки ставить, Гомер говорил, что через них связь осуществлялась. Хорошая вышка, метров, наверное, сто в высоту, поросла каким-то мхом, наклонилась и походила на заскорузлейший ведьмин палец. Слева холмы, на них поломанные, как зубы, стены. Подсолнухами поросли. Спокойно вроде. Утром всегда спокойно, поганство после ночи отдыхает в логах, поэтому после восхода некоторое время можно чувствовать себя в безопасности. Ну, разве что жнец пробежит, но от жнеца в дупло не спрячешься.

— Ной, — позвал я.

— Ну...

Показался Ной. Заспанный развинченный, я удивляюсь, как он вообще до сих пор жив. Столько народу перемерло, а он ничего. Наверное, тоже праведник.

— Сиди здесь, — велел я. — Карабин проверь. И жди меня, я за пожрать схожу. Понял?

— Ну...

Ной принялся отряхиваться от налипшей за ночь разности, от пластмассовых пузырьков, бутылок, прелых веревок, даже парочка мышей, пригревшихся ночью, из него вывалились. Я отправился к подсолнухам. Холмы, цветы, в таких местах всегда с едой легко. Тетерки-перепелки, а повезет, так и змею витаминную зацепишь — потом неделю можно не

есть — и все время бодрый и радостный дню.

Путешествовал я по неглубокой траве и как раз думал про такую вот змею, но встретил кролика. Возле холма, видимо, тут у них как раз гнездовище подземное. Кролик занимался своими травяными делами, рылся, шевелился и горя себе не знал, по поводу утра пребывал в беспечности. Я приблизился на достаточное расстояние и коротким движением метнул колотушку.

Колотушка — первое оружие, которому обучается человек. С восьми лет. С обеих рук. Кидать надо предплечьем, резко.

Кролик ничего, конечно, не заметил. Брыцк — и готов, упал. Лежал, белый на зеленом.

Я поглядел в небо — нет ли кречета или сокола — они любители перехватывать добычу. Но небо было чисто, воздушные хищники не разогрели еще свои сердца. Кролика требовалось подобрать, я сделал движение... и остановился.

Ужин лежал совсем недалеко, метрах в десяти всего лишь, протяни руку. Не знаю уж почему, но я продолжал стоять. Кролик оказался мне слишком белым. Нет, белые кролики встречаются, это не редкость, их много. Но этот кролик выглядел уж как-то очень бело, как самый первый утренний снег, не испорченный следами.

Я стоял и смотрел. Минут десять, не меньше, так что даже подтянулся Ной.

— Что там? — спросил он. — Бобра убил?

— Не... Кролика вот.

— А чего не берешь? Жрать охота, пожарили бы, вона какой жирный...

Ной облизнулся и шагнул к кролику.

Я поймал его за шиворот, оттащил назад.

— Ты чего? — удивился Ной. — Жрать охота...

— Тебе бы все жрать! — прошипел я. — Уже все прожрал.

— Можно подумать, ты не жрешь, — обиделся Ной. — Кролик большой, в нем мяса, наверное, килограмма два! Чего боишься-то?

— Мухи не садятся, — сказал я.

— Что?

— Мухи не садятся. Кролик мертвый, лежит, кровит, а мухи не садятся.

Я сунул Ною трубу, Ной смотрел долго.

— Да, не садятся. И что?

Я покачал головой.

— Что, не понимаю?

— Тут много мух. Вот на тебе даже мухи есть.

— Нет на мне мух! — огрызнулся Ной.

— На тебе есть, потому что ты воняешь. И на кролике должны. Мухи чувят. А нет их. Почему?

Ной злобно плюнул.

— Почему-почему, я тебе могу тысячу причин назвать почему! Может, этот твой кролик в газойль вляпался. Или еще куда. Знаешь, муха не на каждого ведь еще и ползет...

— Это точно. Но не знаю... Крутом полно всякого зверья голодного, а никто пока не явился. Подозрительно.

Ной недовольно пнул землю.

— Давай решай скорей — подозрительно — не подозрительно. Или берем, или уходим. Вон вышка как ведьмин палец совсем, грибов накопать, туда пойдем.

Я кивнул. Под ведьмиными пальцами грибы на самом деле растут. С помощью Папы можно найти, у него нюх хороший.

— Ладно, пойдем, — сказал я.

— А колотушка?

— А, — махнул я рукой, — другую вырежу. Или...

— Давай Папу попробуем, — предложил Ной. — Привяжем к веревке и туда кинем. Посмотрим.

— Я тебя лучше кину! — разозлился я.

Хотя идея была неплохая. Папа чует, пусть кролика прочует. Я взял у Ноя клетку с Папой и направил его в сторону кролика.

Папа сидел спокойно. Ворочал глазами, нюхал воздух, шевелил лапой. Никакого беспокойства не проявлял, сидел себе, фырчал, дышал.

— Вот видишь, — сказал Ной. — Кролик как кролик...

Кролик поднялся. Сначала сел, потом принялся мелко прыгать.

— Да... — ухмыльнулся Ной. — Рука не тверда, да? Промазал.

— Я не промазал, — сказал я. — Никогда не мажу.

На самом деле не промазал ведь я, слышал, как колотушка его по башке стукнула. Наверное, оглушил только.

— Ну-ка... — Ной снял с плеча карабин. — Сейчас я...

Ной быстро прицелился, выстрелил. И это по кролику-то. Пулей. Дурак все-таки.

Кролика разорвало на две части. Белые комки разлетелись далеко друг от друга, Ной радостно вскрикнул, порадовался удачному выстрелу. Хотел рвануть вперед, я его снова удержал.

— Перезарядись, — велел я.

Ной принялся медленно — на пять секунд дольше, чем я, — и неумело — руки дрожали — заряжать. Я смотрел на кролика, неприятное чувство не отпускало.

Кровь. Совсем никакой крови. Белая шерсть. И все.

А потом...

— Ах ты... — ругнулся Ной. — Вот погань...

Кролик полз. Задняя часть. Медленно, еле-еле. Ползла к передней.

— Уходим, — я тоже сдернул карабин.

Ной уже пятился. Я глядел на Папу — спокоен, вроде дремлет. А кролик сползается. Разрубленный пулей кролик сползлся, я такого никогда не видел. Погань. Настоящая погань, наваждение.

Я испугался. Вот сползется, срастется — и случится что-то страшное. Обязательно. С неба протечет кровь, земля же непременно разверзнется и выплеснутся всякие уроды, мрецы и прочее вурдалачье растрепанное, и все провалится и рассыплется.

— Что это? — прошептал Ной.

Я выстрелил. Половинка кролика отлетела в подсолнухи. Перезарядил карабин. Стали отступать, стараясь держаться к востоку, что было нелегко — началась трудная местность — вросшие в землю вагоны и железные бочки, и вообще много железа, превращенного в настоящий лабиринт. Иногда встречались автомобили, и я на всякий случай для интереса проверял аккумуляторы. Нигде не было целых, пригородные банды все уже давно расковыряли и расплавили, ничего не осталось. Потом началась сгоревшая земля, в которой очень сильно разрослась волчанка, и все вокруг было синее и нарядное, даже жить захотелось.

Волчанка — очень полезное растение. Если много собрать, высушить и выварить, то можно сделать отличное противоядие против мреца, например. То есть если мрец тебя покусает и ты быстро выпьешь противоядие, то можешь и не заразиться. У нас она мало растет. Гомер даже думал как-то собрать семян волчанки и рассадить ее вокруг нашей станции.

Я достал карту и отметил полезное место. На всякий случай.

— Может, останемся? — предложил Ной. — Поживем, пособираем. Наварим микстуры, а?

— Нет, пойдем дальше. Тут лучше не останавливаться.

— Почему?

— Так. Подозревается что-то.

— Ну да ладно. Слушай, а что это там? Что за погань-то? Никогда такого не видел... Кролик, он как приманка, что ли? За кроликом полезем, а оно нас и цап...

— Зверобой, может, — предположил я.

— Не, — помотал головой Ной. — Зверобой не такой...

Я и сам прекрасно знал, что зверобой не такой. Зверобой я однажды видел, далеко, на севере. Золотой корень как раз искали, на Дальних Озерах. Шли по лесу и вдруг увидели. То есть сначала почувствовали. Вонь. Такая сильная, что глаза зачесались. Думали, что скунс там сдох, обрадовались —дохлый скунс — это клад вообще, но как поближе подошли и увидели, что не скунс. Поляна, копытце, только вогнутое чуть внутрь, как муравьиный лев делает, только большой совсем. Но не лев, там вокруг твари разные лежали, ближе к центру коровья порода, лось, козы, косули, кенга, а потом уже вперемешку, и волкер, и медведка, и пара росомых. Все дохлые, но совсем необъеденные, протухшие только. Зверобой. Папа был тогда еще совсем маленьким, забился в клетке, а мы поспешили подальше.

Зверобой точно не такой.

— Это людобой какой-то, — сказал я. — Такого не видел. Пойдем.

Через час остановились. На насыпи. Крутой и высокой. Когда-то по ней тянулись рельсы и туда-сюда ездили поезда, а сейчас рельсы вспучились и выгнулись вверх, это потому что летом жарко — зимой холодно, теперь висели в метре над землей. А то и выше. Очень хотелось по рельсам, но это опасно, вообще надо держаться поближе к земле и останешься цел.

Солнце возвысилось до полудня. Достал по карасю, и Папе одного, стали есть, потом воду пили с солью. После обеда Ной разделся, достал пороховую настойку и принялся осматривать вериги.

У него все время что-то воспаляется. Зажимы всегда гноятся, ему Коваль даже серебряные сделал — для антисептики, — но не помогло. И зажимы-то слабые, но все равно. Гниет. Вот и сейчас, снял куртку, рубашку крапивную засучил до пояса, вериги показали. Простые такие, детские, струбчинки обычные, винтовые, все регулируется, не то что мои пружинные — раз и сразу до крови. Но Ною и винтовые не в корм, здоровье наследственно ослаблено.

Вериги убрал. Кожа под ними была красная, а под одной совсем нехорошая, белая и протухшая.

— Мерзко, — сказал Ной и поежился.

На самом деле мерзко. У меня как-то тоже воспалялось, правда, пятка, не верига, ходил с трудностью. Гомер тогда мне пятку разрезал и все вычистил, потом бегал как новенький. Тут тоже надо. Резать. Или жечь.

— Жечь надо.

Ной поморщился.

— Надо.

Я достал рожок.

Вообще, в веригах сплошные достоинства. Во-первых, повышается болевой порог, во-вторых, вырабатывается суровость характера, в-третьих, укрепляется иммунитет, в-четвертых, учишься спать неподвижно, как бревно, — чтобы не уколоться, в-пятых, смиряется дух... Одним словом, без вериг тяжело, человек вырастает неженкой и плохо противостоит трудностям мира.

У меня вот их три — две на левом боку — плоские, пружинные крабы, и одна в треугольной мышце, булавчатая, каждое движение левым плечом отдается, уже несильно, я уже почти привык. Гомер, тот вообще проволокой колючей опутывался, специальной такой, нержавеющей. В пять витков, а иногда, для повышенного смирения, и в семь.

— Без вериг в жизни — что в походе без блохоловки, — говорил Гомер, стягиваясь своей проволокой.

Это точно, без блохоловки в походе трудно. Спишь то в земле, то на земле, налезает. Дома, конечно, циклоном протравишься — красота, а в дороге... Я как-то спросил Гомера — а может, мы зря с блохами боремся? Они ведь тоже, как вериги, только маленькие, кусают, боль причиняют.

Блохи — не есть ущемление, ответил Гомер, блохи — всего лишь нечистота телесная. А где нечистота телесная, там рано или поздно и душевная нечистота заводится, грязь преклоняется к грязи. К тому же блохи на мрецах базируются, переносчики вредных инфекций, посему с ними надлежит неукоснительно бороться.

— Надо прижечь. Кусай руку.

Ной вцепился в ладонь.

Белая кожа сгорела, Ной зашипел. У меня в рюкзаке оставался золотой корень, я сунул ему.

— Жуй.

Ной стал жевать.

— Хорошенько разжевывай, а то не подействует.

Оставалась еще смола, для самых важных ран, несколько тюбиков, я размял смолу, затем разжевал, приложил к обожженному мясу, притянул тряпкой.

— Дальше.

Мы двинулись вдоль насыпи, но через километр Ной побледнел и сел. Его трясло. Он стучал зубами так громко, что я решил отдохнуть, поспать. Вернее, даже не поспать, а отоспаться как следует. Досыта. Во сне организм лечит все недуги, сопротивляется. Когда нет нормальных лекарств, следует спать. И пить воду. И есть.

Я вытащил карася, дал Ною. И флягу тоже.

— Жуй.

Он принялся жевать. Я стал копать колыбели. Под насыпью, между кочек. Земля была мягкая, но упорная, я преодолевал ее с трудом. На колыбели ушло почти два часа, долго. Я сунул Ноя в яму, отдал свою подстилку.

— Спи, — сказал я. — Утром будешь новеньким.

Вытащил шнорхель, замаскировал в кочке.

Затем закопался сам. Я себя тоже не очень чувствовал. Страшновато: так далеко забрались, до самого города. До самого Кольца почти. Одиноко. Оторванно. Но я не могу долго думать о неприятном, у меня в голове все бороздки прямые. Я уснул, и мне приснился Гомер. Он сидел возле костра и молчал, а потом у него вдруг отвалились руки, и он стал их с грустью рассматривать.

Откапываться всегда тяжело. Просыпаешься в полной темноте. К утру земля почти всегда оседает, и на тебя наваливается тяжесть, на грудь, на живот, дышать становится тяжело, заглядывают пугающие сны. Вообще, устроить колыбель правильно — искусство, сколько народу погибло, задохнувшись во сне, скольких волкеры отрыли...

Я год учился правильно колыбель копать, вокруг нашей станицы все окрестности перекопаны. Как над нами Гомер только не издевался. Копали колыбели одной рукой, с завязанными глазами, конечно, копали, чуть ли не зубами их копали. Научились. Все-таки Гомер великим человеком был, никто с ним не сравнится. И так глупо умер. Хотя почему глупо, наоборот. Он учителем был. И умер, спасая своих учеников. Наоборот, здорово. Принял решение за несколько секунд, оставался тверд до конца. Настоящий праведник из праведников, вечная ему память, такого в Облачном Полку сразу в стратеги производят.

Дышать стало тяжело, Папа приглушенно пыхтел — верный признак, утро. Я перевернулся на живот, уперся руками и стал подниматься. Земля неохотно поддавалась, но я был силен и выбрался на поверхность. Огляделся. Все спокойно, туман, необычного такого желтого цвета, переваливался через насыпь как живой.

Стал откапывать Ноя. Он лежал нехорошо, на животе, перевернул. Ной был жив. Спал. Похрапывал. Я побрызгал на него водой, Ной открыл глаза.

— Чего?

— Пора.

Ной вылез из колыбели, проверил ожог. Рана подсохла, неприятная краснота вокруг рассосалась.

— Идем.

Ной что-то пискнул о сушеной рыбе и о необходимости хорошего питания в походе, но я его не стал слушать. Стоило поторопиться, Гомер говорил, что вся торговля начинается с утра, менялы, бартерологи и трейдеры, они слонялись вдоль Кольца и предлагали свой товар по утрам. Товар они брали за дорогой, а по эту сторону сбывали его с интересом. С той стороны поступало оружие, старые лекарства, сахар, разные полезные мелочи, с этой еда. Гомер говорил, там, за Кольцом, всегда с едой плохо, так плохо, что иногда тамошние жители даже землю жареную едят. А иногда торговцы торговали невестами. Ну, это так называлось, что торговали — на самом деле девчонки сами хотели оттуда по-быстрому убраться, потому что там с женихами туго, а те, что есть, неспособны к жениховству из-за воздуха. Так что торговцы на самом деле только помогают познакомиться, все по-человечески, без нарушений.

Мы шагали по насыпи, через туман. У меня было странное чувство, казалось, в жизни начинается что-то новое и большое. Наверное, это из-за того, что я приближался к городу. От городов, даже небольших, такое случается. Наверное, там действительно какие-то ненормальности с воздухом. А этот город и вообще большой.

Потянуло запахом с окрестного болота, ветерок разогнал поверху мглу, и я сказал:

— Пришли.

— Что? — вздрогнул Ной.

— Смотри, — я указал.

Из тумана торчали крыши зданий, небольшие вышки и одна большая. Она поднималась из тумана и была похожа на шприц, втыкающийся в небо. Возле шпигля околачивались мрачные облака, казалось, что они болтаются на невидимых нитках.

— Это самое высокое место в мире, — сказал я. — Вышка. Оттуда видно все. Даже то, что Земля круглая, видно.

— Мы туда?

— Туда не пройти, — сказал я. — Там Дорога Птиц, через нее живому нет пути. Будем ждать, тут торговцы часто появляются. Они вокруг ходят, меняются. Мы тоже поменяемся. Тут недалеко уже...

— А как торговцы проходят? — спросил Ной.

— Не знаю. Они пронырливы очень, вот и проныривают где-то.

Мы постояли немного и двинулись к югу, через полчаса набрали на столбик с цифрами, а затем уже и на дорогу.

Дорога оказалась весьма и весьма удачная — весь асфальт расколот на большие неровные куски, жнецу по такой дороге трудно, а нам ничего.

Продвигались спокойно, потом началась какая-то ерунда — блестящие тележки с колесами, много, в некоторых еще барахло сохранилось, тряпки, банки консервные, травой поганой проросло. Пробираться через это железо было тяжело, и мы сошли в сторону, вдоль брели, по канаве. Хляби опять начались, и пришлось снова на дорогу.

Местность постепенно менялась. Лес другой. Не знаю как, но лес другой сделался. Мертвый. Ненастоящий. Обычно то птички поют, то кузнечик стрекочет, мертвяки там хрустят или еще какой звук дребезжит. И движение. Все время движется что-то, мелькает на фоне, туда-сюда, макаки по соснам прыгают. А тут ни звука, ни движухи, даже листья не падают. Страшно, неприятно, все время слушаешь и глазами шевелишь. И дома. Высокие, и растут прямо из леса. Кроме домов вышки, вышки, вышки, железные, на рогатки похожие, и усы с них свисают, во люди раньше были...

Километра четыре шагали, затем увидели.

Над дорогой на ржавых решетчатых фермах крепился широкий железный щит. На нем блестящими белыми буквами было написано:

ДМИТРОВСКОЕ ШОССЕ. МКАД, 0.5 КМ

Под щитом на длинной веревке болталось что-то непонятное, мне показалось, что змея. Вытянутое что-то, от щита до земли почти. И покачивалось так на ветерке.

Остановились.

— Что за погань? — спросил Ной.

— Не знаю...

Вряд ли животное, зачем его вешать, стараться? Значит, человек.

— Живым повесили, — сказал Ной. — Долго висел, вертелся, оттого и вытянулся.

— Не протух почему-то, — сказал я.

— Ядовитый, наверное, вот и засолился. Зачем его повесили-то?

Я пожал плечами. Просто повесили. Хотя я не стал бы стараться — лезть на щит, веревку, много возни. Мы немного подумали, что следует делать, и решили продвигаться дальше, через пятьсот отмеренных поняли, что этот повешенный значил.

Увидели Птичий Путь. Дорога пробегала чуть вниз, широкая, с разделителем посередине. Машины. Ржавые, смятые, разорванные, некоторые приплюснутые, большие и маленькие, разные совершенно. Опасно она не выглядела, но я знал, что это совсем не так. Единственная дорога, которую нельзя пересечь.

— И что? — с разочарованием спросил Ной.

Я его вполне понимал. Я сам ожидал увидеть здесь что-нибудь необычное, такое... Не знаю какое. Гомер говорил, что дома здесь должны быть до неба и стекла целые, много целых стекол. Деревьев никаких. Все блесит. Полно погани. То есть куда ни посмотри — везде одна погань. И на каждом шагу хмари. И хляби. И даже в воздухе хмари. В стенах домов. Настоящий ад. А здесь все...

Скучно. Хотя, может, так оно и есть, ад — это скука.

— Это и есть... — Ной кивнул на дорогу.

— МКАД, — сказал я. — Это он, Путь Птиц.

— И куда теперь? Где эти торговцы? Где невесты?

— Ждать. Они сами приходят. Надо только местечко найти...

Рядом располагался дом. То есть скелет дома, его построили, а стены нет. Мы поднялись на второй уровень. Там оказался настоящий лес, мох, низкорослые деревья и, к моему совершенному удивлению, черничник. Мы залегли в мох и стали ждать.

Чернику ели. Сладкая, даже Папа сжевал пару ягод, что говорило о том, что черника вполне съедобная, ядов нет. Удобное местечко, интересно, что там дальше наверху растет? Может, клюква, а может, даже и женьшень или травы какие полезные. Потом сходить надо, посмотреть...

Не знаю, сколько мы там пролежали, Ной уснул даже, я его будить не стал, все смотрел и смотрел. Отсюда было неплохо видно ту сторону, за дорогой. Дома, да. Они выступали из разросшейся зелени. Некоторые выглядели как новенькие, только без стекол, другие были разрушены и оплыли, словно свечи, еще некоторые проросли зеленкой, как тот, в котором сидели мы, от третьих не осталось почти ничего, только высокие железные столбы, вокруг которых болтались тросы и какая-то дрянь, развевающаяся по ветру. Домов стояло много, выглядели они мертвыми и неприятными. Трубы еще торчали, покосившиеся и полосатые, а вдалеке, в западной стороне, возвышались расплывчатые громады, касающиеся небес, непонятные и тревожные, и Вышка, переливающаяся малиновым цветом.

Я достал подзорную трубу, намереваясь приблизить даль и убедиться...

Наверное, я так и рассматривал бы этот город, но заметил движение внизу.

Старик. Так мне показалось. Человек передвигался слишком медленно для молодого и был увешан множеством мешков, коробов и корзинок. Торговец, Гомер говорил, что они выглядят именно так, обвешанные все.

Ткнул Ноя.

Невест видно не было. Но я подумал, что он их наверняка прячет в схронном месте, где-нибудь в недоступности, поскольку товар слишком ценный.

— Сиди здесь, — приказал я Ною. — Не высовывайся, если я только не подам знак. Ясно?

— Ясно. А почему не высовываться?

— Потому что я знак не подал! — прошипел я. — Все.

— Послушай...

— Я вернусь, — перебил я.

— Ну да, — уныло пробухтел Ной. — А можно...

— Нет.

Я осторожно стал отползать через мох. Не спеша, чтобы не брякнуло ничего, чтобы не спугнуть, Гомер говорил, что торговцы очень пугливы. Так же осторожно, почти на цыпочках, сбежал вниз.

Старик оглядывался. Возможно, он меня уже почуял.

Я улыбнулся самой доброжелательной улыбкой и вышел из здания с поднятыми руками — старинным жестом приязни.

Старик дернулся, но я улыбнулся еще дружелюбнее.

— Привет! — сказал я. — Ты торговец?

Старик стал пятиться. Смотрел и пятился, глаза у него выкатывались, причем страшно.

Я начал медленно приближаться к старику, стараясь его не спугнуть. Продолжая показывать безоружные ладони.

Старик остановился и вдруг быстро зашагал мне навстречу. Схватил за руку, заглянул в глаза.

— Я хочу меняться, — произнес я как можно внятней. — Разными вещами. У вас есть полезные вещи? У меня есть порох. Вам нужен порох?

— Порох... — выдохнул старик. — Кровь... Тебе нужна кровь?

— Нет, мне не нужна кровь, нужна...

— Кровь! — скрипнул зубами торговец. — Я не торгую кровью!

— Успокойся...

Он прошептал что-то, я не расслышал.

— Чего ты говоришь? — спросил я. — Скажи погромче...

— Беги, — произнес старик громче.

— Куда? — глупо спросил я.

— Беги! Беги! Беги!

Старик шарахнулся, я огляделся. Ничего. Мир. День. Воздух.

Выстрел.

Автоматическая винтовка, только она стреляет так сухо. Пуля попала в ногу, торговец упал и завыл, я прыгнул в сторону, спрятался за вросшим в землю колесом, и тут же в резину ударила очередь. Кучно. Метко.

Торговец попытался спрятаться в какую-то щель, но щель оказалась мелкой, он не влезал, хотя и старался.

Второй выстрел. Вернее, вторая винтовка, более глухо сработала, наверное, с компенсатором. Пули вжикнули по металлу.

Двое.

Неплохо бьют. И патронов не жалеют, значит, патронов много. Стреляли в старика, зачем? Правильнее было бы в меня, почему тогда...

Через секунду я получил ответ на этот вопрос. Пуля чирикнула рядом с рукой. И тут же еще. Стреляли из-за спины.

— Лежи смирно! — крикнули. — Дернешься — пристрелим!

Все. С разных сторон, со спины тоже. Даже если я и дернусь, то не успею. Надо схватить карабин, перевернуться...

Нормальный стрелок меня пять раз продырявит.

Ной. Он мог помочь. Стрелок он, конечно, никудышный, но позиция у него отличная, слепой попадет...

Ной молчал. Не стрелял. Если бы он убрал хотя бы одного, этого, кто зашел ко мне со спины, я бы рискнул. Толкнулся бы вправо, с разворотом, и попытался...

Не исключено, что за спиной двое. Один стреляет, другой прикрывает. Так что, может, Ной и правильно делает, что не высовывается. Нечего тут высовываться, беречься надо. Если

он объявится, меня тут же пристрелят. А потом его.

Лучше прятаться.

— Лови!

Рядом со мной звякнуло железо.

— Голову не поднимай, это наручники!

Я не поднимал голову, не дурак.

— Ружье оттолкни! — приказал этот заспинный.

Я отодвинул карабин.

— Руки в разные стороны — и поворачивайся.

Метров двадцать. Судя по голосу. Топор. Кидать неудобно, и вряд ли попаду. Так что лучше не пытаться. Убивать не собирались, значит...

— Поворачивайся!

Я не спеша повернулся. Так и есть — двое. С винтовками. Магазины удлиненные, много зарядов.

— Руки!

Я показал руки.

— Наручники!

Я нацепил наручники.

— Поднимайся.

Подниматься на ноги в наручниках не очень удобно, пришлось упираться лбом. Но я поднялся.

Огляделся.

Ноя не видно, молодец. Интересно, что бы я стал делать на его месте?

Не знаю...

Еще двое. Мало отличались друг от друга. Пулеметные ленты.

Четверо. Всего четверо. Возможно, где-то еще посадили снайпера.

Стали сходитьсь. Целиться не переставали. Правильно сходились, чтобы в случае чего друг друга не перестрелять. Бывалые, а со скованными руками бегать неудобно.

— На колени!

Для впечатления выстрелили. Рядом с моей ногой.

Я опустилсЯ.

Они приблизились. Один схватил меня за шиворот и повалил на спину. Довольно больно, когда тебя роняют вот так, ступни выворачивает, можно и сухожилия порвать. Затем его товарищ засунул мне винтовочный ствол за шиворот, а первый перекинул руки за спину и замкнул наручники на ключ.

Все.

Они отбросили меня и занялись стариком.

Старик перекатился и попытался удрать, но не получилось, его схватили за шкуру и выдернули на ноги и стали бить.

У него не было оружия. Это меня удивило. Первый раз я видел человека без оружия. Сумасшедший, подумал я. Не торговец, сумасшедший. Иногда они и к нам заходили, обычно весной. Их никто не прогонял, даже кормили, даже селили в отдельной палатке, а они за это пели по вечерам песни и рассказывали стихи с выражением, играли на бубне. Раньше сумасшедших много водилось, они бродили стаями, распевали частушки и богохульствовали на все лады, потом их стало гораздо меньше, потому что сумасшедшие не могли сопротивляться погани, и вот их почти совсем не осталось. Наверное, это был последний, правда, я никаких инструментов не видел, может, он играл на гармошке губной. Вообще, у нас в сумасшедших никто не стреляет...

Эти стреляли.

Этим вообще было на все плевать. Грешники. Явные. Наверное, сатанисты, они все так поступают. Падшие.

Главный — я легко определил главного, по глазам, Гомер учил нас определять —

сказал:

— Старик не нужен.

И тот, что надел мне наручники, тут же выстрелил в торговца.

После чего они принялись за меня. Били. Не знаю, зачем.

Старика вот взяли и убили. Падшие души, лишенные спасения. Он им ничего плохого делать не собирался, а они раз — и убили. Падшие, у них на лицах это написано, знаки присутствовали в изобилии. Злоба, пороки разные, мерзкая сыпь и омерзительные прожилки, гной глазной и гниль зубная, и вонь и вообще.

Пусть будут прокляты.

Избили крепко. По ногам старались не бить, видимо, берегли. Зато старались по телу.

Пусть будут прокляты.

Хотя они и так уже прокляты.

Глава 4 Нулевой километр

— Эй, как там тебя, Дэв... Пожрать что-нибудь есть?

Старший Рябой — рожа как дробью мелкой стрельнули, Молодой еще, тот самый, который мне руки сковал. Двух остальных я не знал как зовут, но негодяи и суцая дрянь, это понятно. Еще был Плешак. Плешак сидел неподалеку от того места, где взяли меня. Прикованный к высокой железной рогатке. Меня тоже приковали рядом с ним, руками к ферме, причем руки задрали так высоко, что я висел как на дыбе, плечи выворачивало, Плешаку было гораздо лучше, он просто сидел на земле.

Некоторое время мы молчали, потом Плешак завелся и уже не затыкался.

Болтал, болтал, болтал. В основном про то, что нас тут не просто так приковали. Во-первых, мы можем быть приманкой. Тут неподалеку болото, а это много о чем говорит. Там могут водиться коркодилы, а коркодиля желчь — ценнейший продукт, особенно от суставных немочей. Во-вторых, тут опять же неподалеку болото, и не исключено, что там водится Демон Вод Ульху, которого как раз пришло время задобрить свеженькой человеческой жертвой...

При этом Плешак с поганеньким радостным сочувствием поглядывал своими хитренькими глазками, видимо, на эту жертву я как раз и предназначался. Во всяком случае, по его мнению.

Где-то через час Плешак проговорился. Оказывается, Демон Вод Ульху был очень брезгливым демоном — поскольку в водах обитал, а в водах не то что на суше, чисто. И вот, когда Демон покажется из своей трясины и приблизится с плотоядными намерениями, следует немедленно обгадиться. Чудовище почует вонь и побрезгует засранцем. Так что он, Плешак, чувствует в этом отношении себя вполне уверенно.

Плешак с превосходством улыбнулся.

Дело в том, что он дальновидно не ходил по нужде уже три дня, создав тем самым необходимые для отражения посягательств демона припасы.

Конечно, рассуждал Плешак вслух, тут возникают определенные сложности — чтобы таким образом отпугивать Демона, нужно что-то употреблять в пищу, вот он и спрашивает, нет ли чего пожрать...

Даже если у меня и было что пожрать, то все равно достать я бы не смог — руки-то задраны. Но Плешак на это никакого внимания не обращал.

Банда явилась часа через три, к этому моменту у меня уже затекли запястья и плечи. Но я терпел, вернее, почти не чувствовал боли, потому что Плешак болтал, никак не унимался, это действовало крепче белены, еще чуть — и у меня из глаз потекла бы кровь.

— Лучше с ними не разговаривай, — советовал Плешак, пока они приближались. — Это рейдеры, они всех убивают. Нас тоже наверняка убьют, завтра или послезавтра. Или через три дня...

— Зачем?

— Зачем убьют? Да мало ли... Человека можно много для чего использовать, кожа, например, очень хорошая...

Я хотел напомнить — совсем недавно Плешак утверждал, что нас припасли для Демона Вод и надо этому всеми силами желудочных отделов организма противостоять, но не стал. К тому же Плешак убеждал, что лично он охотников за кожей не опасается — он уже загодя повсеместно испещрил свое туловище язвами, шрамами, кратерами от фурункулов и прочими кожными напастями, так что с этой стороны у него тоже все в порядке, гораздо хуже будет, если...

— Если туда продадут, — продолжал Плешак — Там, — он кивнул на запад, за Кольцо, — там много охочих до человечинки...

И вообще к вечеру этого дня я немного пожалел, что падшие меня не пристрелили. Пух — и все, я уже поднимаюсь по хрустальной лестнице в сияющие чертоги Облачной Канцелярии. А тут...

Плешак оказался настоящим чудовищем, хуже волкера. Он все время болтал, то есть рассказывал о своей прошлой жизни и немного о будущем, в прошлом ему жилось весьма хорошо, в обозримом будущем он должен был сдохнуть, но это ладно, плохо, что пожрать ничего нет.

— Я говорю — мы точно сдохнем. У тебя есть что пожрать? Если есть, то этим не говори...

— Нет, — ответил я.

— Я так и знал. Я так и знал, а я уже совсем немолод, чтобы голодать... Слушай, дружок, ну, может, в карманах, у тебя так много карманов... Уже подходят, это рейдеры, они всех убивают...

Появились рейдеры. Избили немного, затем нагрузили добром и повели на юг. Я отметил, что карабин, и рюкзак, и спальник, все мои вещи они не выкинули, сохранили. Даже Папу оставили.

Плешак тоже это отметил.

— Это правильно, что они кошака твоего не выкинули, — сказал он. — Смотри, какой он жирный, мы потом его сожрем...

Плешак был уже совсем стар, лет, наверное, около сорока, удивительно, как он до такого возраста дожил. Вот Гомер, он тоже немолодым умер, но Гомер от этого Плешака здорово отличался. Худой такой, твердый, как из веревок железных скрученный. А у этого брюшко, щеки, колени распухшие, как он так протянул?

Плешак сам рассказал как.

Как счастливо он жил на юге, в какой-то очень удачной трубе. Труба была забрана мелкой решеткой, и никакая крупная дрянь сквозь решетку не проникала, сама же труба находилась рядом со старицей, чрезвычайно богатой лягушками. Как за много лет такого житья Плешак приобрел прочные навыки охоты на этих самых лягушек и никогда не голодал. Он чрезвычайно точно метал камни, ловил лягушек сетью и накалывал на особую пику, связанную из острых спиц. На зиму он вялил лягушек, с запасом вялил, и нанизывал на проволоку такими стогами, и всю зиму питался ими с большим удовольствием, жир нагуливал. Никуда особо не ходил, предпочитая прятаться в трубе. И так бы и продолжалось, но весна выдалась морозной и в старице вымерзла вся икра.

Некоторое время Плешак держался на старых запасах, но потом ему пришлось вылезти. Он совершенно не умел охотиться, не умел ловить рыбу, не умел искать грибы, но ему повезло — забрел на заросли мышиного гороха, обожрался и уснул. А проснулся уже в наручниках. Ничего, в наручниках тоже жить можно, особенно такому полезному человеку, как он. Вот они вчера проходили мимо канав, в них наверняка есть лягушки, отличные, упитанные, он может набить лягушек и зажарить их на решетке, он умеет подманивать лягушек особым звуком. Плешак тут же стал изображать горлом, как он этих лягушек подманивал, и заквакал довольно мерзко и тошнотворно. Меня точно затошнило, однако на

помощь пришел Молодой и избил Плешака, после этого он совсем плохо стал ходить.

Но не заткнулся. Вспоминал свое детство да свою молодость, как там все по-другому было, и все время тыкал мне в спину.

Увидит что-нибудь, и тычет.

— Это Медведково. Северное. Тут медведки жили, во множестве, ги-иблое место. Мне папа рассказывал, они на медведок ходили. Лютые звери. Лютые.

Медведково меня не особо удивило, от другой местности оно не очень отличалось — разрушенные дома, вот и все Медведково.

— А это Большая Размычка. Тут раньше китайцы жили, они со стороны Ярославля бежали, говорят, все дороги от них чернели, вон там...

Большая Размычка больше всего походила на огромную кучу мусора, на муравейник такой, метров двадцать в высоту. Но не из иголок и не из песка, а из разной дряни, даже машины кое-где торчали. Дороги вообще никакой, прямиком простиралась растительность. А про Ярославль я вообще плохо знал, Гомер рассказывал, что там народ жил особенно яростный, и когда из Китая рванули беженцы, они держали оборону до последнего человека.

— Тогда еще через МКАД можно было перебраться, — рассказывал Плешак. — Вот все внутрь и перли, думали, что жизнь там самая хорошая сохранилась. Рвались, рвались как ненормальные. Ну, чтобы они не рвались, дорогу ядом и залили. ВиЭксЗет, самый страшный. До сих пор к дороге нельзя подойти.

Это точно, к дороге подойти нельзя, правильно Гомер говорил, огорожено зло ядовитым кольцом, и нет ни входа туда, ни выхода. Зато вдоль можно. И тропки протоптаны, видно, что народ туда-сюда шастает. Хорошие такие — легко идти, мне совсем не нравились эти тропки. Из-за погани — она всегда в таких местах подкарауливает. Кенга вот, зароется в мусор, глаза выставит — и ждет. Хоть неделю может ждать, ей что. А как ты появишься — она сразу раз — и все. Из-за жнецов. Жнецы по всяким таким тропкам с большим удовольствием передвигаются. Я вот представлял — идем мы, идем, а тут из-за поворота жнец. Новенький, оранжевый, блестящий. И что делать? Куда я с этим пузатым прицепом побегу? Не получится. А рейдерам все равно и даже очень удобно — нас бросят — и врасыпную, успеют оторваться, пока он нас будет в лапшу переделывать.

— А это Синие Корчи. Тут землю корчило, прямо изнутри...

Похоже. Будто под землей взбесилось сразу много гигантских червей, и все они тут извивались. Поломанные дома, дорога сама скорченная, извивается горбом, сразу видно, нехорошее место, непонятно, почему Синие?

И воняет. Какой-то горечью.

Нет, не нравилось мне это путешествие. Гнали нас, как баранов, подгоняли, и так два дня уже. Шли извилисто, я следил за Вышкой. Сначала она приближалась, так что иногда даже без трубы можно было разглядеть свисающие с нее тросы, похожие на щупальца. На второй день она стала смещаться и оказалась по правую руку, затем Рябой — вожак рейдеров свернул к востоку, и Вышка осталась за спиной и вскоре исчезла. А еще она все время меняла цвет, от синего до фиолетового, много разных.

После Синих Корч, через километр, началось горячее болото, которое случается на месте большой свалки, к небу курились дымы, стало жарче, и Рябой повел свою банду в обход.

Мы оказались в лесу, сквозь который немного просвечивала старая жизнь, и блуждали в нем сложной тропинкой. Лес был явно мреческий, я такие хорошо отличаю, на деревьях там поломанных веток много и клоки свисают — оттого, что мрецы приходят спины расчесывать — у них из хребтов щетина лезет, от этого чесотка. Я бы в такой лес и не совался, но этим падшим все нипочем. И все кончилось, как и должно было кончиться, — откуда-то, я даже заметить не успел, выскочили три здоровенных мреца и, растопырившись, кинулись на нас.

Папа завыл, а Плешак завизжал еще больше и потащил меня к ближайшей сосне.

— Карабин! — крикнул я. — Карабин дайте!

Но никто мне, конечно, ничего не вернул, ни карабина, ни топора. Мрецы перли на нас, ускоряясь в своей манере, как это у них водится, вприпрыжку. Зубами уже прищелкивая, чавкая и хрумкая.

Плешак визжал уже совсем неприлично, а я сделать ничего не мог, руки за спиной. Рейдеров же не очень мрецы испугали, способ общения с мречью у них был свой, особый.

Автоматические винтовки. Облезлые. Когда-то черные, теперь все протертые, пегие. Однажды Яков нашел такую, снял с трупа, и вот тоже такая же ситуация случилась. Правда, не мрецы, кикимора выскочила, понеслась, Як вскинул винтовку, давай стрелять, а она не стреляет. И все, нет Яка.

Но эти с винтовками обращаться кое-как умели, едва мрецы приблизились на расстояние поражения, открыли огонь. Широко, патроны не экономили, хотя стреляли все-таки не очень. Грому много, толку мало — мрецов отбрасывало назад, но они не останавливались.

А мрецу надо бить в шею. В туловище бесполезно, ну или, по крайней мере, зарядов двадцать выпустить, чтобы позвоночник разбить. В голову тоже толку попадать особого нет — там вместо мозга пузыри зеленые, если только картечью с короткого расстояния. В шею надо. Чтобы снести позвонки. Тогда мрец останавливается. А эти били по корпусу в основном, на каждого мреца почти по магазину потратили. Мрецы в хлам рассыпались, а я сделал выводы. Что у рейдеров есть базы. Вдоль Птичьего Пути. Потому что таскать с собой столько патронов нельзя.

Эти справились. Количеством пуль. Хохотали потом, видимо, героями себя чувствовали, до вечера рассказывали истории про то, как они в одиночку расправлялись с целыми мертвечинными стаями.

В ночь мы остановились в каком-то безымянном поселении, кирпичные домики с проваленными крышами, вокруг черепица, и колотая и целая, полезли в погреб. Хитрый такой погреб, скрытый, с виду и не скажешь, что есть. Внутри нары, запасы в ящиках, большие баки с водой. Для нас никаких спальных мест не нашлось, пришлось на полу. Ночью я собирался найти какую-нибудь проволоку и вскрыть наручники, но Молодой замкнул на браслетах навесной замок Карту еще у меня отобрал, сжег, гад.

Следующий день минул без особых происшествий. С утра зарядил дождь, причем, судя по всему, кислый, во всяком случае, из погреба мы вылезать не стали. Рейдеры валялись на нарах, а мы на полу, очень скоро по стенкам потекла вонючая вода, и нам с Плешаком пришлось сидеть на корточках.

Рейдеры от скуки играли в кости. Конечно же, они играли на нас. На меня и на Плешака. Ставки делали и пробивали ушники. Иногда мне, но чаще Плешаку, он, видимо, был неудачником, через час такой игры я почти ничего уже не слышал, а у него из правого уха потекла кровь. Наверное, если бы еще час играли, я оглох бы, но тут Рябой что-то почуял и погнал меня наружу, прицепил на трос и выгнал. Проверить степень кислотности. То есть, если я расплавлюсь, кожа сползет, волосы выпадут, то выходить нельзя.

А там, снаружи, красиво было. Над головой тучи, жирные, но не желтые, как при кислоте, а вполне себе сизые, нормальные. И дождь нормальный, я это сразу почувствовал, языком лизнул на проверку. А над городом, там, за Дорогой Птиц, никаких туч, небо светлое, и солнышко сверху течет, а на границе тучи смешиваются со светом и клубится бешеная радуга.

Красиво. Я стоял, смотрел и смотрел, как ведьмой сглаженный. Мне хотелось еще, даже несмотря на дождь, нагло сбежавший мне за воротник, но из погреба дернули, и я вернулся.

Игра там разворачивалась уже серьезная, Рябой ставил зуб Плешака, я появился, и Молодой поглядел на меня с интересом.

Но не повезло Плешаку. Рябой направился к нему, Плешак стал упрашивать не вырывать коренные, вот тут спереди у него есть подходящий...

Рябой его не послушал.

Он был вроде как главным, но в кости ему не везло, к вечеру Плешак лишился еще нескольких зубов, причем заглавных, для жевания. Так что ночью к вою погони снаружи добавлялись жалобные всхлипывания Плешака, у которого болели десны. Он даже причитал немного. О том, что теперь у него зубов мало и по этому случаю надо искать мясорубку, потому что лягушки как назло сейчас пошли жесткие, не то что раньше.

Утром нас разбудили пинками и дали завтрак. Жилы. Сушеные, скрученные в жгуты, желтые и по виду подозрительные, одну мне, другую Плешаку. Я принялся жевать, но Плешак тут же заныл, что вчера он лишился многого, и прямо-таки выхватил кушанье, заявив, что я еще молодой, а ему требуется питание для восстановления.

Это меня на некоторое время разозлило, но я быстро взял себя в руки, успокоился и стал наблюдать, как этот лягушатник обедает. Жевал, чавкал, не забывая напоминать о том, что лягушки не в пример вкусней. Особенно коричневые, зеленые все-таки горчат, а коричневые — в самый раз, и даже самые что ни на есть.

После завтрака нас вытолкали на поверхность и погнали вдоль дороги, к югу. В этом месте дорога шла невысоко, и можно было видеть, что случается с теми, кто пытается пробраться поверху. Несколько волкеров, кенга, мрецы, много других тварей, которые сгнили до степени полной неопределяемости. Птиц. Птиц больше всего валялось. Самых разных, от маленьких, вроде как рыжих воробьев, до совсем непомерных, которые могли, наверное, ребенка утащить. Сила Дороги распространялась вверх, птицы пролетали и падали. А другие подлетали, привлеченные видом гнили, и тоже дохли, умножая количество смерти. Много птиц, понятно, почему Дорогой Птиц называется.

Мы пробежали, наверное, километра три, и Рябой скомандовал остановку.

— Ну вот, — радостно сказал он. — Все, пришли.

Он указал пальцем.

Раньше я никогда такого не видел, Дорога Птиц расходилась в разные стороны, вздымалась вверх и закручивалась в плоский узел, так что в воздухе пересекалось сразу несколько дорожных лент, вокруг валялось много машин, ну, тут везде машины были. Дорога под этим узлом выглядела вполне проходимо.

— Нулевой километр! — с каким-то восторгом прошептал мне Плешак. — Здесь можно пройти, я слышал! Это Горькое шоссе!

— Почему Горькое? — спросил я.

— Много народу передохло, — ответил вместо Плешака Молодой. — Самое гиблое место. Развязка.

Молодой провел рукой по шее.

Мне все сразу стало понятно. Развязка. Нехорошее слово, на самом деле.

Рейдеры оживились, все эти конченные души пришли в возбуждение, зашевелили губами и стали на нас поглядывать с повышенным вниманием.

Я стоял спокойно, даже расслабленно. Падшие закурили, Папа закашлялся, и тогда один из тех, что был мне незнаком именем, выпустил в клетку густую струю. Они заржали, и этот Плешак тоже захихикал, мне и его стало жаль. Садисты, так вроде. Садисты будут строго наказаны, очень строго. Так учил Гомер.

И я в этом не сомневался. Добро да возвысится над злом. Непременно.

— Туда пойдём? — трусливо спросил Плешак и кивнул на дорогу, ведущую под эту развязку.

Я бы не пошел. Вроде чисто, но не пошел бы. И эти не пошли, Рябой повел вправо, вдоль насыпи, и это мне совсем уже не понравилось. Плешак начал вонять, самым настоящим образом, мне показалось, он все-таки обделался. Отпугивал своего Ульху. А может, это от дороги воняло так, там падаль много лет собиралась.

От развязки совсем недалеко оказалось, метров сто, и увидели лаз. Дыру в земле, прокопанную довольно неаккуратно. Знак еще рядом. Не старый знак, какие встречались еще кое-где, не облезлый кирпич, не белая стрелка и не паровоз с рельсами, а улитка.

Улитка, обычная улитка в перевернутом треугольнике.

— Мама... — прошептал Плешак.

Не знаю, чего уж он там испугался, то ли лаза, то ли улитки, но задрожал так отчетливо, что я почувствовал. И завоняло сильнее.

Солнце светило совсем сверху, я сощурился и увидел. Лаз выходил в тоннель. В небольшой такой туннель, который вел на ту сторону дороги. Удобно. А вокруг лаза цветы разрослись, какие-то незнакомые совсем, непонятного цвета — ярко-ярко-зеленого.

— Вот мы и дома, — сказал Рябой с удовольствием.

Плешак дернулся. Рябой наставил обрез.

— Что? — спросил я.

— Туда.

Он указал стволами в сторону туннеля.

— Зачем?

Молодой не ответил, ткнул в зубы стволами, передний выбил, тут я все окончательно и уяснил. Что им надо было, почему они меня не прикончили сразу.

Огляделся, но тут и все остальные на меня оружие наставили. Отобрали карабин. Я все равно не мог им воспользоваться — из-за наручников, рюкзак и спальник тоже отняли. Про Плешака они забыли, и если у него сохранилось бы хотя бы с горошину ума, он бы побежал. Но он смотрел на это с подобострастной и одновременно сочувствующей улыбкой.

— Вперед, — Рябой подмигнул мне. — Иди, не бойся.

Я понюхал. Из дыры ничем не пахло. Но что-то там явно было. Что-то вроде зверобоя. Только хуже. Явно хуже.

— Может, скажете все-таки?

Видимо, шанса никакого.

— Шагай.

Молодой прицелился мне в голову.

В таких случаях полагается молиться. Просить отвести беду, отвести зло. Но в голове почему-то ничего не всплывало. И ничего, никаких чувств. Еще несколько минут назад я чувствовал страх, сейчас ничего. Ничего.

Я не умру в этой дыре. Совершенно точно. Я знал почему-то.

Молодой прищелкнул языком, и я шагнул в сторону прохода. Идея возникла — рвануть через этот туннель. Пока эти спохватятся, я уже с той стороны. Конечно, без оружия, без припасов, без Папы...

— Погоди-ка, — сказал Рябой. — Погоди, у меня тут мысль. Давайте плешивого...

— Зачем рисковать? — спросил Молодой. — Пусть идет один щенок, лысый нам все равно потом понадобится.

— С лысым проблем меньше, — подтвердил один из рейдеров. — Он покладистый.

Плешак согласно покивал.

— Он всегда забирает лишь одного, — спокойно произнес Рябой. — Всегда. А мы не доиграли. Давай так — ты ставишь. Все. И я все. Если он заберет щенка, то ты выиграл. И наоборот. Все по-честному.

— Давай.

— Нет... — прошептал Плешак. — Не надо... Не надо!

Тут он окончательно обделался. Меня затошнило. Рябой ударил его прикладом винтовки в колено, так, чтобы чашечку подцепить, а затем еще в живот.

Падшие негодяи. Все верно, все, как говорил Гомер. Чем ближе к Кольцу, тем страшней люди. Ничего святого, ничего. Готовы толкнуть ближнего в пасть. Но не страшно.

Совсем. Почему-то. Я был безоружен и на шаг от возможной смерти, но при этом я чувствовал, что они все в моей власти. И я сделаю с ними все, что захочу. Наверное, это и была Правда. Сила — в Правде, так всегда Гомер говорил. Кто прав — тот и сильнее, тот и побеждает.

— Двигайте! — Рябой тряс своей винтовкой. — Двигайте, зря мы, что ли, сюда вас тащили?! Лезьте, один все равно останется!

Плешак упал на колени. Тоже понял. Понял, что пробил урочный час, что стрелки сошлись.

Негодяи принялись хохотать. Плешак ползал на коленях, обещал показать тайные места, обещал научить на лягушек охотиться...

— Вперед! — заорал Молодой.

Плешак трясся и первым идти не хотел, падшие принялись щелкать затворами, и первым полез я.

Через лаз пробрался легко, протиснулся в расковырянный бетон и оказался в проходе. Небольшой туннель. Низкий потолок, две лестницы, направо-налево, света много. И с той стороны, и из пролома.

— Поторапливайтесь! — крикнули снаружи.

Тут же мне в шею задышал Плешак.

— Давай направо! — зашептал он. — По лестнице...

— Бесполезно. Сунемся туда — пристрелят сразу.

— И что же?! — плаксиво спросил Плешак.

— Надо вперед. Это единственный шанс.

— Знаю, — Плешак всхлипнул. — Это единственный... Знаю, знаю. Я слышал про такие места, еще раньше. Тут живет кто-то...

Погань тут живет, я был в этом больше чем уверен.

— Она всегда только одного жрет, — сообщил Плешак — Такие повадки... Давай, шагай.

Лягушечник кивнул в сторону света.

— Почему я?

— А почему я?! Я старый, у меня нога болит...

Ладно. Он старый. И нога. И еще.

Я вспомнил тропарь, защищающий от зла. Обычно я его ночью читал, ну, если вдруг что-то пойдет не так, закопаться не успеешь, то можно его почитать. Помогает.

Прочитал и сейчас. Вслух, но негромко. Плешак смотрел сначала с удивлением, потом стал слова повторять.

Я закончил и двинулся по переходу. Обычными шагами, спокойными. Плешак за мной. Не отставал, прилип, стучал за спиной зубами, привизгивал. Как крысеныш. А еще меня щенком называли.

Переход. На стене красная стрелка. Тихо. Обычно я неплохо чую опасность, не как Папа, конечно, но все-таки. А здесь...

Ничего. Просто туннель. Чистый, никакой травы. Пол...

Под ботинками захрустело. Как горох сухой. Я остановился и поглядел вниз. Сначала так и подумал — горох, потом пригляделся.

Зубы. Человеческие. И передние, и коренные. Много, весь пол усыпан. Блестят. И не пройти никак, только по зубам.

Плешак всхлипнул.

— Эй, Дэв, — позвал он. — Дэв, оглянись!

Я не оглянулся. Оглядываться в таких местах нельзя, это же известно.

— Кто тебе имя такое придумал, а? Дурацкое... Знаешь, что оно означает? Злой дух, вот что. Повелитель огня. Ты вот взял бы...

Я шагал дальше, зубы продолжали хрустеть. Смотрел вперед. До выхода оставалось совсем недолго, ко мне по полу уже тянулись солнечные лучи. Плешак дышал хрипло.

Перестал.

И зубами хрустеть перестал.

Очень, очень захотелось оглянуться, но я знал, что оглядываться не стоит. Я спокойно дошел до конца перехода, порадовался свету и все-таки оглянулся.

Никого. Пусто.

Лягушатник исчез. Вот только что дышал за спиной, и нет больше. Тихо совсем.

А я остался. Я не боялся, и это меня, наверное, спасло, вот я как думаю. Вся погань чувствует страх, они его любят, они его жрут. Гомер ничего про это не говорил, но я думаю, что страх — это тоже грех. Страх открывает двери. Бесам. Лягушатник боялся — и стал пищей нечистого.

Тварь насытилась и закрыла глаза на всех остальных.

Я оказался по другую сторону Пути Птиц. Ничего тут не было, то же самое, что и с другой стороны. Такой же лес, такие же дома, только, пожалуй, выше. А так... никаких различий. Пока не видно различий. Отродий сатанинских тоже не видать, хотя нет, видать — из прохода показались рейдеры. Четверо. Все целые. С оружием.

Мои вещи тоже были с ними, у одного на плечах мой рюкзак, у другого на боку клетка с Папой. Папа жив, сидит, шерстью взъершился.

— Знал, что ты не убежишь, — ухмыльнулся Рябой. — Куда бежать? Без оружия, без жратвы. Молодец. Держись нас.

Ну да, подумал я, держись. Вам ведь еще назад возвращаться. Тварь в переходе проголодается.

— Так уж получается, — Рябой кивнул на переход. — Пытались собак запускать, так оно собак не жрет. А ты ничего, смелый. Держись.

Похвалил меня Рябой, тошно мне стало от этой похвалы.

— Тут народ тоже встречается, — сказал он. — Ты какого-нибудь захвати. И его вместо себя в дыру сунь. Слышь, щенок?

— Слышу, — ответил я. — Вполне.

Глава 5 Бодяга

Это был третий дом. Два предыдущих разграбили уже до нас. То есть до них. А может, и они сами.

Высокий, я посчитал, сорок уровней. При строительстве такие дома обделывали красным кирпичом, теперь он совершенно осыпался и дома выглядели ободранно и сиротливо. Первый уровень оказался занесен густым илом, видимо, с Воды, пробиться к дверям не получилось, мы добрались до третьего. Там Молодой принялся вышибать кувалдой замки, после чего меня заталкивали внутрь жилища и смотрели, сожрут или нет.

На меня никто не нападал, дом был пуст. Сначала я думал как-то освободиться — Гомер учил нас избавляться от наручников и веревок, но наручники у рейдеров оказались хорошие, двух-замочные. Я не мог ни сбежать, ни защитить себя, я устал, но духом не пал. Читал про себя тропарь Выдержки и ждал. Я не верил, что со мной случится что-то нехорошее, час мой не пробил. Гомер всегда говорил, у всех людей есть Предназначение. И Владыка забирает в Облачный Полк лишь тех, кто готов к этому, кто достоин.

Вот Гомер погиб, выручая нас. Меня и Ноя. А до этого он нас научил выживать, истреблять мречь и погань, приближать Свет, бранить тьму. Видимо, его Предназначение заключалось в этом. Я же в жизни не совершил еще ничего великого, не выучил никого, никого не спас, то есть встать в ряды Облачного Полка я пока был недостойн.

Рано мне еще помирать. Мало я еще территории зачистил.

Поэтому я не боялся особо. Другое дело, что такое положение меня весьма и весьма угнетало, да и неприятно, честно говоря, ходить вот так — с руками за спиной.

Но я терпел, не хотел радовать этих негодяев видом своей слабости.

Жилища, которые мы осматривали, выглядели достаточно одинаково. Высохшая кривая мебель, будто в один страшный миг она ожила, затем так и застыла в искаленных образах. Плесень, проросшая через стены, ковры, съеденные молью. В некоторых жилищах моли встречалось так много, что туда было опасно даже заходить. В некоторых мы встречали людей. То есть скелеты, конечно. Где много скелетов, там есть чем поживиться. Потому что люди делали запасы. Судя по тому, что многие запасы были не израсходованы, людей

погубил совсем не голод. Видимо, болезнь. А многие не дожидались, когда их пережует тогдашняя древняя сыть, и сами решали это дело, некоторые скелеты висели под потолком в толстых веревках и при прикосновении рассыпались в легкий белый прах, другие лежали в постелях и за многие годы в эти постели прорастали, так что отличить, где кончается человек и начинается одеяло, не представлялось возможным.

Интересно. В нашем мире скелетов не остается никогда, а тут... Изнутри человек выглядел очень хрупко. Тонкие косточки, никаких защитных приспособлений. Что неудивительно — лучшее защитное приспособление человека — это мозг. С помощью головы человек может сделать все.

А другие стрелялись, и тогда рядом лежало оружие. Впрочем, оружие это все было обычно неподходящее — либо двустольные охотничьи ружья, либо сгнившие дешевые пистолеты. Но где оружие, там и патроны. Молодой расшвыривал шкафчики, искал боеприпасы. Иногда находил, а чаще из шкафов вываливались совершенно непонятные предметы, в современной жизни совсем не применимые. Я думал, что люди раньше очень любили вещи, окружали себя ими в ненормальном изобилии, видимо, это их как-то успокаивало, что ли.

Иногда, впрочем, попадалось и полезное. В маленьких помещениях, которые назывались кухнями. Там хранились ножи и припасы. В большинстве своем ножи встречались дрянные, гнулись при первом же ударе, но некоторые клинки были хорошие, толстые и закаленные. Топоры еще. Короткие топоры с широкими прямоугольными лезвиями, такие наверняка хорошо метать. Я тоже хотел бы такой, возможно, позже.

Кроме ножей, в кухнях хранились запасы. Не все запасы после многолетнего хранения годились к использованию, но кое-что еще сохранялось. Масло в пластиковых бутылках, спирт в стеклянных, сахар в пакетах. Все это собиралось рейдерами в мешки. Наверняка награбленная подобным образом еда составляла основу их питания. Да еще на других людей нападали, отбирали запасы, вряд ли возделывали что или охотой жили.

Сахара им много попало, кажется, на седьмом уровне. Разодрали пакет и прямо из дырки сыпали в рот, жевали, запивали водой, смеялись. Мне тоже хотелось, я сахар всего один раз пробовал, нашли в перевернутом грузовике целую пачку, и каждому из нашей станции досталось по ложке.

Сахар — самое вкусное вещество в мире.

Мне и сейчас хотелось сахара, с удовольствием сахаром бы похрустел.

Но мне ничего не перепало.

Так мы добрались до одиннадцатого уровня. Устали все. Молодой, тащивший кувалду, наверное, больше других. Он шагнул в коридор первым, с руганью выбил все двери, затолкнул меня в номер сто сорок восемь.

От других он мало отличался. Сначала я увидел зеркало, а в нем себя. Себе я не понравился, слишком старый. Это от усталости. Пыль свисала с потолка страшными полотнищами, я разорвал ее и вошел в большую комнату.

Ничего особенного я там не встретил, диван и на нем два скелета. В углу непонятный предмет, похожий на пень, только с гладкой поверхностью, я подумал, что стул.

В противоположном углу у стены располагался высокий железный ящик, в котором обычно прятали оружие. Я этим ящиком заинтересовался, в постели лежали наверняка самоубийцы, а в железном ящике хранилось оружие. Конечно, со скованными руками я ничем воспользоваться не сумел бы...

Краем глаза заметил слева движение, обернулся. Ничего. Комната продолжала оставаться в неподвижности, видимо, морок. Морок. Бывает, если глаза переутомляются. Или...

Комната как комната. Я снова повернулся к ящику, и тут воздух колыхнулся. Я повернулся резко, как только мог. Ничего.

Но два раза мне не кажется. В этой комнате было что-то не так. Я быстренько оглядел ее еще раз и обнаружил, что именно. У обоих скелетов, лежащих на диване, сломаны ребра.

Их грудные клетки вообще были сплющены. Я представил, каким образом они совершили такое странное самоубийство, и понял, что никакого самоубийства тут не произошло. Поздно только понял — странный предмет в углу уже менял очертания.

Не пень, а...

Существо. Лобастое, с костистой головной костью. С низкими плечами и длинными до пола руками. Серовато-синего цвета. Мерзкий уродливый карлик. Поганый — по морде видно — никакого лица у него не наблюдалось, да и морда тоже не блистала правильностью — пасть стекла вниз, к самому подбородку, вместо носа три дырки, уши книзу.

Все это пошевелилось, сначала с некоторой вялостью, затем подняло голову и взглянуло на меня. Глаза у него тоже ползли к подбородку, широко поставленные, мутные и гниловатые.

— Эй... — позвал я.

Существо вдруг резко выпрямилось и с силой метнуло себя через комнату. Головой вперед. Сшибло. Причем с такой мощностью, что я пролетел через всю комнату и ударился в мебель.

Рассыпалась. Я сам едва не рассыпался, ударился всеми костями, руки едва не вывернул, почти сломал.

Подниматься на ноги со скованными за спиной руками — занятие неудобное, и я не стал этого делать. Потому что этот карлик уже приближался ко мне, набычившись. Я отползал вдоль стенки. Тварь прыгнула еще. В этот раз она целилась мне в голову, собиралась ее расплющить, я оттолкнулся ногами, и поганец ударил в стену. Стена не выдержала, наверное, она была построена из сыпучих материалов, рассыпалась, лобастая тварь проперла почти насквозь.

Я перекатился на спину, напрягся, притянул ноги к груди, продел ноги в руки. Руки освободились, то есть теперь они у меня не за спиной были, а как положено.

Поднялся.

Рейдеры не спешили. Этот лобач пытался пробиться с той стороны, долбил башкой, а рейдеры не торопились.

Стена треснула, развалилась, показалась синяя лысина.

Эта самая лысина навела на мысль. Своей гладкостью.

Я кинулся на кухню, там должны быть ножи. И топоры. Почти везде.

На этой кухне топора не оказалось, серьезных ножей тоже, какие-то бесполезные только, с закругленными лезвиями, такими не зарежешь. Принялся искать, выдергивать ящики, в них ничего убойного не находилось, посуда вся легкая, некоторая даже из пластика. Судя по шуму в соседней комнате, погань туда уже почти прорвалась.

В углу кухни возвышался серый грязный шкаф, тоже железный. Я дернул за ручку. Посыпались разноцветные цилиндрические банки...

Оружие. Весьма странное. Лезвия длиной в метр, узкие, острые, закручивающиеся спиралями, с кольцами на конце, шесть штук. Сталь на вид выглядела мягко, но другого я не нашел.

Я вернулся в комнату. Лобач стоял напротив, выставив вперед тяжелую голову. Интересные повадки — забавывать врага, не слышал о таких. Вполне, кстати, убойная техника, крепко бодается, бодяга.

Бодяга прыгнул. Я успел выставить перед собой лезвие. Оно воткнулось в башку, однако серьезного ущерба не причинило, как я и предполагал, согнулось пополам. Успел отодвинуться влево, лобач снес косяк, развернулся. Лезвие торчало в его башке загогулиной, бодяга, не теряя времени, скаканул снова.

Тут я действовал уже осмотрительнее. Удар такой башкой мог не только ребра поломать, но и позвоночник. Он бросился. Снова в тишине. Бодает молча. Молчун.

Я увернулся и всадил шпагу в туловище. И снова бодяга не издал никакого звука, развернулся и кинулся на меня. Как заводная игрушка, как-то раз видел такую, прыгает, пока пружина не распрямится. В этом тоже наверняка скрывалась пружина, адская пружина зла.

Он бросался и бросался, с каждым разом все медленнее, каждый раз уворачиваться мне было все проще и проще, и все пять оставшихся лезвий я вогнал в его туловище.

После пятого он закачался. Тогда я снова кинулся на кухню, схватил тяжелую сковородку.

Бодяга сидел на полу. Бормотал что-то, шевелил ручками, всхлипывал. Но я его не пожалел. Погань ведь.

Показались рейдеры.

— Это что тут? — спросил Рябой.

— Дедушку своего встретил, — ответил Молодой. — Рыбу не поделили.

Они все принялись гоготать.

— Я такого не видал еще. — Рябой указал пальцем. — Это что ж получается? Ты ему что, башку сковородкой разделал?

— Он его еще шампурами истыкал!

— Может, он луком его еще истыкал?

И снова гоготать.

— Что за дрянь вообще? — Рябой отсмеялся и ткнул стволом винтовки бодягу. — Никогда такой гадости не видел...

— В маленькой комнате окно разбито, — пояснил один из рейдеров. — Стекла обычные, не пластиковые. Стекло разбилось, а его ветром закинуло. Забодал здешнее семейство и в спячку впал, вот и все.

— А этот... — Рябой кивнул. — Герой, однако.

— Уходить пора, — сказал Молодой. — Мало ли тут таких... Как напрыгнут, никаких сковородок не хватит. Да и поздно уже, пора на лежку.

— Пить хочу, — сказал я.

— Потом попьешь.

Они поволокли меня вниз, два раза падал. На улице нагрузили добычей. Пошагали быстро. Ругались между собой. Рябой был недоволен, он намечал побольше домов осмотреть, а осмотрели всего ничего. Молодой предлагал остаться еще на ночь, Рябой сквернословил и скрипел зубами, что он дольше одной ночи тут никогда не оставался и оставаться не намерен. Они спорили и вели себя громко. Я все ожидал, что вот-вот откуда-нибудь вылетят поганцы в большом количестве, поскольку Гомер говорил, что здесь ими пропитан каждый километр, так что в некоторых местах даже воздух кровью пропитан, но тут их что-то не наблюдалось, наверное, они вглубь откочевали. А может, ночи ожидали.

Ночь тем временем приближалась. Свет стал разжижаться, солнце терялось за домами, а тени приобрели неприятный бордовый оттенок. Местность оживала. Движение, отмеченное краем глаза, шорох, обвалившиеся камни, звуки.

Неприятные звуки, дикие. Поганые.

Остальные тоже волновались. Винтовки то и дело поглаживали, озирались.

Потом Рябой, шагавший первым, остановился, и я увидел домик Из красного кирпича, без крыши, два уровня, даже не домик, а строение, вряд ли в нем раньше кто-то жил, наверное, просто для всяких нужд старинных. Подвал с торца, под железной лестницей. Справа высокий дом, завалился, лежит на другом.

— Ну вот, — усмехнулся Рябой. — Успели...

— Еле успели, — поправил Молодой.

— Но успели.

Рябой поглядел на меня.

— Давай, лезь туда, — указал на подвал.

— Зачем? — глупо спросил я, будто не знал, зачем.

— Затем. Надо ночевать, посмотришь, все ли там тихо. Как обычно.

— А что там может быть?

— Да хоть что! — рявкнул Рябой. — Может, там големы. Или залива натекла. Давай, иди. Пошуруй там везде и нам крикнешь потом. На втором уровне погляди повнимательнее,

там часто...

— Что часто? — спросил я.

— Ничего. Шагай, ночь скоро.

— Руки освободите, — напомнил я. — Без рук не пойду...

Рябой и Молодой переглянулись, Рябой кивнул.

Ко мне приблизился Молодой, снял наручники. Я потер кисти, пожимал кулаки — восстановить кровообращение.

— Торопись, — Рябой ткнул мне стволом, и снова в шею, что за вредная у него привычка.

Когда тебя тычут в шею, по всему телу пробегают колючки.

Я огляделся. Рябой направлял на меня штурмовую винтовку, Молодой тоже целился, остальные с удовольствием наблюдали, стоя чуть поодаль, они, наверное, садисты.

Молодые люди, садисты.

Мне их всех было жалко. Действительно жалко, потому что я знал, что они скоро умрут. Они погрязли в грехах и беззакониях, и терпение Его подошло к концу, и руки мои уже налились праведным гневом. Для них не оставалось уже никакой надежды, а отсутствие надежды — это ужасно, даже для таких.

С другой стороны, заслуживали ли они надежды? Подкарауливали путников, захватывали их в плен, использовали в смертельном деле безо всякой жалости. Они были виноваты, они упорствовали до конца. Падшие, одно им слово.

— Я просто так туда не пойду, — сказал я.

— Почему это? — спросил Молодой.

— Там совсем опасно, — я кивнул на домик.

— С чего ты решил?

— Тут везде, — я обвел пространство рукой, — тут везде большие, высокие дома, они все разрушены, а этот уцелел. Только стекла вылетели.

— И что?

— Мне нужен карабин.

Они засмеялись, но Рябой вдруг сказал:

— Он прав. Там может быть опасно. Это опасный дом ужасов, дом сорока трупов, Молодой, дай пушку.

Молодой поднял карабин и сунул его Рябому.

— Ого! — Рябой взвесил оружие. — Вот это штука...

Он поднял оружие и выстрелил в стену. Кирпичи разлетелись мелкими брызгами, в стене осталась дыра величиной с кулак.

— Да... — Рябой потер плечо. — Безусловно, это смертельная вещь.

После чего он кинул карабин мне.

И я убедился окончательно — это было явным подтверждением того, что терпение Его истощено, как земля, забывшая про дождь.

— Вперед! — приказал Рябой. — Давай, иди!

— Если кого увидишь — стреляй! — велел мне Молодой.

Остальные двое засмеялись. Я вдруг понял, что не знаю, как их зовут. Я повернулся.

— Как тебя зовут? — спросил я и указал на парня, у которого был пулемет.

— А тебе что? — усмехнулся пулеметчик.

— Он Хирург, — ответил Рябой. — А тот, — указал Рябой, — тот Болт.

— Меня зовут Дэв, — сказал я.

— Здорово, — сказал Рябой. — Вот и познакомились. У нас уже был один Дэв, сейчас его, наверное, мухи доедают.

— Рожок дайте, — попросил я. — Рожок, пули, топор хотя бы...

— Может, сразу застрелиться? — усмехнулся Молодой.

— Или зарубиться? — заржал Рябой.

Я повесил карабин на плечо и двинулся внутрь дома.

Я не очень люблю невысокие здания, в них пахнет крысами. Двери не было, я вошел в холл, свернул во вторую комнату налево, сел на пол. Напротив меня было окно с весьма удачными осколками стекла. Надо подождать. Такие, как они, нетерпеливы, терпение подразумевает спокойный дух, а дух падших не спокоен. Руки у них чешутся.

Я ждал. Сидел, размышляя о разном. О том, что далеко дом, место, где я жил, в такие минуты лучше думать о простых вещах.

Потом Молодой не выдержал, крикнул:

— Эй, выходи!

Он кричал еще и еще кричал, а потом они начали кидать камни в окна. Наверное, на самом деле нуждались в этом доме, в подвале у них было убежище.

Когда они перестали швыряться камнями, я понял, что пора.

Освободил пружину на прикладе, сдвинул в сторону серебряную накладную планку. Последний вдох. Тайничок, специально для такого случая. Гомер велел сделать. Пользоваться мне им пока еще не приходилось, вот пришлось.

Три заряда. Противников четверо, но меня это не очень волновало, я примерно представлял, как все произойдет. Зарядился.

Услышал шаги. Молодой. Он чуть приволакивает ноги, это от легкого плоскостопия.

— Эй! — позвал Молодой. — Ты где?

Я выглянул в коридор, прицелился, выстрелил.

Попал в бедро, как и хотел. Больно, но не смертельно, заживет через месяц.

Молодой заорал и вылетел на улицу, и дальше он орал уже не умолкая. Остальные тут же принялись вопить и стрелять, но почти сразу перестали, я услышал, как Рябой кричит, призывая не тратить патроны, а бить прицельно.

Продолжал выть Молодой, уже как-то хрипло. Просил помочь, но никто, видимо, ему не помогал.

Я перезарядил карабин. Не спеша, тщательно.

Один опять заходил с тыла. Я не видел этого, но прекрасно знал, что так оно и есть, у них подлые повадки. Такие типы всегда действуют по принципу стаи, окружают и дерут с разных сторон. Один, скорее всего Хирург, попробует запрыгнуть в окно, застать врасплох. Поэтому я прислонился спиной к стене, сел покрепче и стал ждать. В окне должна была появиться гнусная морда негодяя, я готовился в нее выстрелить, но так не случилось — из-за окна послышался крик. Очень неприятный. Судя по всему, тот, кто хотел зайти ко мне с тыла, вляпался в хлябь. Или в хмарь. Вляпался во что-то. Во всяком случае, кричал он больно, когда сломают ногу или еще что, так не орут.

Сейчас эти побегут его выручать.

Так оно и оказалось, я услышал, как под окном страшно заругался Рябой, тот, другой, стал кричать громче и страшнее, будто его стали выдавливать из кожи, затем послышался выстрел и крик стих. И теперь слышались только стоны Молодого.

— Молодец! — крикнул Рябой. — Как ты нас...

Это он, видимо, мне.

И тут же в окно влетела граната. Я вскочил, рванул в соседнюю комнату и успел — в стену ударило, сбило с ног. Видимо, Рябой очень разозлился, если потратил на меня гранату.

С потолка осыпалась мелкая белая взвесь, стало тяжело дышать.

Выстрел. Молодой замолчал.

Этих осталось двое. Я один. Наверняка они стояли возле стены, в мертвой зоне. Ждали. Что я выйду. А я ждал, что они войдут, ситуация тупиковая. Хотя...

Они могли и рискнуть. Рябой знает, что на перезарядку мне требуется время. То есть, если они ворвутся вдвоем, у одного будет неплохой шанс. Только вот вряд ли Рябой захочет рисковать.

У него не будет выбора. Скоро, уже совсем скоро стемнеет, и тогда им придется искать новое место. Значит, он пошлет Хирурга. Или Болта, я не определил, кто там погиб под окном, пошлет дурака, а сам следом. Я в дурака пальну...

Так, в общем-то, и оказалось. Показался Болт. Я осторожно глядел из-за угла, лежал на полу и глядел. Шагал Болт медленно, на цыпочках, зыркал туда-сюда, поводит дробовиком, винтовку оставил. Дробовик помповый, полезное оружие, особенно если куча мрецов прорвется. Дробовик как раз подходил, ведь большинство гладкостволов звучит одинаково. И Болт мне подходил. Дурак, трус и негодяй, такие невыдержанны и любят стрелять.

Когда он приблизился на должное расстояние, я выставился, скривил злобную рожу, заорал. Этого оказалось достаточно, Болт выстрелил. Один раз и почти сразу же второй, вдогонку. Промазал — первый заряд в стену, второй почти что в потолок.

Рябой клюнул. После второго выстрела он влетел наперевес со своим автоматом, мне ничего не оставалось, я выстрелил ему в плечо. Рябого швырнуло на стену, он стукнулся головой, сполз на пол. Болт несколько секунд стоял с открытым ртом, смотрел на меня. Карабин у меня был разряжен, но Болт про это забыл.

— Беги! — рявкнул я.

Болт ойкнул и побежал.

Я победил.

Вышел на воздух. Болта уже не было, скрылся. Первым делом поднял Папу. Последние два дня его совсем не кормили, Папа не сильно отощал, но набрался злобы и кровожадности, я поднял клетку, и Папа тут же попытался меня цапнуть своей хищной лапой.

Я взял рюкзак, он валялся у крыльца, отряхнул его от их вони, достал карася, разломал вдоль и вставил в прутья. Папа с мурчанием набросился на пищу. Рюкзак надел, сразу стало как-то теплее и веселее. Перезарядил карабин, стало еще веселее. Стал разбирать трофеи.

Если честно, мне не хотелось брать ничего у этих, противно. С другой стороны, я вполне имел право, ведь если бы они меня завалили, то все бы срезали, даже шкуру — для барабана. Поэтому я рассудил, что щепетильность стоит оставить на обочине.

К тому же я их предупреждал. Еще сразу, с начала, что их образ жизни их до добра не доведет.

Осмотрел Молодого.

Рюкзака у него не нашлось, небольшая сумка. В ней патроны, их я выкидывать не стал — распотрошу на порох. Бинты оставил. Длинные куски вяленого мяса выкинул, неизвестно, что за мясо. Запасные ботинки, тоже выкинул, размер не мой. Огниво, часы на проволоке, механические, штук десять — не меньше. Часы взять хотел, были и хорошие — с толстым стеклом-нецарапкой, затертого цвета, как раз. Завел, послушал. Тикали слишком громко. Если я слышу — то погань всякая и подавно услышит. Пришлось выкинуть, хотя в другой обстановке я, наверное, часы бы взял. Там, за Кольцом. Выменял бы. А здесь их вряд ли на что-то поменяешь. Книга еще, без обложек, одно нутро. Словарь. Один наш язык, другой нет. Забавно. Молодой изучал язык... Впрочем, возможно, что книжка ему понадобилась совсем для другого, папиросы, может, крутил или на пыжи расстегивал. Больше в сумке не нашлось ничего, а сама сумка мне понравилась — она чрезвычайно удобно вешалась на шею и болталась под рукой.

Осмотрел Рябого.

Рябой был предводителем, обычно у предводителя водился более богатый скарб. Я не прогадал. Инвентарь у него на самом деле оказался серьезный. Длинная хорошая веревка и к ней набор приспособлений — крюков, петель и штырей, для чего все это предназначалось, я не понял, веревку взял. Патронов много, причем разных калибров, на всякий случай я все эти патроны оставил. Лекарства, желтенькие и синенькие, выкинул.

Сахар. Какой-то подозрительно розовый, выкинул.

Нашлась бутылка, зеленого стекла, с этикеткой, на которой был изображен дядька в дурацкой красной шапке. Открыл. Спирт. Оставил.

Кроме этого в ранце и в карманах Рябого встретились портянки, носовые платки, ножи разные, в том числе и метательные, карты и россыпь мелких предметов, в которых мне совершенно не хотелось разбираться.

Нашлись ключи. Много ключей, нанизанных на шнурок. Ключей маленьких, кривых,

медных и вообще разных. Я пожалел, что успокоил Рябого совсем, было бы интересно спросить — зачем ему?

Липкая лента. Старая, но в хорошем состоянии, липнет, целых два кругляка.

Шарик еще.

На первый взгляд, синяя стекляшка, но какая-то подозрительно тяжелая, из-за тяжести хотел выкинуть, но потом подумал, что шарик не простой. Сунул его в пустой пластиковый пузырек, спрятал в рюкзак.

Надо было осмотреть еще Хирурга, но потом я решил, что не стоит. С ним что-то нехорошее произошло, наверняка... Видеть не хотелось. Да и опасно. И темнело слишком быстро, и я стал готовить ночлег. Закапываться поздно, да и не закопаться здесь, вокруг асфальт, пусть и проросший. Можно устроиться на втором уровне, но сейчас останавливаться там просто глупо — слишком много вокруг крови и на эту кровь кто-то обязательно явится. Уходить тоже поздно.

Подвал.

Я вынул из рюкзака венчик, намотал на него промасленную дерюгу, сделал медленный факел. Дверь в подвал оказалась железной. Я подергал за ручку, дверь не открывалась. Замок навесной, большой и тяжелый, попытался вскрыть его ножом, бесполезно.

И вдруг я услышал свист. Вернее, присвист, возможно сопение. Кто-то сопел. Я не люблю всяких сопел, как-то раз у нас завелось такое сопело. Сопело — сопело, Гомеру это надоело, он снарядил четырехстволку и одним вечером выстрелил. На следующее утро мы нашли то, что от этого сопела осталось, и мне эти останки совсем не понравились. Существо передвигалось на двух ногах, но человеком не было. Короткие лапы, тяжелая голова с квадратной зубастой пастью, Гомер долго смотрел на него и весь день думал.

А потом, уже весной, мы нашли в лесу гнездо с костями. Такие же твари, только маленькие.

Сейчас сопело примерно так же.

Я снова попытался раскусить замок ножом, лезвие слишком широкое, не пролезало. Когда засопело еще в одном месте, я несколько заволновался. Зубы у тех сопел были что надо...

Порох. В рюкзаке у меня хранился порох, вынести эту дверь легко, но дверь мне нужна невредимая. И вдруг я вспомнил про ключи у Рябого. Вернулся за связкой. Темнело уже не быстро, стремительно. Солнце почти спряталось за развалины, наступила почти уже настоящая ночь, хотя небо еще немного шевелилось красным. Я вернулся к двери и стал перебирать ключи, один за другим, исключая самые мелкие.

Нужный ключ был девятый, изнутри дверь закрывалась на засов.

В подвале стояла вода. По колено. Протухшая и еще что-то, в нос ударило тяжелой посторонней жижей. Я опустил факел пониже и обнаружил, что в воде плавают крысы. Дохлые, вверх лапами, довольно крупные. А в углу...

Крысиный король.

Однажды я встречал такое. Гомер вскрыл старую канализацию неподалеку от станции — крысы стали одолевать, гадили в воду, кроликов воровали, и не вытравить никак. Гомер сделал крысу-убийцу и запустил ее в трубу, но все равно не получилось, тогда Гомер сказал, что в трубах завелся крысиный король, и никак его не выкурить — надо лезть.

Ползли. А потом я не спал долго, потому что снилось.

Сначала через трубы лезли, потом через водоток, и в самом низу нашли. Сорок восемь крыс, сросшихся хвостами, головами и лапами. Размером с корову. Тварь защищало целое крысиное войско, наши карабины оказались там бесполезны, но у нас был газ и огнемет. Сначала пустили газ, затем выжигали огнеметом. Я никогда не слышал такого визга, король визжал, пока Гомер не кинул в него гранату. Я потом крыс не мог полгода есть, в горле этот запах стоял и стоял. А крысы ушли. Не то что их меньше стало, просто ушли, видимо, этот запах их отпугивал.

Здесьние крысы покрупнее. И морды длинные. Король же...

Штук тридцать крыс, сбившихся в кучу, проросших друг в друга хвостами, лапами и кое-где уже спинками. Мерзкое зрелище. Покачивался на воде. Хорошо хоть дохлый. Но даже рядом с дохлым оставаться не хотелось.

В другом углу стопкой валялись матрасы, прогнившие и проеденные чернотой, кроме матрасов стул, и все, я обследовал подвал и нашел, что ничего, кроме крыс, матрасов и стула, в подвале и нет. Вода еще, это да. Спать над крысами мне вовсе не хотелось, один раз я спал сидя, и на следующий день у меня болела шея. Человек должен спать лежа, он не лошадь — так всегда говорил Гомер.

Я поглядел вверх. Под потолком тянулись толстые трубы, и я решил устроить висячую колыбель. Закрепил ремни, развернул в них спальник, рядом рюкзак повесил. Уже забрался, но вспомнил про крыс.

Спать над крысами я не мог, не знаю почему, что-то в этом присутствовало ненормальное, поэтому я закрепил факел под потолком и долго сгонял крыс к противоположной стене, где они собрались в гадский серый остров.

Папе, кстати, в подвале тоже не понравилось, он ворочался и сверкал глазами, я забрался в мешок и устроил Папу рядом с собой.

Факел догорал. Мне было не очень уютно, даже как-то грустно. Я вдруг понял, что очень хочу к себе, в леса. Пусть там никого и не осталось, но я туда хочу.

Потом факел, само собой, догорел.

Я застегнул спальник и спрятался в нем с макушкой, отгородился от подвального мира, попытался уснуть.

Обычно я хорошо засыпаю почти в любых условиях. Под землей, на дереве, если особо подготовиться, то можно даже под водой — шнорхель выпусти — и спи себе, только прохладно, и чтобы паразитов не залезло. Вообще, под водой и под землей хорошо — конечно, скунс отпугивает комаров, однако некоторые особенно упертые пробираются. Блохи изнутри, комары снаружи — не очень весело. Но вообще я могу спать и с комарами.

А здесь спать не получалось. Сначала мне представлялись крысы. Что они подбираются ко мне. Есть же мрецы, получаемые из человеков, почему же не быть крысиным мрецам? Конечно, раньше я таких вообще не встречал, но мало ли что тут заведется?

И сразу же я стал думать — а с чего это вдруг все эти крысы передохли? С какой такой причины? Собрались, значит, в отдельном месте и сдохли. Хотя, может, они тут объединились в этом самом подвале — и дружно совместно утопились. Да, утешил я себя, скорее всего, это крысы-самоубийцы, такое случается. Король им приказал — и они самоубились. Или вот года три как тому назад — эпидемия среди дятлов была. Собирались в стаи и с высоты о землю расшибались. Вокруг станицы все в перьях было — никогда не думал, что в нашем лесу изобилие дятла.

А еще раньше лоси. Лось — зверь устойчивый, его или медведь может убить, или если на жнеца вдруг напорется, или люди добудут, а так ему никакой смерти нет, даже от волкеров убегает. А тогда началось. Стали лоси забадываться. Выбирали дерево потолще, разбегались — хлоп — и готово. Дурили, короче. Мы таких самозабоданных лосей и не ели, неизвестно, что там у них за зараза такая бодучая, вдруг человеку передается? Может, так бодягой и становишься, кстати...

В дверь ударили. Звук получился железный и долгий, я вздрогнул. Ударили еще. Несильно. Кто-то снаружи хотел до меня добраться. Зашипел Папа. Ударили еще. Я сжал покрепче карабин.

Дверь вроде бы крепкая. Крепкая, определенно крепкая, железо толстое, не пробить. А вот стены...

Я начал вспоминать — какие там стены. Кирпич. Белый толстый кирпич, дверь держится на толстых железных шпильках, с виду прочно. В конце концов, железные двери делают не для того, чтобы их ломать.

Я немного успокоился. Конечно, уснуть под это стучание не получалось, я пытался представить, кто там может так стучать, и ни одна поганая тварь, которую я знал, так стучать

не могла. Да и не стала бы. У стучальщика имелся значительный запас терпения — в дверь стучали всю ночь. Иногда звуки прекращались, и я успокаивался и закрывал глаза, но они тут же возобновлялись снова. То с равными промежутками, то вдруг чуть быстрее и чаще, а то совсем редко. Когда стук прекращался, я слышал другой звук — точно кто-то терся о дверь острой проволоочной шубой.

Ночь тянулась бесконечно, к утру, наверное, это случилось все-таки поутру, я заснул, утомленный опасностью мозг отключил сознание.

Глава 6

Лед

Разбудил меня само собой Папа.

Котовасился, мурчал и требовательно икал, елозил по клетке. Я расстегнул мешок, засветил факел. Подвал не изменился. Крысы опять распространились, и, как мне показалось, даже несколько собрались ко мне, недаром Гомер всегда говорил, что крысы тянутся к человеку. Король покачивался на месте.

Я спрыгнул в воду. За ночь она остыла, было неприятно, я, стараясь не смотреть на крыс, побрел к выходу. Засов прогнулся. Толстенный такой засов, не открывался. Пришлось выбивать топориком, получилось не сразу.

Утро уже, наверное, даже позднее. Свет резал глаза, я прожмурился и поглядел на дверь. Железо вполне заметно прогнулось, остались глубокие следы. Дверь явно собирались процарапать.

Надо было полить дверь скунсом, забыл. Да и жаль, вряд ли тут, внутри Кольца, можно достать скунса, это у нас-то редкость, а здесь, наверное, всех их давным-давно слопали.

Рейдеров тоже. От тел ничего не осталось, бордовые разводы. Я быстренько собрался, перекусил карасем, накормил Папу и двинулся в путь. Обратно. Домой.

Возвращаться было не очень весело — поход ведь не удался. Хорошо если Ной остался жив и вернулся, а если нет? Я один, получается. С другой стороны...

Нет, лучше домой, как под дорогой пройти, придумаю потом.

Домой.

Возвращаться по той же дороге, так быстрее. С другой стороны, примета поганая самая, лучше выбирать новые дороги. И я выбрал новую. Чуть южнее. Стараясь держаться подальше от слишком густой растительности и слишком кучных обломков. Через пару километров наткнулся на холм, бугор такой.

Холм явно опасный и ненастоящий, не природного происхождения. Мне он напомнил чирей, нарыв, вздувшийся из земли. На этом нарыве когда-то, видимо, находились здания, теперь они все разрушились, распустились по сторонам, как серый каменный цветок, сохранились только две полосатые трубы, наклонившиеся, но окончательно не обрушившиеся, тут вообще много этих труб.

Конечно, мне захотелось на холм. Так вот вдруг, увидеть, что там наверху, глупое и бессмысленное желание, мгновенная блажь, заскок. Но, конечно, я бы туда не пошел — от всевозможных непонятных и необычных мест стоит держаться подальше, это первый закон выживателя, точно не пошел, если бы не следы. Свежие и человеческие, они складывались во вполне прохоженную тропинку, которая вела к вершине.

По звериным тропам разгуливать не стоит, и хотя следы выглядели вполне человечески и Папа тоже не волновался, но по самой тропинке подниматься я не стал, у мрецов тоже человеческие следы. Если же решаешь по звериной тропе прогуляться, то держаться нужно чуть сбоку, чтобы не наткнуться, я так и поступил.

Подниматься не по тропе оказалось довольно трудно, холм зарос мелкой, но удивительно жирной травой, которая лопалась под подошвами в зеленую жижу и крайне затрудняла продвижение. Так что в конце концов я плюнул и стал подниматься по тропке и скоро добрался до вершины.

В земле чернела дыра. Достаточно глубокая, во всяком случае, свет быстро терялся во тьме, вероятно, эта дыра вела напрямик в геенну. Следы же принадлежали падшим, которые за свои злодеяния отправлялись вот именно здесь в преисподнюю на вечную муку, вот оно, доказательство! Пахло, кстати, соответствующе — горячим асфальтом, и воздух тоже колыхался. Звуков, правда, не раздавалось, видимо, ад располагался достаточно глубоко, звуки не долетали.

Немного смущали самодельные мостки, тянувшиеся вокруг ямы, и веревки, свисающие прямо в чернеющую глубину, непонятно было зачем? Страшное место. Я отыскал камень побольше и запустил его вниз, с надеждой, что он попадет сатане прямо в лоб, а затем еще плюнул вдогонку. После чего внизу что-то крикнуло и наверх вытекла порция неприятно теплого воздуха. Я испугался и поспешил с холма спуститься, а спускаясь, увидел вдалеке еще кое-что интересное.

Огромное здание, невысокое, с плоской синей крышей, чуть промятой в нескольких местах, будто на ней резвились развеселые великаны. В промятинах этих скопилась вода и поселились утки, плавали группами, вели себя тихо и осмотрительно, но я все равно их заметил.

Мне вдруг захотелось утки. У нас возле станицы стариц много, уток тоже, осенью все выходят на охоту, бьем, затем коптим в бочках, иногда на три месяца хватает. Утки вкусные, особенно если чесноком их натереть хорошенько. Утку надо уметь готовить, я умею.

Вблизи здание выглядело еще большим. Было построено из железа и стекла, еще кое-где сохранившегося. Над входом красовались буквы «Р» и «О». Перед ними раньше тоже висели какие-то буквы, но теперь они исчезли, осыпались.

Я осмотрел в трубу окрестности. Движухи никакой, все вроде спокойно.

Медленно пошагал по склону. Утки продолжали плавать, и я даже издали чувствовал, что они жирны. Перепрыгнул канавку. Началась асфальтированная площадка, забитая автомобилями. Видимо, тут раньше торговали. Гомер рассказывал, что раньше все, что нужно, можно было купить в одном месте. Приходишь — и все тебе есть, как на складе. И вот это здание располагалось передо мной. Конечно, я не дурак, понимал, что там вряд ли внутри что-то полезное осталось, наверняка все давно растащено. Вот утки — это другое.

Я пробрался через автомобильную площадку к лестнице на крышу. Подпрыгнул, полез. Медленно, чтобы не брякнуть и не спугнуть. Не спугнул, осторожно выставился над крышей, перекладывая карабин под руку.

Пнул ботинком в железную стену.

Утки не взлетели, я пнул хорошенько. Ничего. Видимо, слишком жирны. Тогда я выскочил на крышу и нагло направился к ближайшей воде. Утки сначала ничего не поняли, затем все-таки подорвались. Тяжело, упитанно, не осень, а они уже нагулялись, тучные птицы прошлого.

Не попасть мог лишь слепой.

Я вскинул карабин.

Дробь выбила двух, они хлопнулись на железный потолок, две отличные тяжелые утки, мясистые, я направился к ним...

Папа зашипел. Необычайно яростно и энергично, как шипел только в двух случаях — когда он чувствовал волкера и когда он чувствовал пса.

Папа не ошибся, Папа редко ошибался — на крышу высыпались собаки. Все примерно одинаковой крупности, не великие, но и не мелкие, с овцу. С прямоугольными мордами и с очень неприятными челюстями. Стая.

Собак я вообще не очень люблю, опасные существа. Одни из самых опасных. Куда уж кажется опаснее — мертвяк, или жнец, или волкер, но нет — собака. Действуют стаями, с определенными правилами — если людей больше двух, никогда не нападут. Да и на двух, если честно, редко, обычно работают по одиночкам. Одни виснут на руках, другие в ноги вцепляются, третьи в горло.

Все.

Хорошо, что редко встречаются.

А эти псы меня сразу удивили. Вместо того чтобы с яростным лаем кинуться всем собачьим стадом, они разделились на две группы. И эти группы стали меня окружать. Спокойненько, уверенно, мелкими шагами, стараясь в глаза мне не смотреть. Много, штук пятнадцать, наверное.

Я потянулся к карабину.

Собаки не обратили на это совершенно никакого внимания. Забавно... У нас все по-другому, мы псин в страхе держим, на расстоянии, их нельзя распускать. Чуть какая собачатина показывается, так сразу и стреляем. И они понимают, и стоит мне потянуться к оружию, как сразу растворяются.

Эти не испугались. На всякий случай я протянул руку второй раз, чтобы увидели.

Собаки окружали. Не спеша. Не делая резких движений.

И вдруг я догадался! Они меня от лестницы отсекают! И план их понял — не только от лестницы отделяли, но еще загоняли в весьма хитроумную ловушку. Прижмут к краю крыши — и я прыгну, или они сами меня толкнут, а потом сбегут вниз — и славно отобедают. Все жрут друг друга, такой у нас нынче мир.

Утки в качестве приманки. Умные твари, присмотрели местечко. Наверняка сюда вот такие дураки влезают, а псы их и подкарауливают, вон их сколько развелось, собак этих... Возможно, это порода какая-то новая выработалась, особо умная. Может, они телепаты — общаются друг с другом мыслями и все знают, что делать наперед.

Пора было действовать, а то я что-то раздумался. Поднял карабин и...

Бить в жоака. Вычленишь в стае жоака, и в глаз. Но тут жоака не находилось. Собаки струились серым потоком, я не мог вычислить старшего. Ничего не оставалось, я выбрал первую собаку справа, выстрелил.

Пес споткнулся, упал. Остальные ускорились, понеслись ко мне галопом, несколько секунд — и я был окончательно окружен, собаки разошлись полуколем и отрезали отступление.

И тут же несколько замедлились, разом прижали голову и стали приближаться. Чудище пятнадцатиголовое.

Успею еще разок перезарядиться, успею еще одного пса уложить, вопроса не решает. Ловушка идеальна.

Секунду я думал — не отвлечь ли псов Папой. Неплохой шанс, можно запустить Папу в клетку, собаки все-таки собаки, не исключено, что они забудут про меня и набросятся на Папу. Но Папа мне дорог, с ним мы выживали уже несколько лет вместе, и бросать его псам мне не хотелось, выкинул из головы эти мысли.

Несколько секунд потратил на обдумывание прыжка. Если бы внизу была земля или хотя бы асфальт, я бы, наверное, рискнул. Но внизу лежали ржавые машины. Много. А я совсем не был дятлом-самоубийцей, я жить хотел, дел много.

Поэтому я скинул рюкзак, вытряхнул бутылку с порохом, факел. Факел у меня всегда приготовленный, на всякий случай. Вставил факел в ствол карабина. Конечно, это совсем не то, оскорбление оружия, но иного выхода не было. Порох. Пороха жаль. Выхватил нож, вспорол бутылку вдоль по брюху.

Надо спешить, собаки собирались атаковать, заволновались, шерсть на загривках зашевелилась. Я выгребал из бутылки порох горстями и швырял вокруг, стараясь накидать побольше по левую руку, побольше.

Собаки приблизились на расстояние прыжка. Чиркнул огнем, подпалил факел. Псы зарычали. Я прыгнул вперед, выставив факел перед собой. Несколько собак шарахнулись, и я тут же сунул огонь в россыпь пороха.

Порох полыхнул. Гомер варил хороший порох, злой, дымный. Меня окружило огненное кольцо, слева полыхнуло сильнее. Ожгло. Некоторым опалило морды, некоторым лапы, шарахнулись в стороны, а те, что были слева, завизжали — вполне по-собачьи завизжали — и отскочили от края крыши. Два пса задымились, принялись кататься по

железу, рычать злобно.

Мой шанс. Вдоль края крыши освободился проход, неширокий, но достаточный. И я рванул. Оставив рюкзак, бросив карабин, налегке, для скорости. Псы замешкались. Огонь, пороховая вонь, не ожидали такого. И я успел. Я сбил их привычный план, они не знали, как действовать дальше, и из хитрых голодных тварей сразу превратились в свору, которая рванула за мной с яростным лаем.

Преимущество в несколько секунд осталось за мной, я несея к продавлине, несея к воде, псы догоняли.

Но не догнали.

Влетел в воду с брызгами, быстро добрался до глубины, выхватил топор. Мой расчет себя оправдал — псы были совсем недлинноноги, атаковать меня на глубине они уже не могли, вода уравнила скорость и степень реакции, я даже получил преимущество — я стоял твердо на ногах, а им приходилось работать лапами. Тем не менее несколько тварей не смогли укротить ярость погони, с рыком бросились в воду и, щелкая зубами, поплыли ко мне.

Я ждал. Подняв топор повыше.

Троих убил сразу, раз-два-три, две успели одуматься и развернуться, но я их догнал. Всего пять. Остальные остались на суше. Лаять перестали, смотрели.

Пересчитал. Восемь штук.

— Ну что? — спросил я. — Кто-нибудь еще хочет перекусить?

Псы глядели исподлобья.

Одинаковые. Совсем.

Так мы стояли довольно долго, час, наверное, во всяком случае, солнце по небу переместилось изрядно. Псы думали, что дальше делать, я ждал. Пытался их поддразнивать, чтобы вызвать на бросок, но они быстро учились. Гибель товарищей произвела впечатление.

Не знаю, сколько бы так продолжалось, но у меня стали мерзнуть ноги. Стоять в воде мне совсем наскучило, и я двинул на собак. Размахивая топором и ругаясь, придумывая проклятья на их головы, на головы их потомства и на головы всего собачьего рода. Я старался ругаться как можно более хозяйским голосом, потому что в собаках, пусть даже в диких, есть память о тех днях, когда они жили с человеком. Собаке хочется подчиниться, в этом собачья природа.

Я явил силу хозяина, теперь мне надо было явить волю хозяина. Наступал, орал, ругал их последними словами, грозил и строго хмурил брови, и это дало результат — сначала одна поджала хвост, затем вторая, затем они все поджали хвосты и стали отступать, окрысившись, повизгивая и юля мордами.

— Вон пшли! — рявкнул я.

Собаки развернулись, побежали и быстро убрались в крышу через щель.

Я остался один на крыше. Почувствовал усталость. Что-то навалилось на меня, слишком густо, не привык жить в такой скорости. Слишком много стрельбы, слишком много пороха потрачено, город быстро перемалывает людей, снаряжение и припасы, вот уже и пороха нет одной бутылки. Нет, пора обратно. В леса, в глуши, в этом году грибы будут, и зайцев много, и, наверное, уток понавылупляется, еды полно, сытая зима. А тут самого чуть не слопали. Неоднократно уже.

Пора убираться. Я зарядил карабин, надел рюкзак, присобачил Папу сверху и направился к лестнице. Вниз.

Подумал еще — а не заглянуть ли внутрь этого приземистого железного здания, посмотреть — как там да что, вдруг полезное что-то, но передумал. Внутри вполне могло располагаться гнездо, а лезть в собачью берлогу...

Одним словом, я решил гулять подальше, выбрал для ориентира дом повыше и побрел в его сторону, стараясь держаться от стен на расстоянии.

Стены — вражеская территория, если есть возможность выбирать — шагать через поле или красться вдоль стены — выбирай через поле. Так ты, конечно, на виду будешь, но зато

никто на загрохот не прыгнет. А погань, она тебя что на поле, что у стены — услышит, падка она на людской дух. Если, конечно, скунсом не измазаться. Но целый день скунсом вонять тоже тяжело, зрение от вони начинает портиться.

Так что лучше без маскировки запахом. И через поле.

Кажется, я немного отклонился к востоку, запутался, Гомер предупреждал, что тут, за Кольцом, все время путаются, так специально улицы проложены — путано, чтобы враги терялись.

Я заблудился вполне. А может, мутант где засел, мутит себе, радуется. Вообще, конечно, мутанты твари безобидные, они, кажется, листьями питаются. Только вот голову сбивают очень сильно.

Руины начали сгущаться, наверное, раньше тут было очень много домов, потом их все разрушили, и остался плохопроходимый каменный лес, проросший лесом настоящим. Наверняка там полно опасностей, но делать крюк хотелось еще меньше. Поэтому я двинул напрямик.

Не спеша, стараясь не свернуть ноги в крошечке из красных кирпичей и толстых корней. В некоторых местах было забавно — деревья сплетались над головой в зеленую крышу, сквозь которую солнце почти не пробивалось. Еще деревья росли вбок, другие причудливо перекручивались и вязались в узлы, некоторые росли плашмя, пробивая оставшиеся кирпичные стены. Видимо, поганская сила над этим местом хорошо поработала. Живности опять же никакой не встречалось, то ли погань всю пережрала, то ли сроду она тут не водилась. Змеи только. Небольшие, черные, грелись на камнях совершенно нагло, при моем появлении даже не прятались. Никто, видимо, тут за ними не охотился.

Потом тростник, обогнул его справа и увидел очередной провал. Свежий — не успел зарости зеленой и наполниться водой. Довольно глубокая яма, на дне разорванные толстые трубы, железные конструкции, толстые кабели, все выглядит как поломанные кости и порванные жилы. Странное вообще это место город, под кожей другая жизнь, и, где ни копни, обязательно чего-нибудь увидишь.

Провал разделял дом, невысокий по здешним меркам, в пять уровней. Дом казался разорванным пополам, можно было видеть, как там все внутри устроено, некрасиво выглядело.

После провала проходимость местности еще ухудшилась, из земли выставились ржавые штыри, много, точно выросли, опасно. Впрочем, я не особо удивлялся, тут могло и железо из земли расти.

Поворачивать не хотелось. И тут не в приметах дело, хотя приметы, ведь они не просто так. Любое существо оставляет след, человек тоже. И рано или поздно на этот след кто-нибудь пристраивается. Поэтому возвращаться всегда опасно, лучше через штыри. Пришлось пробираться на цыпочках, аккуратно, все равно комбез подрал. Затем стало идти уже проще, руины расступились, и я увидел необычное. Круглую, вернее, овальную площадку, блестящую, почти сияющую.

Лед. Прямо здесь, посреди жары. Смешно. Ненормально.

Я поднял камень, швырнул. Камень заскользил по поверхности. Быстро, действительно как по льду, только лучше. Здорово. Мы у себя тоже катались, когда зима случалась особенно злая, болота кое-где подмерзали, и по ним вполне можно было скользить. А в морозный год даже по некоторым речкам.

Осторожно потрогал. Теплый. Значит, не лед вовсе, другое. Потрогал сильнее. На зеркало похоже или на стекло. Теплое.

Постучал пальцем. Непонятно...

Осмелился, попробовал встать. Лед держал.

И тут вдруг накатило опять. Захотелось. Прокатиться. По этому стеклу. Встал и второй ногой. Сделал шаг. Покатился. Оттолкнулся чуть сильнее, покатился дальше. Третий раз оттолкнулся и упал.

На этом надо было бы мне и остановиться, но взял азарт, такое со мной бывает. Вроде

бы серьезный человек, а иногда выкину... Детство играет.

Я поднялся ото льда, оттолкнулся посильнее. Неожиданно повело вправо, попытался затормозить, прижал ко льду подошву, но это только увеличило скорость. Я несся к центру площадки.

Конечно, я уже понял, что в этом нет ничего хорошего. Что это опасно. Спихнулся, раззява, болван надувной, да поздно. Успел сорвать кошку, размахнулся, швырнул. Кидал в деревья, кошка вцепилась в ветви, веревка натянулась, меня увело вперед, ноги дрыгнулись, и я снова упал. В этот раз менее удачно.

Шлем у меня хороший. Пуленепробиваемый. Внутри особый материал, мягкий и вязкий. Если бы я ударился затылком об это стекло без шлема...

Короче, очнулся я. Солнце висело уже почти в самом небе, то есть высоко. Когда я выкатился на это поле, оно еле-еле взбиралось часов на одиннадцать, а сейчас...

Лежал на твердом. Папа пронзительно мяукал рядом. Я попытался повернуться на бок, не получилось, остался лежать на спине.

Левой рукой попытался нащупать веревку от кошки. Вокруг простиралась твердая гладкая поверхность, никакой веревки. Попробовал сесть.

Не получилось.

Странно.

Попробовал еще, и снова безуспешно. Я извивался на спине, стараясь сесть. Нижняя часть уходила вперед, зад проскальзывал, сесть не получалось.

Теплый лед был скользок. Хотя, конечно, подо мной был не лед. И не застывшее стекло, на стекле я кое-как бы удержался. Это была непонятная поверхность, настолько гладкая и скользкая, что ни сесть, ни перевернуться на ней не получалось.

Решил подумать о сложившейся ситуации спокойно, оглядеться. Веревка от кошки висела на кустах, можно забыть.

Справа мычал Папа. Он откатился от меня метров на десять и теперь пытался приблизиться, высунул лапу и старался грести. Но поверхность поля не поддавалась когтям, Папа тоже барахтался, фырчал, одним словом, бесполезно старался.

До меня начинал доходить смысл всей этой поляны. Сюда попадали всевозможные твари, живые и даже, возможно, мертвые, то есть поганые. Они вкатывались в центр этой ловушки, где скользкость стекла была просто необыкновенной. И застревали. Сначала они пытались вырваться, били конечностями, визжали, щелкали зубами и царапали когтями, одним словом, проявляли волю. Но постепенно эта воля начинала скисать, попавший в ловушку зверь сдавался и медленно умирал. После чего прилетала какая-нибудь голодная воздушная пакость, подбирала останки и блестящая поверхность была снова чиста и готова.

Я нащупал нож. Лезвие не воткнулось, не зацепилось, поверхность подо мной оставалась неприступной. Так...

Поразмыслив, я решил опробовать другое, я не садился, я старался перевернуться на живот. Наверное, через час это получилось. Теперь я лежал на пузе. Особых, впрочем, преимуществ это мне не принесло. Я попробовал грести руками, как в воде...

Подгребал очень сильно, плечи разболелись, при этом я не сдвинулся ни на сантиметр.

Солнце палило все жарче и жарче, и лежать становилось все неприятнее. Неожиданно мне пришла в голову интересная мысль. Я с трудом выцарапал из-за спины карабин, направил его в сторону берега и выстрелил. Отдача отбросила меня в сторону, и я немного сдвинулся, метра на полтора. Поскольку иного выхода не было, то я решил действовать. Стрелять до тех пор, пока отдача не прибьет меня к берегу.

Тридцать выстрелов, примерно, за тридцать выстрелов я должен выбраться. Конечно, в восторг это не приводило. Потратить тридцать зарядов только для того, чтобы дотянуться до земли... Но другого выхода я не видел.

Я выстрелил второй раз и еще немного подвинулся.

Перезарядился. Надо было прочитать тропарь, но я никак не мог решить, какой именно следует употреблять в таком положении. Поэтому вместо тропаря я выстрелил.

Третий выстрел подвинул меня еще немного к цели, воодушевленный, я перезарядился снова.

Четвертый все испортил. Я выстрелил. Видимо, я немного не рассчитал с направлением. Заряд ушел в сторону, и меня вместо того, чтобы подвинуть, развернуло. Причем очень здорово, я принялся вертеться, как детский волчок.

К счастью, я лежал на животе. Через минуту верчения меня вывернуло, а еще через минуту это произошло второй раз. На спине наверняка бы захлебнулся.

Я вертелся. Вернее, я чувствовал, что мир вертится вокруг в вялом тошнотворном хороводе. Остановиться я не мог долго. Когда это, наконец, случилось, я с трудом смог поднять голову. Некоторое время лежал, стараясь отдышаться. Да не старался даже, потому что сил никаких не осталось. Стрелять бесполезно, это ясно.

Глупо.

Я расслабился и растекся по стеклу. Хотелось спать, и я стал спать. Иногда лучше спать.

Не знаю, я проспал, наверное, часа полтора. Во всяком случае, солнце сместилось не сильно. Открыл глаза. Теперь хотелось пить. Смертельно. Дотянулся до бутылки. Попил. Голова болела, во рту перекатывался мерзкий привкус. Папа поскуливал. Никогда не слышал, чтобы он скулил, а сейчас вот да.

— Тихо! — прошептал я. — Тихо, могут прийти...

Папа послушался. Во всяком случае, подвывать перестал. Я снова стал думать. Положение получалось кислое. Кошку я использовал, стрельба не помогала, клея, чтобы приклеиться к стеклу, а затем оттолкнуться, тоже не находилось. Оставалось подыхать в этой подлой ловушке.

Подыхать не хотелось. Во всяком случае, так.

Я подышал на ладони и попытался прилипнуть ими.

Я поплевал на ладони.

Я попробовал скрести ногтями.

Не получалось.

Идея явилась неожиданно. Я решил выстрелить в лед. Может, хоть поцарапаю. Оттолкнуться от царапины — достойное занятие. Достал жакан. Гладкий, с тупым обтекаемым конусом. Ножом пропилил в нем зазубрины. Зарядил. Теперь следовало вымерить угол. Привязал к спусковому крючку проволочку, установил карабин вертикально, обнял ствол. Наверное, это выглядело идиотски со стороны, но выбора особого не было, я закрыл глаза и за проволочку дернул.

Карабин грохнул, пнул стволами в щеку.

Я открыл глаза.

Царапина имелась. Сантиметра два в длину и с волос толщиной. Да, от такой царапины можно легко оттолкнуться. Если бы я был муравьем, я бы так и сделал. Оттолкнулся бы и поехал, только ветер в ушах. Есть там у муравьев уши, не знаю, зато мои уши заложило крепко. Я стал думать, что оглох, но слух почти сразу начал возвращаться, зазвенело, запело где-то там в вышине. Дурак. Дурак.

Хотя если рассуждать трезвомысленно... Здесь без мутанта явно не обошлось. Мутант, вполне может стать. В здоровом уме я не полез бы на эту площадку. А погань эта замутила, голова вскружилась от детской восторженности, вот я и всунулся. Вообще, надо было раньше мозгом ворочать, мутанты эти любят возле таких вот мест ошиваться. И возле болот.

Я вспомнил, как возле наших болот мутанты селиться обожали просто. Заманивали, каждый год человека два в трясину попадало. После этого обычно устраивалась массовая зачистка. Брали дымовые шашки, выкуривали мутоту, в бочку железную, а потом жгли. А они так трескали и взрывались в разные стороны, совсем как блохи, только веселее.

А некоторые даже из бочки продолжали мутить.

Я зарядил карабин дробью. Обнаружить мутанта без дыма почти невозможно. Сидит себе где-нибудь сейчас в развалинах, смотрит, веселится. Весело ведь я тут корчусь, смех

один, да и только. А если их тут еще несколько...

Тогда шансы мои совсем невелики. Если одного убьешь, остальные не выпустят.

Ждал. А что мне оставалось? В рюкзаке хранилось немного рыбы, если экономить, хватит на неделю, даже больше. Воды чуть, но на этот счет я совсем не беспокоился. Поверхность гладкая, значит, роса должна оседать хорошо. То есть я мог сидеть в этой ловушке почти сколько угодно. Не один месяц. Постепенно слабея от голода, сходя с ума от солнца и безнадёжности. И, что самое плохое, с ума я буду сходить долго. Я очень нормальный, спокойный, свихнусь уже совсем перед смертью, и безумие затянёт последние часы существования мерцающей пеленой.

Солнце опускалось, и я вдруг обнаружил еще один подлый секрет этого места. Ледяное поле представляло из себя вовсе не ровную площадку — оно понижалось к центру. В результате чего получался очень плоский конус, так что все, оказавшееся на этом поле, рано или поздно скатывалось к середине. Весело.

Небо на востоке чернело, из оставшихся домов и от развалин выползли неприятные ломаные тени, кое-где заухало, завывало, заверещало, погань вступала в свои сумеречные права.

Я ждал ночи. Вот о чем думал. Сегодня было жарко, и вполне могло стать, что от этой самой жары этот лед загладился, приобрел повышенные катательные качества. Вечером начнет холодать, лед остынет, и, возможно, проявятся другие свойства. Проходимость какая-никакая.

Хотя, конечно, если у меня и получится добраться до берега, то ночью без укрытия шансов немного. Продержаться с карабином и топором против всей той пакости, которая тут же возжелает мной перекусить, вряд ли удастся. Но шанс — мое любимое слово — шанс есть. Если подтянуться к берегу, допустим, на расстояние метра в три и как-то на нем закрепиться, например, с помощью ремня от карабина, то, возможно, ночь переждать получится. Шанс.

Стемнело быстро.

Я продолжал лежать на животе, но поскольку поверхность была почти зеркальной, прекрасно видел, что происходит на небе. Звезды зажигались. Некоторые зеленые, другие красные, третьи синие, холодные. Складывались в созвездия, справа в небе висела комета с длинным хвостом, до сих пор висела, говорили, из-за нее все и началось. Спутники, маленькие тусклые точки, пробирающиеся через тьму. Говорили, что на некоторых из них еще летят люди. Что вроде бы на спутниках есть механизмы, которые позволяют поддерживать жизнь, правда, люди там уже другие, потому что в космосе невесомость, и из-за этого они уже не вернутся.

Гомер всегда смеялся, считал все это ерундой. Что если на спутниках когда-то и находились люди, то они давным-давно уже померли, одни скелеты остались да компьютеры. Я представлял, как спутники вертятся вокруг планеты, скелеты сидят в креслах, а компьютеры продолжают смотреть вниз, выполнять свои никому не нужные задания — оценить их старание все равно некому. Глупо. Бессмысленно. Бесцельно. Вот если бы там спутники летали, которые могли погань прямо из космоса выжигать, другое дело.

А еще в небе кроме спутников висела луна с острыми рогами, раньше на ней тоже сидели люди. А еще вроде как многие китайцы спаслись на луне.

А еще прямо передо мной высоко и далеко над землей горел огонек. Не звезда, вообще непонятно что. Наверное, на какой-нибудь из вышек. Лампа. Или костер жгут. Только что-то уж высоко.

Зеркальный лед постепенно остывал. С каким-то высоким поющим звуком. Я чувствовал, как вместо тепла от него начинает исходить ощутимая прохлада. Сначала мне это нравилось — за день я успел пережариться и пропотеть, немного остудиться не мешало.

Однако очень скоро почувствовал, что охладился уже достаточно и даже стал замерзать. Тогда достал спальник, засунул под пузо, и спальник и коврик. На некоторое

время это помогло. С помощью карабина подтянул клетку с Папой, пристроил его рядом, Папа был, конечно, шерстист, но холод от льда исходил по-настоящему ледяной.

Тень. На секунду она проскочила между мной и луной, я успел заметить. Что-то с широкими лапами. Блестящая шкура. Двигается быстро, не то что мрец. Погань. Видимо, эта погань тут и кормится, возле этого катка. А я добыча изрядная, два дня жевать можно.

Проверил карабин, зарядил крупную дробь, думал, шугну — поганец осторожный, судя по всему.

Сразу нападать тварь не собиралась. Я заметил, как она кружит по развалинам, примериваясь. Пару раз я слышал шипение — верный признак того, что тварь нюхает воздух. Это навело на мысль. Сбрызнуться скунсом. Дотянулся до пузырька... решил подождать. Все-таки скунс — это серьезно, одно дело брызгать вокруг, другое дело на себя. Поэтому я капнул чуть в сторону. Вонь наполнила воздух, Папа заворочался в клетке, у меня заболело горло и нос.

Как-то раз, еще задолго до сыти, наш Кузя решил сделать сгущенного скунса. Наловил скунсов в лесу, выдавил в бутылку и стал это добро вываривать. Обычный скунс просто делается, выдавливаешь скунса, смешиваешь со спиртом — и хватает, ночью к тебе мало кто решится подойти. А Кузя хотел настоящий скунсовый яд приготовить, чтобы все шарахались. Вываривал он их, вываривал, а потом как взорвалось у него все, разлетелось. Пришлось из станицы на месяц уходить, пока не выветрилось. Листья в тот год не позеленели, все лето желтые висели. Воняло так, что у многих зрение даже отключалось.

Скунс — мощная штука. Вот и сейчас глаза зачесались, пришлось использовать на промывку последнюю воду. И только прополоскал я очи свои, как гляжу — лезет.

Черное, как почти все ночные твари. Человекообразной формы, руки-ноги, голова, все как полагается. Только раскорячено, на четвереньках и двигается медленно, с лося размером, ноги толстые. Знает, что мне не убежать, не торопится.

Остановилось. Метрах в трех. Смотрело. Глаз у него не видел, но оно смотрело, я точно знал, чувствовал взгляд.

Перевернулся на спину. Это далось нелегко, несколько минут я кувыркался на зеркальном льду, но все-таки перевернулся, оказалось, эта тварь еще ко мне немного приблизилась, так, на полметра.

Выстрелил.

Картечь расшвырнулась по сторонам. Непробиваемый для картечи, попробуем пулькой...

Зарядил пулю. Разрывную, по таким тварям только разрывными стрелять. В голову не целил, у погани головы крепкие, труднопробиваемые. В ногу, в колено.

Выстрел.

Раскоряка вздрогнул. Не знаю, добралась ли пуля до его кости — явного знака он не предъявил, постоял немножко, затем начал продвигаться дальше. Пуля, скорее всего, завязла в сале. Ясно. Оружием его не прошибешь.

Надо что-то придумывать. Срочно. Срочно.

Я распотрошил рюкзак, вытряхнул содержимое на лед. Порох.

Порох, драгоценный мой порох, можно подорвать. Не обязательно подорвется, можешь и сам подорваться вполне, кинешь бутылку, а она к тебе обратно соскользнет...

Раскоряка остановился и вдруг резко плюнул в мою сторону. Чем-то длинным, вроде как языком, есть такие ящерицы, на мух охотятся. Только язык этот в полете у нее развернулся в зонтик с крючковатыми цеплялами, я с трудом увернулся.

Так. Значит...

Оно плюнуло еще. Вцепилось языком в ногу. Поволокло, легко я так покатился, понял, что это вот, скорее всего, язычник. Гомер про них рассказывал. Хуже язычников только сатанисты. А этот знатный язычник, крепкий у него язык, я топором его хрясть по языку — только тогда и отпустил. И тут же топор у меня вырвал — и в пасть. Опасный язычник, но вполне безмозглый — топор проглотил.

И вот когда он топор сожрал, тогда я и придумал.

Смола. Несколько пузырьков. Смола — крайне полезная вещь.

Выдавил на лед сразу из трех. Густая, зернистая, пахнет лесом. Слепил в комок, стал разминать.

Вообще, смолу быстро не разомнешь, к рукам она прилипает и вообще ко всему вокруг, но с этим зеркальным льдом было проще — стал катать по нему. Скоро образовалась плоская лепешка, я свинтил крышку с бутылки и щедро насыпал на лепешку порох, горкой. Затем слепил края.

Топор вывалился у язычника из пасти, поехал ко мне, невкусный. Сам поганец стоял, размышляя, что делать, недолго размышлял, почти сразу плюнул языком, едва успел ноги задрать.

Сделал колобок Липкая лента, не зря все-таки у Рябого ее позаимствовал. Липкая лента — то, что надо...

Язычник стал обходить сбоку, примеривался, как поудобнее уцепиться.

Чтобы получился взрыв, надо выжать воздух. Потискал колобок, обмотал его лентой. Теперь поджиг. У меня несколько, еще давно сделал из старых мелкокалиберных патронов. С помощью такой штуки можно костер хоть под водой разжечь, мы их специально для болотных походов делали.

Язычник примеривался. Я торопился. Нож, огниво, чирк. Поджиг зашипел. Он секунд пять горит, не больше.

Вообще-то я рассчитывал на языческую глупость. Если он схватил топор, значит, схватит все, что движется. И язычник оказался совершенно глуп.

Я медленно запустил в его сторону дымящийся шар. Язык метнулся к бомбе, обхватил ее, сжал и жадным движением препроводил в желудок.

— На здоровье, — сказал я.

Бумкнуло.

Язычник подпрыгнул. Как-то сразу в разные стороны, подпрыгнул и опустился на растопыренные лапы.

Из пасти задумчивыми струйками выбирался дымок, а затем стало вываливаться что-то, похожее на кишки. Много и с хлопаньем. Черные дымящиеся внутренности, которые тут же застывали на ледяном зеркале.

На всякий случай я выдавил смолы, свернул еще колобок. А вдруг сестричка заявится? Мало ли? Местечко удобное, прикормленное...

Горячие кишки вывалились на ледяную поверхность, и она потрескивала. Явно потрескивала, как замерзшее стекло, в которое льют кипяток. Я пригляделся и обнаружил, что по зеркалу разбегаются трещинки. Уже не очень тонкие.

Вторая хорошая мысль посетила меня за эту ночь.

Раскатал из смолы червячка, замкнул его в колечко и положил на лед. Чтобы не поехало, удержал его кончиком ножа. В колечко засыпал пороху, поджег.

Порох выгорел зеленым огнем, и я услышал треск погромче. Сдвинул смолу. Трещина. Глубокая, нож удалось вставить почти по рукоять. Лезвие сидело крепко, я подтянулся на нем обеими руками. Меньше, чем полметра, гораздо меньше. Я нашел способ, чтобы выбраться.

Через четыре часа я был уже близок к спасению. Я старался.

Еще через два часа возникли сложности.

Солнце поднималось. Я карабкался к берегу. Колечко — порох — нож. Колечко — порох — нож. Главное — успеть вытащить клинок из одной трещины и загнать его в другую. Получалось. Несколько сантиметров за каждый раз.

Берег медленно приближался. И солнце, оно всползло выше, зеркало разогревалось. Теперь для каждой трещины мне требовалось больше пороха. Пороха было жаль, но подыхать здесь тоже не очень хотелось. И я полз.

Чем ближе я подбирался к берегу, тем трудней становилось. Последние три ножа я

почти вбивал. Трещины затягивались очень быстро, края срастались, зеркало восстанавливалось, до берега оставалось совсем чуть.

Приготовил последний заряд, подпалил, зеркало хрустнуло, загнал нож, рванул...

Лезвие обломилось у самой гарды. Я вцепился ногтями в обломок, стараясь удержаться, чувствуя, что начинаю сползать. Ногти, конечно, сломались.

Тогда случилось что-то невообразимое. А может, лед по краям этой поганой ловушки был просто не таким гладким. Одним словом, я дернулся. Как-то всеми мышцами, всей душой, всей кровью и сухожилиями.

И поднялся на ноги.

Ненадолго, может, на пару секунд.

Ноги ушли вперед, и я с размаху хлопнулся на спину.

Затылком об лед.

Шлем не помог.

Глава 7 Алиса

— Кис-кис.

— Бурчание.

— Кис-кис-кис...

Шипение. Сдавленный мям.

— Ах ты, гадина...

Я открыл глаза. Сначала подумал, что это мусорная куча. Вдруг ожила. В этом проклятом месте все может быть. Люди исчезают в подземных переходах, подвалы крысами забиты, меня пыталась забодать табуретка.

Возможно, это какой-то помойный человек. Хотя Гомер о таких не рассказывал, с другой стороны, он мог всего и не знать. Тут такое изобилие погани, что узнать каждую в лицо возможности не представляется.

По делам ее узнаем, по следам кипящей серы.

Гомер говорил, что тут есть такие огромные дома, что если ходить по уровням и заглядывать в каждую комнату, пропустишь жизнь.

Мусорная куча повернулась ко мне, улыбнулась, и я окончательно понял, что это не мусорная куча, а человек. Девчонка. Лет, наверное, шестнадцать. Хотя трудно сказать, лицо перемазано. Сейчас в людях вообще сложно возраст определять.

— Я Алиса, — сказала девчонка. — Я тут живу, в Москве. А ты? Живой или притворяешься?

Я был жив. Осторожно пошевелил руками, затем ногами. Левая нога болела. Не сильно, но если растяжение... Ладно, после разберемся.

— Живой... — ответил я, а то еще пульт с испугу.

— Где живешь, живой? — спросила Алиса. — Чьих будешь? Забыл, что ли, чумазый?

— Да... — ответил я. — Забыл, кажется... Головой ударился...

— А что это в клетке у тебя? Кот, что ли? Да... Странный у тебя кот, бешеный. Слушай, а почему у него трех лап нет, а? И хвоста... Ты что, сожрал их, что ли?

— Почему сожрал, не сожрал... Просто...

— Ясно, что просто. На четырех лапах он от тебя давно бы смылся, — заключила Алиса. — Вот ты его и обрезал. Хитро. Зачем ты его с собой таскаешь? Друг твой, что ли? Смотри, опасно это — с котом дружить. Как говорится, с котом жил, с котом и помрешь!

Алиса хмыкнула.

— А что это воняет от тебя? — спросил она. — Я еще там заметила — вонь страшная. Ты что, немытик?

— Это скунс.

— Сушеным скунсом посыпашься?

— Нет, это так называется просто. Из скунса жидкость выдавливается, а сам он отпускается...

— Сейчас меня стошнит, — сказала Алиса, — не рассказывай дальше. Вот.

Она достала откуда-то из недр своего костюма пузырек, взболтала, побрызгала на меня. Пахло сильно, но не противно.

— Чесночный сок, — пояснила Алиса. — Отбивает вонь, отгоняет труперов.

— Ага.

— Ага-баба-яга, — передразнила Алиса. — Я тебе жизнь, между прочим, спасла, целый час тебя из пади вытаскивала, а ты мне ага.

— Спасибо, — я стал думать, чем мне отблагодарить эту Алису и ничего придумать не мог, зря, наверное, тот гомеровский кинжал выкинул, девчонки любят холодное оружие.

— Спасибо... — поморщилась Алиса. — Не спасибо, а на руках меня носить должен.

— Я...

— Ладно, не надо, — отмахнулась она. — Обойдусь.

— Благое дело сделала, — сказал я. — Тебе зачтется.

— Ага, зачтется... — зевнула Алиса. — Спасай вас тут, делать мне больше нечего, как всяких вонючек вызволять...

Я лежал в каких-то очередных руинах, разрушенные стены, какое-то кривое высокое сооружение, похожее на фонарь, кругом желтые цветы. На фонаре болтался в петле мрец. Мы их тоже вешаем частенько, считается, что если одного повесишь, другие заботятся. Иногда на самом деле помогает, месяц не подходят. Тут, наверное, такие же порядки. Во всем мире одинаковые порядки, все любят вешать. Второй повешенный мне встретился.

— Ты голема завалил? — спросила Алиса.

— Кого?

— Голема. Ну, голого, шкура черная, на лапах присоски? Там, на пади.

Язычник, понял я.

— Я.

— Ясно. Големы всегда возле падей вьются. У них на лапах блямбы, они могут по стенам лазать, по любым гладким поверхностям. А желудок выпрыгивает.

Желудок выпрыгивает, подумал я. Хорошо. Очень удобно. Вот, значит, что за дрянь у него из пасти простиралась. Бродячий желудок. Неплохое приспособление. А я ему в это приспособление бомбу. Чтоб глоталось веселее...

— Ага, выпрыгивает, — Алиса выставила язык. — Ложишься спать, а просыпаешься уже в желудке у голема!

Алиса рассмеялась.

— Почему там так скользко? — спросил я.

— Где, в желудке у голема? Ну, я точно не знаю, ты это у самого голема спроси... Хотя ты же его убил безжалостно.

— Да нет, на этом катке. Скользко очень...

— Это же падь, — объяснила Алиса. — Там все падают. Там и должно быть скользко.

— Да уж...

— Ага.

Алиса указала в сторону ледяной ловушки.

— Это сверхпроводник вроде.

Наверное, у меня получилось очень глупое лицо. Сверхпроводник... Что такое сверхпроводник, я не знал. Видимо, это озерцо куда-то кого-то провожало. И с большим успехом.

Например, на тот свет.

— Ты что, темный? — спросила Алиса. — Сверхпроводник — он сверхгладкий. И сверхскользкий. На него лучше не заходить. Ты чего туда полез?

Я не знал, как ответить. Замутило, вот чего.

— Ясно, — вздохнула Алиса. — Ты рыбец. Рыбец из Рыбинска, я слышала про такое.

Сюда зачем притащился?

— Так...

— Через Нулевой?

— Да вроде бы.

— Там слизень. Он жив еще?

— Слизень?

— Ну да, — Алиса зевнула. — Слизирует. Идут люди, все вроде ничего, потом раз — одного нет. Слизили. Он всегда одного жрет, а потом зубы выплевывает. Жив?

— Жив.

— Отлично! — обрадовалась Алиса. — Из слизи можно... Ладно, не твое, рыбец, дело.

— Я не рыбец, — возразил я.

— Рыбец, — еще зевнула Алиса. — Я тут в твоём ранце покопалась.

Алиса показала сушеного карася.

— Ты уж меня извини, не удержалась, все-таки я тебе жизнь спасла... Ты точно рыбец. Рыбье мясо ешь, рыбью кровь пьешь, в рыбий мех одеваешься, и сам как рыба. Но ты, вроде бы, парень. Значит, рыбец.

Я подумал, что спорить не стоит. Пусть. Эта Алиса явно местная, глядишь, поможет мне. Ну, в смысле, невесту на порох.

— Я слышала, — у всех рыбцов есть вот такие.

Она указала на Папу.

— Вы их рыбой кормите, а они вам песни поют. А мне не поет. Я ему рыбу давала, а он молчит. Может, ты ему скажешь?

— Что сказать?

— Чтобы спел что-нибудь. У меня воробей жил, он пел.

— Это Папа.

— Папа?

Алиса расхохоталась.

— Папа, — подтвердил я.

Папа услышал свое имя, зашевелился.

— Смотри-ка, действительно Папа.

Алиса принялась дразнить Папу, опускала на веревочке ему в клетку желтое кольцо, пыталась стукнуть по носу, отчего Папа приходил в злобу и ярость, мурчал. Я, кстати, в людях давно такую привычку заметил — любят Папу дразнить.

— Действительно, поет, — Алиса спрянула кольцо. — Тебя как зовут, говоришь? Калич?

— Дэв, — сказал я. — Почему Калич?

— Я слышала, там всех у вас Каличами зовут. Ладно, Калич так Калич, хотя имя странное. Наверное, потому, что нога у тебя болит. Как вы там живете? За МКАДом?

— Хорошо...

Алиса опять расхохоталась, задорно, с душой, я отметил, что весь этот мусор, из которого состоял ее костюм, совсем не гремел. Тихий костюм.

— Хорошо, да... — Алиса надула щеку, хлопнула ладонью. — Рыбой питаетесь, дикари...

Она подняла карабин, приложила к плечу, стала целиться в фонарь.

— А зачем у тебя лопата? — Алиса опустила оружие. — Ты ее меташь?

— Куда метая? — не понял я.

— Ну, куда-куда, в голема, например. Он идет — а ты меташь?

— А ну да, метая. Но не в голема. В мреца, например.

— Куда?

— В мреца.

Я изобразил лицом и жестами.

— Это трупер, — угадала Алиса. — Трупер, а никакой не мрец, ну ты Рыбинск. А вообще, я гляжу, ты нормально собран. Все для жизни, противогаз даже. Для чего тебе противогаз, рыбец?

Я объяснил.

Алиса продолжила смеяться. Заливисто, беззаботно, даже вороны сорвались с развалин. Или мыши летучие, как-то странно для ворон они летели.

— Нет, ну и жизнь у вас там в Рыбинске! В земле ночуете...

— Это если в походе... — попытался объяснить я.

— В походе вы спите, зарываясь в землю, а так, наверное, на деревьях. Как гориллы! Как макаки! Слушай, рыбец, может, у тебя хвост есть, а?

Я промолчал. Если тебе вдруг сразу хочется кого-нибудь убить... ну, просто так убить, не в целях самообороны или для пищи, а просто, в целях душевного спокойствия, то не торопись. Прочти про себя тропарь Терпения и взгляни на мир по-другому.

Я стал читать. Алиса тем временем продолжала копаться в моем имуществе, нагло и беспрепятственно. Девчонка. Я терпел, их терпеть надо.

— Вот это вещь! — Она подняла топорик. — Класс. А! Это что вообще? Томагавк?

— Топор, — объяснил я.

— Топор? А я думала, секира. Его кидать нужно?

— Можно и кидать, если хочешь. А вообще он для разных целей служит. Построить что-нибудь, дрова рубить...

— Построить? — не поняла Алиса. — Зачем что-то строить — и так всего полно, башку рубить — это да. Слушай, вот если у тебя был топор, что же ты в пади-то барахтался?

Я не понял.

— Топор, — повторила Алиса. — Можно же с помощью топора выбраться!

— Как? Лед крепкий, не рубится совсем.

— О, рыбец из Рыбинска! — Алиса хлопнула в ладоши. — Кто же этот лед рубит?! Не так надо. Нож ведь у тебя был?

Я кивнул.

— Надо так было делать. Разрезать одежду на тонкие полоски, из них плести веревку. Вербку к топору привязываешь — швыряешь. Так и вытягиваешься, все просто.

На самом деле просто. А я не додумался. Это из-за мутанта, точно там мутант был...

— Я один раз тоже так попала. Правда, у меня топора не было, пришлось «Хека» кидать.

— Кого? — не понял я.

— «Хеклер и Кохлер», автомат, у вас в Рыбинске нет, наверное.

Она кивнула на мой карабин.

— Вы там все из фыркалок стреляете, лук и стрелы в почете, да? Правильно, макакам в автомате не разобраться...

Я начал разворачиваться — не хватало, чтобы еще какая-то там девка надо мной глумилась, но Алиса пригрозила:

— Но-но, не очень. Грохнешь меня, потом отсюда не выберешься, тут ловушки кругом. Сиди спокойно. Слушай, как ты из этого стреляешь?

Она снова подняла карабин.

— Тяжеленный... Убогое оружие. Скорострельность нулевая, пули выкатываются, все понятно. Понятно все с тобой, рыбец. Ты тут со своей пукалкой и дня не протянешь.

— Оружие — это не то, из чего стреляют, — сказал я.

— А что же? Вроде как стреляет не пулемет, а пулеметчик? Знаем мы эти басни. Во, гляди — оружие.

Алиса положила карабин и подняла странную, какую-то игрушечную винтовку. Состоящую из синих огоньков, железных и пластиковых трубок, проводов и счетчиков.

— Кого хошь убить можно, — она прицелилась в меня. — Смотри...

Алиса направила винтовку в стену ближайшего дома, нажала что-то сбоку. Оружие

пискнуло, негромко лязгнуло и как-то подобралось, точно не оружие это было, а живой организм.

— Сейчас я...

Алиса нажала куда-то еще, и из оружия вылетел луч, обозначивший на стене дома алую точку, видимо, туда должен был попасть заряд.

Она опустила свою винтовку и снова взяла карабин. Стала целиться в болтающегося мреца. Недолго.

Булк! Отдача ударила в плечо, Алиса уронила карабин, плюнула. Мрец оборвался. Попала в веревку. С первого выстрела, однако.

— Что он так бабахает-то! — Алиса пнула карабин. — На весь город! Сейчас сюда слетятся, тут крематорий рядом...

Она принялась нюхать воздух.

— Кто слетится? — спросил я.

Кто может слететься из крематория? Мрецы, что ли? Строка?

— Если не свернемся, скоро узнаешь.

Алиса надела свой рюкзак.

— Что сидишь? — спросила.

Я отвернулся.

— Ты, Калич, как хочешь, а я пошла.

— Я не Калич... — огрызнулся я.

— Ты Калич, и на это есть две причины. Первая такая — у тебя подвернута нога. Вторая причина еще проще. Ты воняешь, как...

Алиса плюнула.

— Идешь?

— Сама иди!

Сидел. Упрямство какое-то накатило. Не хотел я с ней никуда идти, все время дразнится... Шутки шутит. Не, терпение, конечно, терпением, но все равно.

Не похожа. На наших, тех, что раньше. Волосы светлые, блондинка, кажется. А у нас все черненькие. Были.

— Значит, сидишь до конца? — осведомилась Алиса. — Смерти дожидаясь?

— Не твое дело.

— Ну и сиди! — рявкнула Алиса. — Сиди сиднем! Рыбец чертов!

Сколько раз зарекалась этих диких не спасать — нет, опять спасла... Я все время кого-то спасаю... А ну тебя.

Она закинула на плечо свое игрушечное оружие и направилась прочь. Не спеша.

Я дождался, пока она скроется среди руин, и поднялся. Левую ногу дернула боль. Сделал шаг. Ничего, ходить смогу. Собрал рюкзак, закинул на спину. Карабин. Нащупал топор на поясе.

Потянулся за Папой.

Папа рычал. Дыбил шерсть, трясся, выказывал все признаки приближающейся опасности. Я прицепил клетку на пояс.

Скорее всего, жнец. Папа корчился так только от него. Жнец. Бежать.

Я попробовал побежать. Левую ногу немедленно свело судорогой. Бежать я мог, но не очень быстро.

И не очень долго.

Окрестности. Деревья. На дереве от жнеца не спрятаться, он любое дерево подточит. Фонарь. С мрецом. Глупо, фонарь он за пять минут срежет. Развалины. Забраться на развалины. Повыше. Конечно...

И тут мне придумалось дикое. Не фонарь, не развалины. Падь.

Надо вернуться на падь. Посмотрим, как будет себя вести жнец. Есть у него мозги или нет.

Я захромал к пади. Недалеко, метров триста. Бесславно опираясь на ствол карабина,

оглядываясь и распространяя сунсово-чесночную вонь, кому-кому, а жнецу наверняка на все эти запахи плевать.

Успел. Падь вынырнула неожиданно, почти как в первый раз, точно в засаде сидела, совсем как живое существо. Вообще-то не близко, как эта Алиса меня дотащила? Да еще через эту разруху? Сильная...

Голем там так и стоял. Присосавшись ко льду. С вывороченным желудком. На спине у него сидели здоровенные птицы красноватого цвета, перекусывали. Мое появление их не очень смутило, обед продолжили.

Падь блестела. Призывно, как некоторые озерки у нас на севере. Блестит-блестит, а подступишься — сразу коркодил оприходуется. А раньше, Гомер говорил, никаких коркодилов особых не было. То есть совсем давно водились, а когда человечество вступило в силу, то нет уже. А теперь снова развелись. С севера лезут, с Онеги, с Волхова, там у них гнездовища.

Я осторожно приблизился к берегу. На сам лед я ступать не спешил, вот что намеревался сделать — дожждаться, с какой стороны покажется жнец — и попробовать заманить его в центр пади. Пусть там побарахтается.

Я слушал. После давешней стрельбы в ушах немножечко свистело, но я набрал воздуха, задержал дыхание и восстановил слух.

Железный шелест. Кошмар любого живого существа. Жнецы, кстати, и мречь истребляют, только она страха за отсутствием души не знает.

Показался. Выкатился на гору перемолотого кирпича, заметил меня, направился равномерной уверенной поступью. Между нами лежало зеркало.

— Сюда! — крикнул я. — Давай сюда!

Но жнец оказался не дураком. Через падь он ко мне не пошел, остановился возле края, секунду размышлял, двинулся в обход.

Положение ухудшилось. Нормального прохода вокруг катка не было, камни, железки, кусты. Жнецу, конечно, неудобно, скорость особую не разовьешь. Но он железный. А вот я...

На больной ноге вокруг всех этих коряг не проскачешь.

Но скакать пришлось.

Жнец отставал от меня на полкруга, я старался это расстояние поддерживать. И считал. Через десять минут я сбросил спальник и рюкзак. Стало полегче, и я смог продержаться еще десять, хотя расстояние между нами уменьшилось.

Еще через три минуты я оставил карабин, против жнецов он был совершенно бесполезен.

Сброс карабина позволил мне даже отыграть минуты три, наверное. Я понимал, что жнец меня рано или поздно, конечно же, догонит. Когда между нами останется метров двадцать, я прыгну в падь. А потом посмотрим. А пока я сжимал зубы и хромал. Через боль, через вспухающие сухожилия. Считал. Оставалось недолго.

Недолго... И положение ухудшилось снова. Из кустов вывалился другой жнец. Точно такой же, как первый, только зеленым соком перемазанный.

Никогда двух сразу не видел...

Один за спиной, другой передо мной.

В голове зазвенела дурацкая мысль — как они делить-то будут? Если оба настроились уже...

У жнецов таких мыслей не возникало, оба уверенно продвигались ко мне. Тут уже размышлять было некогда, я осторожно ступил на лед и оттолкнулся. Несильно, чтобы не уехать к центру.

Жнецы встретились. Мне бы очень хотелось, чтобы они встретились и начали истреблять друг друга. Чтобы в разные стороны полетели железные клочья, чтобы поганая их черная — наверное, что черная — кровь расплескалась по сторонам. Но чудес не бывает, я, во всяком случае, не видел ни одного.

Они остановились. В нескольких метрах друг от друга. Не прекращая всего этого

смертоносного вращения железа. Затем повернулись в мою сторону. Ступать на лед они явно не собирались, но тут земля под зеленым жнецом поползла, осела, он подвернулся и грохнулся на зеркало.

Я крикнул.

Это выглядело смешно — жнец старался подняться, у него не получалось.

Очень быстро выяснилось, что радовался я совершенно рано — жнец бил по сторонам своими секирами, размахивал конечностями. При этом он медленно сползал ко мне. Я же застрял почти в центре пади и выбраться из нее не мог никак.

Второй жнец остановился, замер на камнях, смотрел на нас. Не знаю, может ли он там смотреть, наверное, чем-то может. Думал.

Перемазанный зеленым соком приближался. Между мной и жнецом оказался голем. Жнец сползал, два поганца встретились, голем со своим шаловливым желудком распространился в мелкорубленные удобрения, некоторые вполне мерзкие куски попали на меня.

До жнеца было совсем уже близко, и что делать, я не знал. Разрезать одежду на полоски, сплести из них веревку и привязать ее к топору времени уже не оставалось. Да вообще времени не оставалось — минуты через три жнец сползет ко мне окончательно.

И опять я не испугался. Не знаю почему, не испугался. Тропарь решил прочитать. Напоследок. Тропарь Победы, он мне сильнее нравится. Особенно где погань, раздавленная сияющим железным сапогом Света, отступает в панике и захлебывается собственными испражнениями.

Начал читать про себя, затем разошелся и пустился выкрикивать, обращаясь к жнецу и всей погани, своими смрадными дыхалами ухудшающим качества нашей атмосферы. Да, я не пугался, но в смерть почему-то в этот раз верил. И ее близость не добавляла мне хорошего настроения, поскольку я волновался, что не успел еще заслужить себе место в Облачном Полку, и из-за этого меня отправят в какой-нибудь второстепенный гарнизон, где дожидались своего часа праведники второй категории.

Жнец разрубил прилепившегося ко льду голема, последними в разные стороны полетели конечности.

Оставалось совсем ничего, и я уже думал перехватить покрепче топор и встретить жнеца достойно, погибнуть в бою.

Но произошло непонятное. Что-то вжикнуло, из развалин к жнецу протянулась огненная полоса. Она пробила жнеца насквозь, ударила в лед и срикошетила в кусты. От удивления я едва не выронил топорик.

Жнец на секунду замер, все его смертоносное железо остановилось, лезвия и секиры распластались в разные стороны, он собрался и начал двигаться снова, и тут же его ударило еще одно огненное копье.

На этот раз оно не вылетело с противоположной стороны, а застряло внутри, жнец забился сильнее и тут же взорвался. Превратился в круглый огненный шар, в разные стороны брызнула сталь, ножи, и оранжевая плесень, и огонь, густой, прилипчивый.

Второй жнец не успел отступить, в него тоже ударила пылающая стрела. Этот взорвался сразу. Точно так же, как первый, громко, рассыпав искры и разметав железо.

Четвертый выстрел ударил между руинами.

Все.

Из зарослей напротив выбралась Алиса. Ее игрушечное оружие дымилось, сама Алиса выглядела вполне довольно.

Спасла меня второй раз. Здорово. Нет, в этом месте все наоборот происходит. Это я должен ее спасать, а не она меня. Ладно, освоюсь.

— Нет, я все-таки не понимаю, ты псих или из Рыбинска приехал?

Я промолчал.

— И то и другое, — заключила она. — Все понятно. Первый раз тебя не убедил, и ты решил попробовать еще разочек. Ну как?

— Об косяк, — ответил я.

— Да еще и злой. А что ты там кричал, а? Кто там должен в собственных какашках захлебнуться?

Слышала, как я читал тропарь. И теперь надсмехается.

— Кто должен — тот захлебнется, — заверил я. — Ты сомневаешься?

— А ты удачливый, — не ответила Алиса. — Сразу трех рубцов подманил. Я их давно уже не видела, они забавные.

Забавные? Жнецы забавные?

— Знаешь, я люблю по ним пострелять, только в последнее время они редко встречаются, истребили всех.

Понятно. Они тут на них ради развлечения охотятся, а жнецы не дураки, я убедился, они в нашу сторону все переправляются. Им через этот их МКАД перебраться ничего не стоит.

— Ну что? — задорно спросила Алиса. — Будешь там сидеть или ко мне все-таки?

— Все-таки, — сказал я.

— То-то. Иди ко мне, глупый Калич, и будешь жив, сыт и здоров.

Я не стал с ней спорить. Усталость чувствовал. Алиса кинула мне веревку, я уцепился, и Алиса легко вытащила меня на берег.

— Отлично выглядишь, — она бродила вокруг меня, трогала пальцем. — Весь в навозе. Хотя тебе, наверное, не привыкать... Слушай, там я третьего прожгла, он, кажется, не взорвался. Посмотри. Вон там.

Под обрушенной стеной лежал жнец. Распоротый на две половинки, я успел заметить, что внутренности у него черные, как полагается у погани. С выющимися серебряными нитями, с красными сгустками и с гроздьями чего-то бледного и на вид живого.

— Нож у тебя есть? — спросила Алиса.

— Нет уже, сломал.

— Радуйся, Калич, теперь у тебя будет лучший нож во всем мире. Надо секиру подобрать. Давай, иди.

Вблизи жнец выглядел тоже не очень. Ободранно.

Меня затошнило. Давно не ел, к тому же я прекрасно помнил, что случилось с Гомером. Не люблю поганных жнецов.

— Ладно, вали отсюда, — Алиса схватила меня за шиворот, отшвырнула от жнеца. — Я сама.

Она сняла с пояса длинный, чуть загнутый нож и принялась ковыряться в обломках-останках, разбрасывая куски и железки по сторонам, рассуждая о моем, в основном безрадостном, будущем. Что тут все не так, в сто сорок раз опаснее, некогда карасей разжевывать, в оба надо смотреть — иначе раз — и ку-ку, даже кляксы не останется. Что даже опытные люди то и дело гибнут, потому что все постоянно меняется, сегодня проход свободен, а завтра в нем тридцать три затяга. Что нечего мне было, бестолковому, сюда и соваться, а если уж сунулся, то имей мозги слушаться опытных товарищей... Ну, и так далее.

Иногда, между этими причитаниями Алиса поглядывала на меня. Сначала я думал, что просто так, потом уловил интерес. Что-то нужно. Недаром она вернулась.

И я решил сделать первый шаг. Пусть думает, что я чувствую себя обязанным.

— Может, ты меня тогда и проводишь? — спросил я.

— Ага, — фыркнула Алиса, — сейчас! Распровожаюсь вся! Делать мне больше нечего, всяких там Каличей провожать...

Я вздохнул. Алиса быстренько моргнула в мою сторону.

— У меня есть порох, — растерянно сказал я.

— Жуй свой порох, никому он здесь не нужен...

Я шмыгнул носом, поглядел на Папу.

— Вшига твоя тоже не нужна, — предупредила Алиса. — Совсем-совсем.

Сделала вид, что задумалась.

Сделал вид, что расстроен.

— Ну, ладно, — брезгливо поморщилась Алиса. — Так и быть, я тебе помогу. Древние говорили, что если угораздило тебя спасти чью-нибудь никчемную жизнь, то и дальше тебе придется с ним возиться. Ладно. Только куда тебе? В какое-то определенное место, или просто заглянул, погулять?

— Да я не знаю куда...

— Зачем пришел-то?

— За невестами.

Алиса замерла с открытым ртом.

А потом принялась смеяться.

Глава 8

Улица Уткина

— Так каких тебе, говоришь, невест требуется?

Мне бы хоть каких, хотел сказать я. Можно даже не совсем первого сорта. Можно одну — с чего это я вдруг об остальных заботиться должен? Они трусили и не пошли с нами, а Ной вообще, предал меня почти. Себе невесту найду — и в леса. Будем жить-поживать, заслужил. Пусть не очень красивую, все равно.

Я осторожно взглянул на Алису. Ничего. Даже очень. И стреляет здорово. Хотя у такой, наверное, уже жених есть, не один даже, а она выбирает.

— Какие? — повторила Алиса.

— Хорошие. Умные. Чтобы без оспы, зубы нормальные, не чесались чтобы. Стреляли бы метко...

— Ну, тогда я подойду, — подмигнула Алиса.

— Не, ты не подойдешь.

— Почему это? — Алиса вперед забежала. — Почему это я не подойду?

— Болтаешь много.

Алиса хмыкнула.

— Ну да, много.

— А тебе что, глухонемая нужна? Сразу скажу — у нас таких нет. Ирина, к примеру, тоже болтает. Но зато пироги печь умеет. Ты пироги хоть раз в жизни пробовал? Нет, можешь и не отвечать. Так что тебе с болтовней придется смириться. К тому же ты тоже не без недостатков.

— Это каких? — спросил я с улыбкой.

— Да у тебя их не сосчитать! Вот смотри, — Алиса принялась загибать пальцы. — Ты тупой — иначе в падь не попался бы. Ты очень тупой — иначе ты из пади бы выбрался. Ты воняешь — с тобой даже стоять близко тяжело. Ты уродливый, смотреть неприятно. И вообще — ты рыбец, этим все сказано. Она девушка, которая пироги умеет печь, а ты рыбец! Видишь!

Алиса показала сжатый кулак.

— И не поглядывай, — Алиса сплюнула. — Не про тебя, вонючего.

Я промолчал.

— И молчать так не надо! — тут же разозлилась Алиса. — Тоже мне, молчун нашелся. Давай, шагай.

Я шагал. Алиса рассуждала.

— Я вообще очень сильно сомневаюсь, что все это получится. Мне кажется, мы зря идем. Хотя мне все равно по пути, провожу тебя, так и быть. А ты зря рассчитываешь, что у тебя получится невесту на порох поменять. Не, порох у нас не в цене...

— А что в цене?

Алиса пожала плечами.

— Не знаю. Это Москва, тут все есть. Так что придется тебе как-то отработать.

Отработать. Я был готов и отработать. Если Алиса не врет и у них там на самом деле восемь девушек на выданье, то я готов отработать. Это легко. Год. Или два.

— Отработать, — кивала Алиса. — Туннели расчищать, канализацию дренажить, да мало ли? Ты, рыбец, в канализацию, наверное, здорово ныряешь, привяжут к ноге веревку и в трубу, а ты расчищай, расчищай... Или тебя на Запад пошлют, у нас многие туда ходят.

Алиса улыбнулась.

— Многие ходят, немногие возвращаются. И не в полной комплектации, кто без руки, кто без ноги. Ничего, мы им потом работу всегда находим, мы же не дикие, не Рыбинск...

Меня все эти рассказы не очень пугали. Врет Алиса. Ну, про канализацию. Хотя даже если и канализация, я работы не боюсь. Отработаю.

— Но это ты не со мной договариваться будешь уже, мое дело препроводить.

— Далеко?

— Сколько нужно, — огрызнулась Алиса. — И вообще... Кажется, уже...

Я проследил за взглядом Алисы, прочитал:

— Улица Уткина. И кто такой Уткин?

— Уткин — это Уткин, — ответила Алиса. — Герой, наверное.

— Герой?

— Ага. А ты что думаешь, в честь кого попало улицы называют? Нет, Калич, нет. Вот твоим именем никогда не назовут не то что улицу, но и переулок. Хотя это неплохо бы звучало — Переулок Калича. Или еще лучше — Тупик Калича. Но не рассчитывай.

— Твоим именем тоже ничего не назовут, — сказал я. — Разве что помойку. Помойка имени Алисы.

— Моим именем уже куча всего названа. Вот смотри.

Алиса извлекла из своего костюма книжечку. Изрядно обугленную, и без страниц. В книгах я почти не разбираюсь, у Гомера несколько штук было, и, кажется, он их даже читал. И нас учил читать, читать я выучился, но к самому чтению страсти не испытывал.

На книжке было написано «Алиса в Зазеркалье».

— И что? — спросил я. — В каком это ты Зазеркалье была?

— Это не я, рыбец, это моя бабушка. Ее тоже Алисой звали. А в том Зазеркалье все было гораздо хуже, чем в этом. Вот почитай...

Я почитал немного. Там были какие-то королевы, шалтай-болтай и единороги, одним словом, довольно мрачная книжка и в стихах написано, как тропари.

— Той Алисе все приснилось, пока падало яблоко, — сказал я. — А тебе что, тоже снится?

— А может, и снится. Я сплю, а кругом такие, как ты. Проснуться собираюсь, всю руку себе уже исщипала, а не могу. А вы все смотрите, смотрите...

— Далеко нам еще? До подземелий твоих?

— Сколько надо.

Идти по улице Уткина было не очень приятно. Много машин, видимо, жители улицы Уткина пробовали сбежать, и я отметил, что сбежать они пытались в восточную сторону. То есть они удирали из этой самой Москвы, но не удрали, возник затор, и они все застряли и исчезли. Никаких скелетов.

— Проходимы только широкие улицы, — рассказывала Алиса. — Дома тут строили кое-как, друг на друге, и все разные, и старые, и новые. Потом как началось... То Вода, то Трясь, то вымораживает... Все рассыпалось. Чуть свернешь — заблудишься. Или нарвешься на кого. А по улицам еще можно. Ну, и парки еще, площади. По рекам еще ходят.

— По рекам? — не понял я.

— Ага. Реки высохли... то есть вытекли. Так что можно. Только если в полдень, в остальное время тяжеловато. Да и то... Короче, где хочешь, тут не побродишь. В ту сторону...

Алиса указала пальцем.

— В ту только до Третьего Кольца. За ним Граница, туда вообще лучше не соваться. Но

туда тебя пошлют. Слушай, я не поняла толком — зачем вы сюда шли? Вам что, в Рыбинске плохо? Неужто на самом деле за подружками? Да не, у вас просто рыбы в этом году мало. Икра засохла, нерест не удался. Зачем тебе, хромому, подружка?

Кстати, о хромом. Нога у меня почти не болела, наоборот, я ощущал в подвернутой ступне приятную упругость, которая обычно наступает перед самым выздоровлением. Быстро что-то...

— И потом, у тебя уже есть подружка, вон она, зовут Барсик.

Я не удержался, взглянул на Алису сурово.

— Ладно-ладно, не сердись, извини, рыбоежка. Знаю, вы там у себя камни гложите, а нас ненавидите, старая песня, — трещала Алиса. — Кошек мучаете, вы известные кошачьи издеватели. Знаешь, у нас был один псих, он как раз любил кошек мучить, представь себе — в Рыбинск уехал...

Алиса замолчала и напряглась. Я взглянул на Папу. Спокойно сидел.

— Что?

— Показалось. Тут мостик, нам на ту сторону, рядом.

Поперек улицы шла трещина. Асфальт был разорван провалом метров в семь шириной, я думал, что увижу внизу бушующее адское пламя, ну или серу какую, но там ничего не было. Только туман. И воняло чем-то гнилым. Все равно на всякий случай туда плюнул.

Мостик. Через провал перекидывался мостик из двух ферм, между ними лежали доски, потрескавшиеся от солнца, разбухшие от влаги, проточенные короедом.

— Земля расходится, — Алиса кивнула на провал.

— Ясное дело, — согласился я.

— Чего тебе ясно?

— Что земля трещит. Это же понятно.

Алиса слегка подбоченилась.

— Что тебе понятно?

— Грешников здесь много, — сказал я. — Падших. Вот земля и не выдерживает их тяжесть. Земля, она не для грешников делалась, а они расплодились.

Алиса постучала по лбу пальцем. Думает, что я темный человек с севера.

— Дрянь всякая расплодилась, вылезла неизвестно откуда. Но мы это исправим...

— Кто это мы? — тут же прицепилась ко мне Алиса.

— Люди.

— Ну, конечно, люди... Кто бы сомневался. Знаешь, Калич, людей с каждым годом все меньше и меньше, а тварей все больше и больше. Это они все исправят.

— Нет.

— Сколько вас в прошлом году было? — спросила Алиса строго.

— Двести.

— А сейчас?

Я промолчал.

— Вот видишь. Да кого ты можешь истребить из своей фыркалки? Зайца? Ящерицу? То-то и оно. Давай, вперед.

Мы перебрались через яму. Неприятно. Доски скрипели, провалиться мне вовсе не хотелось, рано еще.

— Тут нельзя торопиться, — болтала Алиса, — тут надо потихоньку. Думать головой. Поскольку тут много чего есть. Неожиданного. Идешь, казалось, все спокойно — и вдруг — бамц! Кирпич на голову. И все. Вот тут к нам как-то раз один из Рыбинска пожаловал...

И чего она к этому Рыбинску прицепилась? Я в нем и не был никогда. Если у меня в рюкзаке караси, то что, я из Рыбинска обязательно?

— ...Одна нога здесь, а другая там, — говорила Алиса. — А туловища вообще никакого. И головы. А все от неосторожности. Ах ты...

Она толкнула меня в сторону. Я довольно неуклюже свалился в камни, попал в пустое жестяное ведро, оно брякнуло.

— Что?!

Но Алиса схватила меня за руку, заволокла в дом. Забежали на второй уровень, сели на пол. Я не успел ничего заметить, что или кто, или как там вообще.

— Кто там? — спросил я. — Погань?

— Ага... Хуже. Бомберы.

— Рейдеры?

— Бомберы. А ты не мог не греметь этой посудиной?! Они и услышать могли.

— А ты не могла осторожнее дергать?!

— Не могла! — буркнула Алиса и принялась возиться со своим оружием.

Я проверил карабин. Осторожно выглянул в дыру — стены были почему-то дырчатые. Никого. Ясно видел мост, тропинку, виляющую между машинами и стенами домов, вообще улица Уткина была как на ладони. Никакого движения. Замерло все.

— С чего ты решила, что кто-то тут есть? — спросил я.

— Чую гадов, — отозвалась Алиса. — Вот просто чую. Они как-то меня поймали, хотели ноги отрезать...

— Зачем?! — поразился я.

— Они всегда так делают. Если человека поймают, ноги ему сначала отрезают. А потом к стене приколачивают. Считают, что без ног ты не сможешь добраться до бомбы.

— До какой еще бомбы?

— А, есть одна легенда... Потом расскажу.

Я залег возле дыры, наблюдал. Никого.

— Может, ошиблась? — спросил я у Алисы.

— Не, — помотала она головой. — Я на людей редко ошибаюсь.

Только если они специально прячутся. А этих чую за двадцать километров. Вона, гляди...

Показались люди. Алиса была права. Вдалеке множественная движуха. Отряд. Приближался.

— Мне кажется, они нас не заметили, — сказал я.

— Может...

— Ты сиди, я посмотрю.

Я зарядил жакан. На втором балконы, заметил еще с улицы. Аккуратно так выполз, выставил ствол между железными прутьями.

По улице Уткина шагал отряд. Довольно многочисленный, человек десять. Я такого количественного не видел никогда, обычно больше шести не собирается никто. А здесь... Вооружены. Винтовки, копья. Еще...

У каждого на поясе или за спиной висели головы. Разных поганых тварей. Мрецов, кикимор, еще там, тошнотворное зрелище. У некоторых не по одной голове, висят вокруг пояса.

Цепочкой шагали.

Не понравились мне эти бомберы. Все это было бы хорошо, почти истребительный отряд — много тварей перебили, видно. Охотники вроде как...

Но потом я увидел их вожака. Вожак не шагал первым. В голове отряда пер здоровенный мужик, вооруженный спаренными штурмовыми винтовками и устрашающим шипастым топором. Вожак шел третьим. Я отличил его по...

Сначала глазам не поверил — думал, что не человечески все-таки. Мрецы думал или другое что. Но в глаз разглядел. Головы. Две. Свежие, привязанные к поясу.

Так не должно быть. Иногда человек убивает человека. В целях самообороны. Хороший плохого. И то не хорошо, не правильно. А здесь...

Убивать человека, чтобы привесить к поясу его голову... Даже если это нехороший человек.

— Тише сидим, — прошептала Алиса. — Не заметят, глядишь.

Собаки. Крепкие псы, примерно такие же, с которыми я на крыше повстречался. Псы

— это опасно. Вынюхают меня, затем Папу вынюхают, да и убежать трудно — пустят по следу. Четыре штуки.

— Они вроде как на западе живут, — рассказывала негромко Алиса. — Сюда редко заглядывают. Так что тебе повезло, сначала жнецы, потом бомберы. Везучий ты, рыбец.

— Это точно.

Везучий. Сходил за невестушкой. Что ни день, то убить собираются. А иногда еще пару раз на дню. Дома вон как хорошо, спокойно. Раз в неделю тебя стараются убить, да и то какая-нибудь мелочь вроде мреца козорогого. А тут...

Темп жизни совсем иной, вряд ли тут кто до сорока дотягивает.

Банда бомберов стала переходить через мост. Сначала могучий наперевес с топором — проверял крепость настила. За ним двое каких-то украшенных перьями негодяев, четвертым двинулся вожак.

Пуля попала ему в голову — бамц.

Как-то я даже подумать толком не успел, палец сам надавил на крючок, такое иногда бывает, не успел подумать, а уже стрельнул, праведный палец, ничего не поделаешь.

Вожак взмахнул руками и полетел вниз. Без крика, как безвольная резиновая кукла. Прямо в пасть дьявола. На вечные муки вообще.

— Ты что! — Алиса схватила меня за ногу, вытащила с балкона. — Ты что творишь?!

Тихо. Даже псы не лаяли. Они уже всю должны были орать, завывать, рваться с поводков.

Тишина.

И выстрелов нет. Я думал, сейчас на нас должен обрушиться злобный свинцовый ураган, но этого не произошло.

Настоящие убийцы, значит. Скорее всего, залегли и ищут, откуда стреляли.

— Я тебя убью! — прошипела Алиса. — Идиот!

Я перезаряжал карабин.

— Стрельни пару раз, — я кивнул вниз. — Для остротки.

— Придурок! Я не могу в закрытом помещении стрелять!

— Ладно, тогда я.

Я высунулся. Так и есть. Банда залегла между машинами. Не шевелились. На виду лишь псы, нюхают воздух.

Выстрел.

Пса подбросило, в воздухе повисла кровавая радуга. Много я здесь стреляю, никакого пороха не хватит...

Я тут же упал. В балкон ударил залп, полетели куски бетона, завжикали пули.

— Уходим!

Алиса поволокла меня прочь из комнаты.

— Бегом! Туда! Давай!

Алиса еще что-то кричала, в панике скатываясь по лестнице. По-моему, она этими воплями бомберов только привлекала.

Мы вывалились во двор. Правильно Алиса говорила, свободно можно только по улицам ходить. Здесь мешанина из тяжелых блоков, точно кто-то построил из бетонных карт домик, а потом неудачно его обвалил.

Алиса нырнула в щель, я за ней, тут же бетон стали грызть пули. Заряды тут, видимо, не экономили, стреляли щедро и бестолково. Гомер всегда учил — один выстрел — один труп. Все, что не так, — плохая стрельба. Эти по нам выпустили не меньше сотни, и не попали. Широко живут. Надо спросить у Алисы, где столько пороха для патронов берут.

Алиса уверенно пробиралась по бетонному лабиринту. Виляла, поворачивала, перепрыгивала, подтягивалась и подныривала, я еле за ней успевал. Дорогу она, наверное, знала. В противном случае у нее так бы ловко не получалось. А может, инстинкт. У некоторых такие мощные инстинкты, что они каждый свой следующий шаг знают. В тупик мы, во всяком случае, не разу не уткнулись.

Лабиринт открывался выходом в поляну, заросшую невысокой, наверное, по колено травой. Я сунулся было в эту траву, но Алиса остановила и двинулась первой. Почти сразу стали попадаться заточенные из арматуры колья. В рост травы, невысокие, издали совсем не различимые, много. На кольях лежала широкая и толстая доска, Алиса запрыгнула на нее и перебежала лужайку. Я перешел. Доска хоть и широкая, но наткнуться на заточенную арматуру мне совсем не улыбалось.

— Скорее ты! — подгоняла Алиса. — Еле шевелишься! Давай, рыбец, поторапливайся!

Мы укрылись за бурой машиной. Алиса пошарила внутри корпуса, вытянула толстый металлический трос с рукояткой. Из лабиринта показался бомбер. Я собирался стрельнуть, Алиса поймала меня за руку.

Бомбер огляделся, заметил наши следы, двинул в траву. К нему присоединились еще двое.

Нашли доску, поперли. Теперь я понял. Идея была неплоха. Очень.

Когда бомберы добрались до середины доски, Алиса дернула.

Гигант зарычал, размахнулся и швырнул в нашу сторону топор. Не попал. Тогда поднял еще и свои винтовки. Но выстрелить уже не успел, свалился лицом в землю, загорелся.

— Поджарила, — с удовольствием сказала Алиса. — В расчете теперь. Они ноги мне отрезать собирались, я тебе говорила?

— Да.

— Будут знать... — Алиса плюнула в сторону мертвых. — Оружие бы взять... Пистолеты...

— А вдруг он притворяется? — спросил я.

— Кто? Этот чудовищнец? Нет, вряд ли. С дырками не побегаешь.

— Все бывает...

Из лабиринта показались собаки. Три оставшиеся. Сразу вокруг штырей побежали. Широкими такими шагами, с хаканьем.

Три пса, и прямо на нас. Метров пятьдесят оставалось, я понимал, что перезарядиться не успею, спрятал карабин за плечо, схватил секиру от жнеца. Неплохая штука, твердая и острая, я остроту чувствую прекрасно, острота звенит.

Эта секира звенела, почти пела, я поднялся навстречу собакам, стараясь следить, чтобы из бетонного лабиринта не вылезли оставшиеся бомберы.

Собаки приближались. В три удара. Надо было разобраться с ними в три удара, не тянуть, раз, два, три.

Псы ускорились. Один прыгнет, двое попытаются вцепиться в ноги. Сейчас...

Но псы не кинулись. Они будто воткнулись в прозрачную невидимую стену, завязли, поджали обрубки хвостов, заюлили и начали пятиться. Я оглянулся, испугался, что за спиной какая-нибудь совсем уж страшная пакость вылезла, но никого. Пряталась за машиной Алиса, дальше горы проросшего лебедой мусора, тоже с виду не опасные, ничего.

Трусливые какие-то псы...

— Сюда иди! — позвала Алиса.

Я вернулся в ложбинку.

Послышался рев. Оставшиеся в живых бомберы проклинали нас громким страшным криком. Псы тоже лаяли, но как-то не очень уверенно, с сомнением в голосе.

Алиса выглядела довольной. Ухмылялась.

— Псы испугались чего-то... — я кивнул на мусор. — Может...

— Да это ты их перепугал, — хохотнула она. — От тебя воняет, как от... Не знаю. Воняет так, что глаза слезятся. А собаки очень чувствительны. Удивительно, что они по следу вообще пошли.

— А бомберы?

Вряд ли они станут нас догонять. Я бы не стал. Вожака нет, великана нет, отряд разгромлен. При наличии хоть капли разума следует отступать. Они и отступили.

Поорали еще, постреляли и все.

— Я же говорила, — сказала Алиса. — Не полезут, не дураки. Можем уходить. Я тут знаю одну тропинку...

Тропинка оказалась вовсе не тропинкой, а узким проходом между двумя уцелевшими наполовину зданиями. Я бы не полез. Но здесь Алиса не опасалась засады, шагала уверенно, только головой вертела. Я предположил, что тут тоже есть ловушки и маячки, Алиса сверялась с ними и определяла, что путь безопасен.

Блуждали долго. Некоторое время я пытался запомнить дорогу, считал повороты, но скоро сбился и старался следить лишь за солнцем, я даже не понял, что мы пришли.

Здание походило на... Да ни на что не походило. Все дома, и здесь и у нас, они все похожи, ну вот как гильзы. Одни потолще, другие повыше и подлиннее, стекла почти везде выбиты. Гомер говорил, что раньше все дома строились разными, и по форме, и по цвету, но время все подравнило. И теперь все дома одинаковые, ободранные, как кролики.

Мы пролезли в узкую щель в стене, поднялись на третий уровень. Коридор, жилища, ничего необычного. Откуда-то Алиса достала ключ, открыла железную дверь.

Жилище. Наверное, они так и должны были выглядеть. Раньше. Коврик, стульчик, кровать. Другая мебель сохранилась. Стулья и даже штука, в которой можно было сидеть развалившись и при этом покачиваться, — кресло с круглыми ножками. Алиса тут же уселась в это кресло и принялась покачиваться. Оружие и рюкзак с поясом сбросила в угол, взяла на руки игрушечную резиновую тварь, похожую на вставшую на дыбы ящерицу и на кенгу одновременно, стала ее жулькать, тварь верещала.

В другом углу я обнаружил такой же покачиватель.

— Садись, — разрешила Алиса. — Чего уж...

Я сел и оттолкнулся. Кресло принялось медленно двигаться, совсем как живое.

Алиса поглаживала резиновое чудовище, я продолжал разглядывать помещение. Больше всего в комнате было игрушек. Разных, по виду некоторых даже сказать было сложно, что это игрушки. Например, машинки. Маленькие, но совершенно как настоящие. Лучше. Блестящие, с колесами и со стеклами, настоящих сейчас таких и не встретишь, а эти сохранились. Или самолеты. Все белые, с широкими и длинными крыльями. Когда-то они по небу летали, а теперь вот к потолку подвешены, поворачиваются медленно в воздухе. Корабли. Танки. Другие машины на гусеницах, с ковшами, чтобы не ломать, чтобы строить.

Зверушки разные, их больше всего. Мишки, собачки, котеночки. Рыбы синие, было две большие рыбы, с острым клювом и плоским плавником. Редкие животные, слоны, я таких и не видал даже вживую. Волк один. Не волкер, а обычный вполне волк, серого цвета. Улыбается, и глаза такие веселые.

И погани никакой. Только настоящие живые животные. То есть неживые уже почти, они мало где сейчас сохранились, те же кошки, в дикой природе их уже почти и нет.

— Зачем так много игрушек? — спросил я.

— Не знаю, — зевнула Алиса. — В последнее время я их почему-то собираю... Тебе не нравятся игрушки?

Я пожал плечами. Я игрушками не играл, точно помню. Настоящими. У меня была гремелка, сделанная из просверленных гильз, и я ею гремел. У меня была свистелка, выточенная из стреляной гильзы, и я в нее свистел. Вот и все игрушки.

В голову мне вдруг пришла мысль интересная. Что вот это, наверное, правильно все. Надо сохранять и собирать. Сохранять — чтобы потом, когда все это закончится, люди посмотрели и поучились, как правильно надо жить. Спать в койке, есть за столом и при встрече не стрелять, а спрашивать: как живешь? Собирать тоже надо. Вот игрушки. Их же не осталось почти, никто внимания не обращал, жизнь спасали. А их, наверное, вот так собирать надо. Игрушки, посуду, инструменты.

— Я люблю игрушки, — Алиса прижалась к резиновой ящерице. — А ты чего любишь?

Я растерялся. Чего я люблю... Карабин, наверное. Но это не то, конечно. Надо что-то большее любить.

— А, забыла, — зевнула Алиса. — Ты же рыбец. Ты рыбу любишь. И кот твой рыбу любит, вы все там рыбу любите. Сидите, рыбу жуete и жуete, а потом зубы у вас у всех выпадают. А еще невесту ему подавай...

Я терпеливо промолчал.

— Я тебя научу, что надо любить, — Алиса вытряхнулась из раскачивалки, подошла к стене. — Смотри.

На стене висело что-то большое, два на два метра, занавешенное зеленой тряпкой. Алиса дернула за веревку, тряпка отъехала.

— Это что нарисовано? — спросил я.

У нас был один парень, Трофим...

Но это, конечно, выглядело в сто раз лучше.

Город. Нарисовано как бы сверху, с высоты. Дома. Высокие, блестящие, наполненные воздухом и высотой. Маленькие дома, старинные вроде как, с красными крышами и колоннами. Башни легкие и прекрасные, висячие сады. Мосты над реками, зелень, разливающаяся по берегам, облака — таких красивых я и не видел никогда. Толстые, надутые белизной. Простор, воздух, по улицам люди нарядные бродят, разноцветные, без оружия, без комбезов. Звери какие-то, в рост человека, с косами длинными. Лошади, кажется. Свободно, легко, хорошо.

Жить хочется.

Не то что у нас. Нет, хотя у нас тоже жить хочется, но лучше бы жить там, а не здесь.

— Ну как? — спросила Алиса.

Я кивнул.

— Ничего ты не понимаешь, Калич. Это конец. Жизнь была такой, а стала такой. Я вообще собирала... Собираю. Ну, как все раньше выглядело. Сейчас ведь не мир, даже не отражение... Пепел. Человек опустился на колени, он ждет последнего удара...

— Не будет такого, — сказал я.

— С чего это?

— С того. Четыре ангела вострубили, и после этого должно случиться...

— Жрать охота, — довольно нагло перебила Алиса. — Сиди тут, ангел чумазый...

Алиса сходила на кухню и притащила еду. Какие-то палочки, упакованные в красные целлофановые обертки. Воду в бутылках.

Палочки были очень сухие, Алиса показала, как их есть — ломать плоскогубцами, затем замачивать в чашках с водой. Я наломал почти полную чашку, палочки скоро разбухли, и их стало можно жевать.

Они оказались вкусными. Сладкими, чуть вязкими, резиновыми и очень сытными — наверное, оттого, что продолжали разбухать внутри. И вода после них оставалась вкусная, тоже сладкая.

— Раньше все так ели, — сказала Алиса. — Все. Это называлось ириска. А еще были бананы, их прямо из Африки присылали. Знаешь, раньше много чего...

— На мед похоже, — сказал я. — Его жарить можно, а потом сушить, получается похоже. Вкусно. Ты здесь живешь?

— Нет. Я же тебе говорила, я в убежище живу, под землей, туда мы идем. Это так, перевалочный пункт. У нас несколько таких, но это лично мой, я сама его завела, никто не знает. Нам отдохнуть надо. Выспаться нормально. Завтра с утра дальше пойдем. Сейчас принесу спальные.

Алиса вышла. Я открыл шкаф. Там тоже оказались игрушки. Мягкие. Уложены плотно, не уложены — забиты, впихивали их сюда, запинывали, наверное, если открыть дверь, то они тут по колено все заполнят. Странное качество — Алиса игрушки любит. Кто в наши дни любит игрушки? Да кто их хотя бы знает? А она вот любит...

Осторожно закрыл шкаф.

Явилась Алиса с двумя полосатыми тюфяками. Внутри сухие листья, ароматные и достаточно мягкие, я думал, Алиса на кровати уляжется, но на кровать Алиса не легла, стала

устраиваться возле стены на матрасе.

Я расположился возле другой стены.

Не очень удобно мне было здесь. Спрятаться бы. Я залез в свой спальник, накрылся этим тюфяком. Спать не хотелось. Вернее, хотелось, но не спалось.

И Алиса не спала, дышала слишком тихо. Я решил спросить:

— Те, кого мы сегодня... Бомбисты...

— Бомберы, — негромко поправила Алиса.

— Бомберы. Ты говорила, что они всех убивают...

— Ты же сам видел. Бомберы. Это банда.

— Секта, — теперь уже я поправил. — Сатанисты. Бандиты — они просто грабят, а сектанты еще Поганому поклоняются. У них же головы припасены...

Алиса махнула рукой. На меня и вообще.

— Может, и секта, кто их знает. Их всегда сто три. Вот мы сегодня шестерых убили, теперь они шестерых захватят и произведут их в бомберы. Их всегда сто три, почему, никто не знает. Они считают, что спасутся только они, Истинно Верующие.

Точно секта, подумал я. Людей к стенам прибивают гвоздями.

— Они спасутся и наследуют мир, — рассказывала Алиса. — А остальные сгинут. И чтобы этот момент приблизить, они ищут бомбу.

— Какую бомбу?

— Сверхбомбу. Ходит слух, что здесь где-то есть база. Секретная, никто даже чуть-чуть не представляет, где эта база. А на ней бомба. Но не простая, а такая, что может все вообще уничтожить.

— Что все?

— Все, — показала руками Алиса. — Город, МКАД, то, что за МКАДом. До вашего Рыбинска долетит. Хотя, может, и не долетит.

Так вот, после взрыва этой бомбы останутся только бомберы. Поэтому они ее и ищут. Бродят туда-сюда, ищут.

— Они что, огнеупорные? Почему это они сами не взорвутся?

Алиса пожала плечами.

— Это они верят, что не взорвутся. А на самом деле взорвутся, конечно. Но они психи, ничего не понимают. Я видела, как в бомберы попадают. Берут они какого-нибудь дурачка, ну вот рыбка вроде тебя. И отваром начинают поить. А от этого самого отвара мозг выгорает. Видел того? С топором? Я ему все кишки вынесла, а он ничего, бежал вперед. Это от травы. А потом им начинает казаться, что они всю жизнь бомбу искали. Это Москва, Калич, Москва...

— Москва... Интересно, а другие такие города остались?

— Мы как-то поймали одного этого бомбера, хотели расспросить, так он язык себе откусил, так кровью и захлебнулся. У них нет ни мозгов, ни вообще... Они не люди почти. Вот сегодня мы убили шестерых, а между прочим...

Мы сегодня успокоили шестерых.

Меня опять затошнило. От нервов. Я человек твердый, и нервы у меня железные, но сегодня... Я встречаюсь со смертью чаще, чем хотелось бы. Сыть вот. Сыть у нас сожрала почти всех. Но она медленная. А тут быстро, много и в клочья. А может, уставать я стал. Что-то много смертей в последнее время. Ну, ничего. Мы все это изменим. И никто умирать не будет. Как раньше, все сделаем. А эти шестеро...

— Это называется геноцид, — сказала Алиса.

Она сидела на лестнице, смотрела перед собой.

— Что? — не расслышал я.

— Геноцид. Когда убиваешь людей — это геноцид. Старое слово.

— А если погань людей убивает? — спросил я.

— Геноцид — он всегда геноцид, — сказала Алиса. — Без разницы кто, главное, что людей. Людей все меньше и меньше...

Она поморщилась.

— Скоро совсем не останется никого.

Я не стал спорить. Я не верил, что скоро совсем никого из людей не останется, такого не случится. Просто это... Испытание. Испытание для всех, кто сумеет, тот выстоит.

— Никого, — повторила Алиса.

Глава 9 Туннель

На стене туннеля белели числа. Семнадцать, одиннадцать, пятьдесят два. Последнее четырнадцать. Алиса приписала «23» и стрелку.

— Можно идти, — сказала она. — Только мазер ты тащи.

Она сунула мне оружие. А мазер оказался не таким уж тяжелым, наоборот, раза в два легче карабина. Был выполнен из легкого материала, удобно устроился под мышкой, одно неприятно было — я помнил, какие дырки он проделывает, опасная штука.

Мы двинулись.

Туннель походил на ребристую полукруглую трубу. Когда-то по стенам этой трубы пролагались тяжелые кабели, сейчас вместо них болтались черные неопрятные ошметки, скорее всего, кабели переплавили на медь и свинец. С потолка свисали бороды паутины, колыхавшиеся как живые. Попадались прилепленные к бетону гнезда летучих мышей и еще какие-то гнезда, похожие на осиные, только сложенные из какого-то блестящего вещества. Алиса запустила в гнездо камнем, и просыпалась мелкая железная пыль.

— Это строка, — пояснила Алиса. — В Рыбинске есть строка?

— Есть. Но мало...

— Да у вас там вообще всего мало. Подземки нет? Нет, конечно, какая там у вас подземка. А я не люблю подземку, — рассказывала Алиса. — Мне тут трудно. Я каждый день на поверхность выхожу, подышать.

— А остальные? — спросил я. — Остальные живут в туннелях? Они...

— Это называется метро, — перебила Алиса.

— Почему? — не понял я.

— Не знаю. Просто называется, и все. Метро. Но только в Верхнем Метро никто не живет. Все в глубоком живут. В Нижнем. Оно там.

Алиса указала пальцем вниз.

— Сначала построили Верхнее Метро, — рассказывала она. — Вот это. На нем просто ездили — туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда. А потом решили построить Нижнее. Оно ниже. Совсем ниже. И мало кто знает, как в него попасть. Там живут. Но не все.

— Зачем еще одно метро? — не понял я.

— Вот уж не знаю. Но оно есть. Только там в туннелях не поезда ходили, а еще одна труба проложена. Даже не труба, а такая толстая проволока. У нас был один дядька — потом его голем сожрал, так он говорил, что этой толстой проволокой от расползания стягивали.

— Что стягивали?

— То ли город, то ли землю вообще. Что-то стягивают. Не знаю, может, правда. В той трубе все время электричество есть, там светло.

— А эти? Ну, големы, слизи? Они туда забираются?

— Редко.

Алиса остановилась, стала балансировать на одной ноге, пояснила:

— Загадала — если до пятисот дошагаю — пятьдесят лет проживу.

Она поймала равновесие и двинулась дальше.

— Им там не нравится. Хотя, конечно, свои есть, другие. В основном вся дрянь в Верхнем обитает. И на земле еще, а в глубину не добираются. Да туда ходы вообще мало кто знает. Ты в карты играешь?

— Нет... Как в карты можно играть?

— А ну да, забыла. Ты же праведник из Рыбинска. Я тебя научу. Как дойдем до Южного порта, там Соня будет, он в карты любитель, в прошлый раз все гайки у меня выиграл...

Все гайки выиграл. В Южном порту. Хорошо живут.

— Я тебя научу как, мы его всего обыграем, без штанов домой отправится.

Алиса бодренько шагала по рельсу, я отметил, что чувство равновесия у нее идеальное, даже руками не размахивает.

— Куда этот туннель ведет? — спросил я.

— Кто его знает... — пожала плечами Алиса. — К Цао, наверное. Все дороги ведут к Цао, так раньше еще говорили.

— Что такое Цао? — спросил я.

— А, так... Говорят, китайцы тут раньше жили. Как Китай Водой накрыло, так их много сюда перебежало. Цао, Вао, Сяо — тут много таких названий. А потом китайское бешенство — раз — и все китайцы озверели. Их много было, ни жнецы, ни строка справиться не могли. Цао — в центре. Там Сердце Тьмы. Да не, туда мы не пойдем, конечно, — успокоила Алиса.

На стене показался столбик цифр, и Алиса опять нарисовала «23» и стрелку. Рядом с цифрой «14» и точно такой же стрелкой.

— Это значит, что мы досюда нормально добрались, — пояснила она. — Двадцать три — это мой номер.

— Не понимаю...

— Рыбец, — вздохнула Алиса. — Ешь рыбу — вот ничего и не соображаешь. Помнишь те числа? Ну, возле лестницы?

Я кивнул.

— И стрелочки. Если стрелочка указывает на число, то значит, человек прошел через туннель и вылез наверх. А если от числа, значит, ушел в туннель. Последним числом было четырнадцать и стрелочка вглубь. Здесь...

Алиса указала на стену.

— Здесь тоже четырнадцать и стрелка, значит, досюда четырнадцатый добрался нормально. Четырнадцатый — это, кажется, Яго.

— Кто?

— Какая разница. Короче, тут все нормально. Шагай, тетенька правильной дорогой двигает.

— Какой?

— Крысоподземной. Кусок хороший срежем и тихо, к тому же. Ты, кстати, каких крыс любишь? Речных или подземных?

— Я жареных, — признался я.

— Ну, ясно, что жареных. Но речные мне больше нравятся, они жирнее. Слышь, Калич...

— Меня зовут Дэв, — поправил я.

— Ну, конечно, о чем я говорила?

Стало темно.

— Электричество кончилось, — Алиса принялась стучать фонарем. — Бывает, однако, бывает... У вас электричество кончается?

— У нас его вообще нет.

Алиса опять хихикнула, я подумал, что она очень веселая.

Она была очень смешливая, эта Алиса. И красивая. Даже через комбинезон-кикимору видно, что красивая, у нас таких нет вообще. Не было. Наверное, оттого, что праведница.

Все-таки она праведница. Все праведницы красивые. Владыка создал людей по образу и подобию своему, и чем человек красивее, тем полнее в нем отражается лик Его. В Алисе отражался. А если человек грешен, ну, или будет грешен — то обязательно на него метка возложится. Вот как на Ноя: он жадина — и все время соплвится.

Фонарь загорелся. Алиса опять перепрыгнула с рельса на рельс.

— У вас ничего вообще нет. А вот на Вышке электричество прямо из воздуха собирают. И воду тоже. А еда у них сама растет, лишайники такие. Внутри Вышки лишайники растут, их собирать можно, сушить, толочь, а потом хлеб из этого печь. Там хорошо — воздуху много. Одно плохо — спускаться тяжело уж больно. Но они и не спускаются, так там и живут безвылазно. И рожают на Вышке и помирают. Там главное повыше местечко себе занять, я почти на самом верху жила. Там пол прозрачный — а? Спишь себе, потом просыпаешься, смотришь вниз, а внизу огоньки бродят. Светляки. Ты знаешь, кто такой светляк?

— Не...

— Рыбинск, мама дорогая... Это от китайцев еще пошло, от китайского бешенства. И заразные все, если тебя укусит — наверняка заразишься. А самое плохое — не перебить никак. Сколько ни бей — все равно прибавляются. И светятся в темноте. Красиво.

— А как ты туда попала? На Вышку?

— Как-как, так.

Алиса почесалась.

— В хлябь вляпалась спросонья. По пояс. Полдня сидела, от рубцов отстреливалась. А потом заряды кончились, думала, все уже, замесят в фарш. Выручили. Пришлось лишайники полгода разводить в качестве благодарности. Это я тебя безвозмездно спасла, а вышкарить никого просто так спасать не будут, не та порода.

Свет опять погас.

Алиса снова принялась греметь фонарем, ругаться и разговаривать громко, громче, чем нужно, наверное.

Бойтся, подумал я. Она тоже боится. И это нормально. Кто не боится, тот долго не живет. Я тоже боюсь. Вот сейчас, например. Темно. И тьма эта совершенная и глухая, как стужа в високосную зиму. Воздух колыхнется. Точно там, впереди, есть что-то живое. И большое. И жадное.

— Пальцы кончились, кажется, — сообщила Алиса. — Сейчас поменяю... Все портится. Вот раньше пальцы были — на неделю хватало, а сейчас чуть-чуть погорят — и все...

Надо мной смеется, подумал я. А у самой ничего не работает.

Я сел на рельс. Неожиданно теплый, похожий на большую толстую змею. Достал огниво, достал пропитку. Чиркнул. Букет искр, пропитка вспыхнула, осветила пространство туннеля.

Алиса что-то делала с фонарем. В полумгле походила на странное существо, состоящее из углов, палочек и небольших искр. Лицо ее светилось добрым светом.

Я сделал несколько шагов. Чуть впереди, на самой границе освещенного круга, на стене было что-то написано. Я сощурился.

— Что это? — Я указал пропиткой на надпись. — Ре... Регись...

— Ась! — Алиса подскочила ко мне, дунула на огонь. Пропитка погасла, Алиса схватила меня за шиворот, прижала к стене, с силой — у меня круги в глазах заплясали.

— Тихо! — прошептала она уже почти в ухо. — Не шевелись! Я и так не шевелился.

— Тут нельзя живого огня! Совсем нельзя! Он же пахнет! По туннелям сразу разнесется! Сюда столько желающих соберется...

— Я не знал... Ты говорила безопасно...

— Не знал... Ты, рыбец, ничего не знаешь. А делаешь! Безопасно, когда знаешь, что делать! Так что ты ничего не делай! То, что я скажу, делай... Ну все, теперь нельзя вперед.

— Почему?

— Потому, что они учуяли уже. Наверняка учуяли...

— Кто? — Я на всякий случай нащупал капсюльник.

— Не знаю. Тут много всякого... Назад пошли.

— В темноте? Ты что, совсем ничего не понимаешь? Мы же ноги тут поломаем...

Алиса рыкнула с досады.

— Надо бежать, — сказал я. — Бежать без фонаря не можем. Значит, зажигай фонарь.

— Я пытаюсь... — нервно ответила Алиса.

— Пытайся скорей.

Я достал из-за спины карабин. Надо было перезарядиться.

В стволе лежал сточенный жакан, не годится для темноты, не успею прицелиться, требуется картечь.

Я могу делать это с закрытыми глазами. Перезаряжать, чистить, спасибо Гомеру. За ночные тренировки, за тренировки вслепую, за плетъ. Только плетью можно влупить в головы ленивых науку.

Поехали. Тропарь.

На правом рукаве картечь. Вклеена в ткань, скусил шесть крупных свинцовых горошин, спрятал под язык.

Заблокировал курок. Вынул капсюль.

Установил карабин прикладом на рельсу, выщелкнул шомпол, перевернул другим концом, с буравчиком. Надо было вынуть пулю, вставил шомпол в ствол, нажал, повернул.

Вытащил пулю. Крепкая, с тупым концом, хорошая пуля, если такой в лоб медведю — снесет полчерепа. Уронил, пуля брякнула под ногами. Зубами сдвинул золотник с рожка, досыпал в ствол второй заряд. Вбил шомполом пыж.

Выплюнул в ствол картечь. Пыж. Шомпол. Капсюль.

Все. Установил шомпол на место. Неплохо. Секунд двадцать пять.

— Чего это ты там бормотал?

— Тропарь, — ответил я.

Во рту бродил неприятный вкус свинца.

— Это заговор, что ли?

— Это тропарь. От зла.

— Разве можно от зла заговориться?

Я не ответил. Прислушивался. То есть пытался понять... Кто-то там был. Впереди. Папа сидел смирно, но я чувствовал — есть. Хотя такое бывает, много замкнутого пространства, стены, они давят на голову...

Есть кто-то, есть.

Воздух шевельнулся. Или мне так казалось от учатившегося дыхания... Я вглядывался в темноту. Левой ногой нащупал рельс, чтобы знать направление.

Выстрел.

Из ствола с визгом вылетела картечь и желтое пламя, запахло дымом, Алиса в очередной раз стукнула фонарь, и он, наконец, загорелся.

— Бежим! — Алиса схватила меня под руку и потащила назад.

Оглянуться я не успел.

Мы бежали минут пятнадцать, быстро, с полной выкладкой, потом показалась лестница.

Алиса зачеркнула «23», повесила фонарь на крюк и быстро полезла вверх.

Я некоторое время еще стоял, прислушиваясь. Никто нас не преследовал, в тоннелях дремала тишина.

В фонаре щелкнул таймер, и в очередной раз стало темно. Я подпрыгнул, зацепился за нижнюю перекладину и полез вверх на руках.

Глава 10

Ужин и завтрак

— Там что-то написано было, — сказал я. — В туннеле. На стене. «Регись». Что такое «регись»?

— Не знаю. Мало ли что на стенах пишут?

Мы сидели в вагоне трамвая. Кроме нас, никого внутри не было, ну так, два давнишних мреца, только не ходячих, а совсем мертвых, засушенных. Вокруг Алисы вились мухи, Алиса гоняла их ножом. Я смотрел в окно. У нас тоже есть трамваи. Два. Один ничего, другой весь прогнил. Если у тебя, допустим, зубы болят, а вырывать не хочется, надо идти в тот, который ничего. Сидеть там три часа молча. А если, к примеру, вырастает ноготь, а палец отрезать не хочется, то надо идти в ржавый.

— А этот трамвай от чего помогает? — спросил я.

— В каком смысле?

— Ну, лечит то есть?

— Ни от чего. Просто трамвай. Не лечебный. Ага.

— Трамваи только праведников лечат, наверное, — сказала Алиса. — А я не праведница. К тому же у меня ничего не болит. Только волосы иногда. Но я маслом натираюсь. А у тебя? Что болит?

— Все, — ответил я.

Действительно, у меня все болело. К семнадцати годам я переболел всем, чем только может у нас человек переболеть, даже слепым был однажды. Отправился как-то в лес за грибами, иду-иду, смотрю — гриб, хотел сорвать, а из-за гриба этого жучок выскочил, длинный, синий, да как мне в глаза плюнет каким-то поганством. И жучок-то мелкий такой, ни до ни после никто таких не встречал, а я полтора месяца не смотрел. Правда, провел их с большой пользой — карабин учился заряжать, да на слух стрелять.

— Какой больной, — усмехнулась Алиса. — Зачем тогда сюда появился, уродец? Какая тебе невеста, а, Калич?

Я хотел ей сказать, чтобы она на себя посмотрела, подумаешь, тоже мне, Алиса в Стране чудес, но она вдруг сказала сама:

— «Регись» — это значит «берегись». Так в туннелях часто пишут всякое, предупреждают. Там или провал, или костыли... не знаю. Или шахтер.

— Надпись новая, — сказал я.

— С чего ты решил?

— Краской написано было. Потeki сохранились.

Алиса задумалась.

— Это от радио? — спросил я.

— Что от радио?

— Ну, эти все? Шахтеры? Слизни? Другие всякие... С чего оно вдруг завелось-то? Раньше ведь не было, да?

— При чем тут радио? — пожала плечами Алиса. — Какое... А, ты о радиации, что ли? Я кивнул.

Алиса сунула руку в глубину своего костюма и сняла с шеи тяжелый блестящий цилиндр.

— Дозиметр, — пояснила Алиса. — Если влетаешь в грязь, то он начинает пищать. У меня два раз пищал, да и то только в центре. Тут все чисто, как в прачечной.

— Почему тогда все это? Страшное? От моря?

— От какого моря? Ты что, рыбец?

— Внизу море ведь...

Алиса опять принялась хохотать.

— Какое море?! Ну, ты, Калич, вообще! Это все от... Да какая разница? Даже мой папа не помнит, как по-другому было. Зато китайцев помнит — они тут везде в три слоя валялись. Слушай, солнце уже садится, давай на ночлег. Вы в своем Рыбинске как ночуете?

Я огляделся. В трамвае ночевать не хотелось, лезть в метро тоже.

— Ах, вспомнила — у тебя же лопата! Вы ее не мечете, вы ею закапываетесь!

Алиса запрыгала, выставив глаза.

— Давай, покажи! Покажи, как закапываешься!

— А ты как будешь? Ты не закапываешься, что ли? Просто так и спишь?

Алиса выпрыгнула из вагона наружу, я выбрел за ней.

— Нет, конечно, — ответила Алиса. — Мы не из Рыбинска, мы в нору сигаем, мы по-простому. Вот так.

Алиса что-то сделала, я не понял, что, только что передо мной стояла красивая девушка в странном костюме — и вот вместо этой девушки лежала куча мусора. Совершенно обычного хлама.

— Ну, как? — спросила из глубины Алиса.

— Ничего.

Я снял с пояса лопатку, вытряхнул из рукояти щуп и принялся искать место. Под тонким слоем почвы твердел асфальт. Я тыкал щупом, смещаясь ближе к стене дома.

— Правее, — показала пальцем Алиса. — Там трава зеленее.

Я взял правее и почти сразу наткнулся на кости. Срезал верхний слой. Кости. Белые и много, впритык.

— Это китайцы, наверное, — сказала Алиса. — Когда китайское бешенство началось, их уже никто не закапывал, так и валялись, вращались в землю. Говорят, что китайцев так много было, что человек, если бы захотел, не смог бы посмотреть им всем в лицо, жизни не хватило бы.

Зачем тратить жизнь на то, чтобы смотреть в лицо китайцам?

Я взял еще правее, и еще, и в двух местах под почвой попадались мне китайцы.

— Говорят, что раньше народу тут было сто миллионов почти, — болтала Алиса. — Куда ни посмотри, везде люди идут и идут. А потом вымерли все. Весь город на костях. Когда бешенство началось, некоторые спасались за железными дверями, думали, что они самые умные. Воды брали, еды, а бешенство через стены проникало. Забираешься в такое жилье, а там они все и сидят вдоль...

Наконец китайцев не оказалось, и лопата вошла в почву легко, на всю длину лезвия. Я наметил контур и стал подрезать дерн. Дерн стоит снимать аккуратно — потом он должен лечь обратно и не выделяться. Это самая ответственная операция.

— ... А я так считаю, что просто время кончилось, — размышляла Алиса. — Не вообще время, а наше именно. Людское. Вот раньше, говорят, никаких мреков не было. Только люди были. Одни белые, другие желтые, третьи вообще черные, но все равно люди. А сейчас? Мрек тебя сожрет и не заметит. Все сожрут, мы вкусные...

Подкопал дерн. Отвязал от рюкзака спальник, вытащил из чехла овальный кусок гибкого пластика в мой рост. Пластик такой очень ценен, найти его получается редко, раньше из него делали самолеты. Хорош он тем, что гибок и тверд одновременно, а еще тем, что кромки его можно легко затачивать.

Расправил пластик и не спеша, равномерными тычками стал загонять его под дерн, стараясь держать чуть вогнуто, как плоский совок. Чтобы обрезать его не только по контуру, но и снизу. Работа сложная, кропотливая.

— ... Сначала Волной всех перетопило. Но человеки — они же как тараканы, дыхание задерживать умеют. Ты умеешь?

— На пять минут, — признался я.

— Вот видишь. Вот не все и потонули — дыхание задержали. Тогда на них другое напустилось. Рубцы всякие, големы — да всех и не сосчитаешь. А нового сколько появляется? Только к одному привыкнешь — как другое что-то, то выпь, то попрыгун. У вас в Рыбинске попрыгун есть?

— Нет.

Я погрузил пластик на всю длину. Вытряхнул из чехла специальный кривой нож из мягкого железа — для подрезания краев. Здесь тоже надо работать тщательно, и нож должен быть острый и гнучий, следы его работы не должны просматриваться сверху.

— Прыгун — это смерть, — Алиса плюнула. — А на западе? Там еще страшнее. Некоторые пробовали... Знаешь, что там?

— Что?

Надо было снять дерн, я перехватился поудобнее и стал сворачивать его вместе с пластиком. Свернув, придавил камнем. Открылась земля. Черная, с мелкими корнями, с обрывками червей и жирных белых личинок. Личинок следовало выбрать, неизвестно совершенно — что это тут за личинки, какой породы, жвалы во всяком случае вполне жвальные, не хотелось бы, чтобы во время ночевки они решили меня попробовать.

Вытащил из спального набора заточенную медную проволоку длиной в полтора метра, начал собирать на проволоку гусениц и на всякий случай даже их обрывки. Собирал тщательно, ворошил землю, насаживал. Через минуту в руках у меня мерзко шевелилось живое кольцо, я свернул концы проволоки жгутом.

— Жарить будешь? — спросила Алиса. — Или завялишь?

— Не, не буду.

— Некоторые их жрут, — сказала она. — Говорят, что вкусные.

— Может быть...

А что, у нас вот некоторые червей едят. Обычных, земляных, их вдоль ручьев много водится. Ловят, вымачивают, потом в опилках пару дней очищают, а затем и есть уже можно. Жарят. Или сушат, а потом муку делают. Или суп.

Я развертел проволоку с личинками над головой и зашвырнул подальше.

— А раньше никаких попрыгунов не было, — сказала Алиса. — Завелись. Тут все время что-то заводится. Не город, а завод какой-то... Про Винный Завод слышал?

— Нет.

Расстелил рядом с колыбелью кусок полиэтилена, собрал на него верхний слой грунта, жирную, черную землю, под которой обнаружился вполне себе желтый песок. Песок — лучший грунт для колыбели.

— ...Тебе бы как раз туда — как раз твоим бредовым идеям соответствует. Если есть у тебя какая-нибудь вина — все, можешь не ходить. В три счета сдохнешь. Сходил бы, проверил...

Я стал копать песок. Не торопясь, вгонял лопату, нажимал, вытаскивал, опрокидывал на пленку. Песок был равномерным, не очень рассыпчатым, не очень мягким. Колыбель откапывать следует на три лопаты — если меньше, тебя могут учуять сверху, если глубже — можешь поутру не проснуться. Тяжесть на грудь давит, во сне может дыхательный центр отключиться.

— А выпь? — Алиса разволновалась. — Это же самое поганое — выпь.

Я подумал, что выпь, наверное, что-то выпивает. Кровь. Ты спишь, а тут приходит выпь — и всю кровь выпивает. А без крови не жизнь, это всем известно. Хорошее название, понятное, ясно, что ждать. Падь — падаешь, хлябь — хлябаешь, выпь кровь выпивает. Шейкер опять же, шею свернет в полторы секунды. Гомер рассказывал, что раньше эти названия совсем другое обозначали, неопасное. Простые слова, добрые, предметы полезные. А сейчас плюнуть хочется.

Я плюнул.

— Выпь, когда человека увидит, так действует. Подкрадывается поближе — и начинает вопить. Громко так — у-у-у. И вся гадость в округе сразу знает — ага, здесь есть что пожрать. И не убить ее — маленькая, серая, шустрая, не найдешь. Вот так она за тобой и ходит — вопит и вопит, и днем, и, что самое страшное, ночью.

— И что?

Я принялся мельчить и рыхлить землю в колыбели.

— И то. Вопит и вопит, вопит и вопит, до тех пор вопит, пока тебя кто-нибудь не слопают. А сама выпь тут как тут уже — и остатки подбирает — она ведь маленькая, ей много не надо, палец съест — и рада. Вот раньше выпь была?

— Нет, наверное.

— Правильно. Раньше не было. А теперь есть.

— Это потому, что Предел, — сказал я.

— Что?

— Предел Дней, Предел Зла.

— Это как?

— Просто. Владыка Сущего — он наверху живет...

— На небе, что ли? — Алиса с недоверием хлопнула в ладоши.

— На небе, на небе. Только не на этом, а на другом. В космосе.

— Ну да, конечно.

— Так вот, — продолжил я. — Слишком много развелось в мире падших и поганцев разных. Раньше их мало было, а теперь вот, наоборот, много. Так много, что между ними стали и праведники уж совсем-совсем незаметны. И Владыка все это затеял для того, чтобы отделить хороших людей от плохих. Когда крутом вообще одно зло, праведники на его фоне проявляются более отчетливо.

Алиса рассмеялась. Она вообще была очень смешливой девушкой, как зубы до сих пор не выпали еще?

Я продолжил вырезать колыбель. Больше половины уже вырезал, оставалось как следует взрыхлить дно.

— Когда Зло достигнет своего окончательного Предела — Владыка сметет его с лица земли и начнет разбираться — кто как себя вел. Души падших он умоет огнем и ядом, души праведников возродит и населит...

Алиса рассмеялась еще громче.

— Что смешного?

— Все. Все смешно, от последнего до первого слова. Сме-хо-та. Если он в космосе сидит, то как он все тогда видит?

— В телескоп, — тут же сказал я.

— Ага, в телескоп. А если дело под землей происходит? В подземноскоп? Не рассказывай сказки, Рыбинск. Отделяет, говоришь? Праведники останутся, а неправедники в навоз, так?

— Так.

— А как отличить грешника от праведника? — спросила Алиса.

Глаза прищурила, наверное, так китайцы вот выглядели — узко смотрели.

— Просто, — ответил я. — Просто отличить, много признаков, мне Гомер говорил. Вот самый простой. Все грешники — умерли, а праведники еще нет. Каждый, кто жив, способен стать праведником. При определенных условиях, конечно...

Алиса аж подпрыгнула, даже в костюме у нее, обычно послушном и спокойном, в костюме что-то брякнуло от силы внутреннего возмущения.

— Бред! — прошипела она. — Бред полный и окончательный! Нет никаких признаков! И условий никаких! Я таких грешников знаю — ого-го! Такие грехи, что им под землю пора провалиться, а они ничего — ходят. Некоторые даже бегают. А вот Рома у нас был, ему всего-то ничего, никаких грехов наделать не успел. Второй раз полез на поверхность, второй раз воздухом вздохнуть решил — и строка! Одна сначала, в ухо влетела, а он и не заметил...

Алиса разволновалась.

— А ты знаешь, что от строки бывает? Когда она в ухо? Она яйца откладывает. И через день...

— У нас строка редко водится, — перебил я.

Не хотелось мне слышать, что с этим Романом случилось, я примерно догадывался, ничего хорошего.

— У вас в Рыбинске ничего не водится! — возмутилась Алиса. — Ничего! Я вообще не уверена, что этот ваш Рыбинск есть...

— В каком это смысле? — спросил я.

— В таком. Что-то ты уж подозрительно очень в падь попал. Люди обычно туда не попадают... А если попадают, то очень быстро выбираются.

— Ты на что это намекаешь?

— Да так, — Алиса вдруг напряглась под своим костюмом, я как-то хорошо это

почувствовал. — Говорят, встречаются вот такие...

— Какие?

— Такие. Как ты. Их выручаешь, а они...

Она сделала движение. Маленькое такое движение, чуть повернула плечи, для того, чтобы следующим быстрым движением схватить свой мазер.

Карабин должен быть под рукой. Это первое правило, кто ты без карабина?

Я копал колыбель, карабин лежал рядом. На расстоянии меньшем, чем вытянутая рука. Даже лопатку бросать не пришлось. Через секунду мы стояли друг против друга.

С оружием.

Мне в грудь был нацелен мазер. Я помнил, что он сделал со жнецами, и примерно представлял, что будет со мной, если Алиса выстрелит.

Так и стояли. Я еще подумал, что очень удачно вырыл тут себе могилку. Сейчас она выстрелит, эта сверхскоростная жидкая пуля распылит меня на кусочки, а то, что останется, аккуратненько упадет в ямку и закроется дерном. А потом цветочки какие-нибудь вырастут. А может, и не вырастут.

И солнце почти опустилось уже.

— Ладно, — выдохнула Алиса, опустила оружие. — Что-то мы это... разволновались слишком. И так все нас прибить пытаются, а если мы еще и сами им помогаем...

Я тоже опустил карабин. Я не собирался в нее стрелять, совсем не собирался, ну, если только в руку, для образумливания.

— Я не из Рыбинска, — повторил я негромко. — А Гомер был великим.

— Гомер. Где этот твой Гомер... — спросила Алиса. — Дома остался?

— Погиб.

— Вот. А ты говоришь праведники. Значит, он не праведник?

Я отложил карабин и продолжил рыхлить землю.

— Нет, он как раз праведник Просто с нами еще Ной был, а Ной объелся ежом, обжорство — грех, и Ной был тут же наказан...

— Вы что, еще и ежей едите? — не удержалась Алиса.

— Да это нормальный еж, он вкусный очень...

— Ну-ну. Ага-ага.

— Так вот, Ной ежом объелся, а протошниться не смог, так с брюхом и побежал. А Гомер это понял и в сторону жнеца увел. Пожертвовал собой.

— Ну, ты Рыбинск... — Алиса покачала головой. — Ну, ты даешь... Рубец, если есть возможность выбирать, — он всегда лучше за двумя погонится. Две добычи для него гораздо лучше одной. И потом он всегда выбирает слабейшего, в любом случае. Он сразу понял — кого из вас сумеет догнать — и за ним и пошел. Просто Гомер ваш был уже слабый. Сколько ему лет было?

— Тридцать пять, кажется...

— А, все понятно. Тридцать пять. Да тут до двадцати лишь каждый третий, а ему тридцать пять! Старикан совсем. Таким надо в трубах потихонечку сидеть, да с дитятами нянчиться, а он в поход! Дурак твой Гомер, и все в этом вашем Рыбинске дураки. А про Предел Зла это он вам специально плел — чтобы мозги загрузить. Чтобы вы его слушались и жратву ему таскали. Ведь таскали, наверное?

Я промолчал.

— Таскали, значит... — довольно улыбнулась Алиса. — Вот он — ваш Рыбинск. Все там каким-то типам непонятным жрачку таскаете. Они вам сказки — вы им жрачку. А еще над нами смеетесь, наверное, думаете, что одни вы правильно живете. А у нас свобода тут!

Когда надо мной смеются — мне все равно, я терпеливый. А вот Гомер в это верил. А когда над Гомером начинают смеяться...

Я решил, что не буду больше Алисе ничего рассказывать, пусть думает, что хочет. Пусть смеется. Наверное, так надо. Она ведь жива до сих пор, а значит, тоже греха на ней немного.

Продолжил рыхлить землю.

— Может, ты и права. Не про Гомера, конечно, про то, что еще До Предела далеко. Но он уже начался. Отделение уже происходит, на падших уже возложены знаки...

— Конечно, я права, — Алиса достала бутылку, стала пить. — Права. Никакое это не отделение, надо понимать. Вот знаешь, есть фасоль. Слыхал?

— Нет.

— Фасоль — это такой горох. Горох у вас в Рыбинске растет?

Горох у нас рос. Дикий, в диком поле. Мелкий такой, черный.

Но если очень голоден, то жрать вполне можно.

— Фасоль — это тоже горох, только разноцветный. Один красный, другой белый. Так вот, внизу, вокруг Нижнего Метро, склады есть, так там один склад весь этой фасолью засыпан. И не сгнила, как новенькая. Есть фасоль красная, а есть белая, по размеру они очень похожи. Вместе их варить нельзя — красная быстрее варится. И прежде чем сварить — ее выбирают. Красную в одно блюдо — белую в другое. Понимаешь?

— Понимаю, и что?

— И то.

— Мрецам, големам и слизням совершенно нет никакой разницы — грешники или праведники. На вкус все одинаковые. Они всех жрут с равным удовольствием. А знаешь, зачем они их жрут?

— Зачем? — спросил я.

— Потому что жрать хотят. Я же говорю, геноцид, вот и все. Если во всем этом...

Алиса обвела рукой дома, деревья и вообще все вокруг, солнце даже.

— Если во всем этом и есть хоть какой-то смысл — то он прост. Чтобы нас не осталось. Все.

Земля достаточно взрыхлилась, на нужную глубину, и я стал ее утрамбовывать. Подпрыгивал и утрамбовывал — это нужно для того, чтобы сверху холмика не возникло, чтобы все ровно получилось, аккуратно.

— И все жрут только нас, людей, — продолжала Алиса. — Давно ведь уже заметили. Вот кабаны. Ты думаешь, почему кабанов столько тут развелось? Не потому, что они быстро бегает, совсем не поэтому. Потому, что на них не охотятся. Конечно, свиноты сами иногда попадают, но охотятся только за нами. И это неспроста.

Хотел сказать ей, что это как раз правильно, так и есть, что Дракон как раз только и охотится за теми, у кого душа есть, но не стал. Было уже почти темно совсем, пора укладываться.

Я расправил коврик, разложил его по дну колыбели. Сел и принялся распределять землю, собранную в ногах. Засыпал себя почти по грудь. Лег. Под голову поместил рюкзак.

— Ну, у вас в Рыбинске и жизнь, — хихикнула Алиса. — Сами себя в землю закапываете, сами себе могильщики. А говоришь еще, там хорошо... Нет уж, Калич, ничего хорошего в вашем Рыбинске нет. Ладно, спокойной ночи, малыши.

— Добрых снов, — пожелал я Алисе.

После чего натянул противогаз, привернул шнорхель. Шнорхель у меня знатный — трубка замаскирована под камень, а на другой стороне шланг, так что можно даже головой немного ворочать. Подышал. Воздух проходил нормально. Теперь надо было Папу подсоединить.

Сунул клетку с Папой в полиэтиленовый мешок, горловину собрал резинкой, вставил шланг, подцепил его к шнорхелю. Папа заворочался, не любит Папа под землей ночевать, балует иногда. Но ничего не поделаешь.

Устроился поудобнее, особой грабалкой распределил землю по телу. Звезды. Сквозь очки увидел. Медленно, стараясь быть предельно осторожным, потянул за крюк Дерн расправился надо мной толстым надежным ковриком.

Темно.

Осталось последнее и очень важное. Дернул за леску. Там, наверху, опрокинулась

плошка со скунсом. Теперь мой ночлег не учуять.

Темно. Папа мурчит. Я полежал, с удовольствием ощущая покой, тепло и безопасность. Успокоился.

Разбудила меня Алиса. Мерзким довольно способом — стала прыгать у меня на груди, чуть ребра не поломала.

Я ничуть не сомневался, что это Алиса — никто бы такого не придумал. Хорошо хоть водой не полила, с нее бы пришлось. Перевернулся, уперся руками, оттолкнулся.

Мне всегда нравилось наблюдать за пробуждением со стороны. Земля, трава, цветочек, грибы, может быть, даже. И вдруг все это разваливается, и наружу появляется Гомер. А из-под бузины Сим, а из-под кочки Ной...

— Подъем! — крикнула Алиса жизнерадостно. — Подъем, Калич, людям жрать охота! А ты все спишь. Или кошака там своего зажевал?

Я вылез из колыбели и стал сворачивать спальные принадлежности.

— Жрать охота, — повторила Алиса. — Не знаю, как ты, рыбец, а я уже пять дней ничего нормального не ела.

— А ириски? Мы же...

— Ириски — это чтобы в животе не урчало. Для того, чтобы жить, нужно жрать много мяса.

Я от мяса не отказался бы, но где тут его возьмешь?

— Еще чуть-чуть и тебя сожру, — Алиса щелкнула зубами. — Или этого твоего Филимошу.

Алиса протянула палец, Папа предупреждающе зашипел, выставил лапу для обороноспособности.

— Ох ты! — улыбнулась Алиса. — Жрать любит, а чтобы его сожрали, нет. Какой...

Папа фыркнул.

— Значит, охотиться будем. Тут очень хорошие уголья. Надо взять к востоку, километра три. Туда. Там кабаны, я тебе говорила. Давай, сворачивайся скорее.

Я свернулся.

Мы направились на восток. Пробирались зигзагами, то влево, то вправо, то назад возвращались, как и раньше. Странно она все-таки передвигается, думал я. Топчется на месте, туда-сюда кругами. Следы, что ли, путает? Я запутался давно уже, помню, что выход на востоке.

А может, и правильно путает. Не знаю, чувство постороннего присутствия меня не покидало, и понять я никак не мог — это на самом деле, или только мне кажется?

Алиса шагала, само собой, первой, я за ней. Рассказывала про какие-то чудесные таблетки, которые появляются ближе к центру, съешь — и невидим, одно плохо, приходится голым ходить. А есть Вечный Переулок. В нем особый дождь пролился, вечный. Раньше умели разное делать. Вот чтобы предметы долго не портились — их специальным лаком покрывали. И они как новенькие хоть сто лет. А потом придумали дожди из лака, они и до сих пор иногда идут, если попадешь под такой — всегда будешь новеньким. А есть еще Белое Здание. Но его никто не видел. Вернее, его видели, но только перед самой смертью. Это как знак. Человек идет по городу, никого не трогает и вдруг видит Белое Здание. Такой небольшой домик, один уровень, с зеленой крышей. Стоит себе и стоит. И после этого с человеком обязательно что-нибудь нехорошее случается. Умирает человек. Причем всегда страшно так, нехорошо. Этот дом, он появляется и исчезает...

— С чего это вдруг? — перебил я. — С чего это дома ходят?

— А с чего не волк, а волкер? — вопросом на вопрос ответила Алиса.

— Ну, волкер — погань, это понятно. Но у него ноги есть. А у дома ног нет. Разве поганство и на предметы распространяется?

— Кто знает... Все может распространяться, все это ползет из Центра. Ты Белое Здание не видел случайно?

Я помотал головой.

— И то хорошо. Белое Здание — это да... А За Третьим Кольцом еще и не такое...

— Почему у вас тут все так устроено? — перебил я. — По кольцам? Все в кольцах. Большое кольцо, маленькие кольца, под землей кольца...

— Дубина ты рыбинская, — как всегда, нагло ответила Алиса. — Ты что, совсем ничего не знаешь?

Я не знал.

— Весь мир устроен по колечному принципу. Земля летит вокруг Солнца по кольцу, другие планеты тоже, и вообще, весь мир движется по кольцам. Как на небе, так и на земле. Кольцо.

Алиса сложила из пальцев кольцо, поглядела на меня.

— В мире все круглое, — сказала она. — Только у тебя голова квадратная. Но тебе идет. А ты про Красную Бутылку слышал? Нет, конечно, я все время забываю... Так вот, Красная Бутылка, она...

Я отметил, что постепенно я привыкаю. К Алисе, к ее манерам. К тому, что она все время смеется, к Рыбинску. Мне даже казалось, что мы с ней уже давным-давно знакомы. С позапрошлого гола.

— ... Тот, кто выпьет из этой бутылки, он сразу с ума сходит. Набрасывается на всех, убить пытается. Так в себя никогда и не возвращается, приходится пристреливать.

У нас тоже такие истории рассказывали, похожие. Только не про Красную Бутылку, а про Ложного Рыжика. Что в лесу будто есть такие вот Ложные Рыжики, грибы то есть, они маскируются под обычные рыжики, вместе с ними растут, а потом кто-нибудь собирает, ест — и все, в припадке. Так что у нас теперь рыжиков и вообще не собирают.

— Зачем тогда пьют из этой бутылки? — спросил я.

— Считается, что некоторые не помирают, — ответила Алиса. — Считается, что некоторым она помогает.

— В каком смысле?

— Бессмертия в смысле. Был вроде вот... Выпил из Красной Бутылки — и все, до сих пор живет. И ни пуля его не берет, ни болезнь какая. А раны затягиваются. Так что многие рискуют.

— Жить не хотят, — сказал я.

— А ты хочешь?

Алиса схватила меня за рукав.

— А чего же не хотеть? Все хотят...

— Нет, это понятно, что все хотят. Труперы, наверное, тоже хотят. А вот конкретно ты почему хочешь?

— Привычка, — сказал я.

— Что?

— Привычка. Вот у нас кузнец, Кузя, он всю жизнь кует, это его ремесло, он привык. А моя привычка жить, выживать. Ну, территорию еще зачищать.

— Убивать то есть?

— С чего это убивать вдруг? — обиделся я. — Я никого не убиваю. И не убивал никогда, я же не убийца какой-нибудь. Убивают грешники, а я праведник.

— Постой! — Алиса остановилась. — Как это ты никого не убивал? Вот совсем недавно ты накрошил бомберов...

— Ну и что? Это же не считается. Тот, кто привешивает к поясу человеческие головы, сам не человек уже давно. Это просто разновидность погани, а погань я зачищаю. Успокаиваю, если хочешь.

— Так просто?

— Конечно, — кивнул я. — Все просто. Враг — есть враг. И лучше, когда у него в башке пуля, а не у тебя.

— Ага, — кивнула Алиса. — Так значит, ты праведник... Не, я не пойму все-таки... Они ведь умирают... Все, в кого ты стреляешь.

Я помотал головой.

— Они не умирают, — сказал я. — Умереть может тот, кто живет. Крыса, лягушка, они умирают. А эти все не живут. Они уже мертвы. Но ходят. Некоторые даже бегают. А я делаю так, чтобы они не ходили и не бегали. Совмещаю смерть с неподвижностью.

Красиво сказал, мне понравилось. Смерть с неподвижностью.

— Значит, все равно ты имеешь дело со смертью? — приставала Алиса. — И ее так много вокруг, что ты уже привык Смерть — она тоже стала твоей привычкой, так?

Мне надоело спорить на такие простые вещи, и я не ответил.

— Ладно, не отвечай. Нет, ответ все же — они там у вас все такие?

— Какие?

— Вот как ты? Праведники?

— Ага. Ну, некоторые еще больше...

— Как?! — поразила Алиса. — Разве можно быть еще праведней?

— Можно. У меня всего три вериги, а у некоторых...

— Тихо! — Алиса ткнула меня в бок, я замолчал.

Огляделся, привычно снял карабин... На самом деле привычно, руки привыкли к оружию. А раньше вот люди к другому привыкали. Работали много, стреляли мало...

— Тут кабаны, — прошептала Алиса. — И место такое, охотничье как раз, специальное. Ну, увидишь. Почти пришли.

Перед нами зеленела широкая плоская равнина. Когда-то, по всей видимости, тут процветал парк, из зеленки возвышались заросшие мхом статуи, прямо как у нас. Чуть подальше разрастались кусты, ничего место, приятное. На поле похоже. Сейчас полей почти не осталось, все лесом заросло, а раньше, Гомер рассказывал, полей много встречалось. И простор от них образовывался, а от простора люди делались добрей, в душе возникала широта. Вообще раньше для воспитания человека много что делалось. Поля, парки, фонтаны, скамейки опять же везде, смотрит человек на скамейку, и хорошо ему.

— Вот, — сказала Алиса. — Как раз местечко, сколько лет подбирали. Удобно... Значит, план таков...

— На кабанов охотимся? — спросил я. — Так вдвоем мы не справимся. Или в засаде сидеть...

— Тут и один справится, — успокоила Алиса. — У нас же все с умом, не как у вас в Рыбинске, никаких засад... Вон видишь все это поле? Я пойду в ту сторону, там, где бугорок, холмик то есть. Встану на этот холмик А ты пойдешь вон в те кусты, которые слева. Понятно?

— Понятно.

— В этих кустах всегда кабаны сидят.

— Зачем?

— Водятся они там! — рыкнула приглушенно Алиса. — Так, слушай, это важно! Не перебивай!

Я не стал перебивать.

— Там гнездо у них, — сказала Алиса. — В кустах коренья, а там кабаны, они эти корешки жрут... Там их много, матки, молодняк, секачи. Ты, короче, там шуми, безобразничай, секач и выбежит.

Погонит тебя, а ты не спеши. Беги медленно. Он за тобой, а ты не бойся, держи на меня.

— И что?

— И все.

Все так все. Я не стал спрашивать, направился к кустам.

— Ты пукалку-то оставь, — посоветовала Алиса. — Легче ведь... Но я не оставил. Зачем? Я и с ним неплохо бегаю. И вообще, я стараюсь с ним не расставаться, мне что с карабином, что без.

— Беги, — сказала Алиса. — Давай, Калич, жрать шибко хочется. Мне тоже жрать

хотелось, и даже очень. Но к еде я относился спокойно. Ведь на голодный желудок бегать гораздо легче. И драться. И жить.

— Вперед-вперед! Я бежал к кустам.

Не спеша, приглядывался. Кабаны, они себя всегда выдают, то нагадят, то накопают. Копальщики они. Очень скоро и набрел. Взрытые борозды, следы копытные, правду Алиса сказала.

Чем ближе к кустам, тем больше этих борозд. Борозда на борозде, перепрыгивать приходилось. Потом кусты, вблизи оказалось, что это малина. Вообще в малине медведи водятся, а тут кабаны. Пахло сильно, пьяно, малина была густая и от этого опасная, я снял с плеча карабин, на случай если выскочит кто.

Кабаны когда стаями живут, нагледят. Ничего не видят, червями земляными объедаются, от этого жиреют, а разжирев, еще больше нагледят. Особенно летом.

Скоро я их и услышал. Вернее, не я, Папа сначала. Почуял звериный дух, сообщил мне об этом ерзаньем, а затем и я почуял. Вонь. Густую, аппетитную. А через несколько метров и на самих наткнулся. Вернее, самих я не встретил, из зарослей раздалось яростное визжание, и я рванул обратно.

Удирать от кабана было гораздо приятнее, чем от жнеца. За спиной вместо чуждого железного шуршанья мягкое животное хрюканье. К тому же в крайнем случае всегда можно развернуться и прибить эту тварь жаканом. И потом, хорошая пробежка перед едой никому еще не мешала. Аппетит повысится. А вообще, я не думал, что кабаны тупые. И бешеные. Так повестись...

Впрочем, сейчас многие отупели. И люди, и кабаны. А может, они не совсем уж и настоящие, переделались.

Я вылетел из кустов, сориентировался на Алису и побежал побыстрее. Скоро и кабан показался, вывалился из зарослей, угрожающе рыкнул.

Я ожидал, что он будет чуть поменьше. Этот же кабан размерами не радовал. Он был больше тех, что водились у нас, раза в полтора. И клыки в небо смотрят. Кабанский вполне себе кабан, смертельный. Смертельный кабан. Наверное, поэтому и неповоротливый. Ноги длинные для такой туши, и бежал он совсем не как кабан, а как лошадь какая, дрыгоного. А может, не разогнался еще.

Одним словом, я вполне успешно от него удирал. Алиса размахивала руками, и я держал на нее. Много я бегаю в последнее время. Да и не в последнее, вообще много бегаю. Бегун какой-то.

Алиса сигналила вовсю, даже подпрыгивала, кажется.

Я уверенно держал на нее, не забывая оглядываться. Кабан догонял. Глаза у него от бешенства горели — правду говорят.

— Давай, побыстрее! — крикнула Алиса. — Жрать хочется...

Я прибавил скорости. Немного, но преследователя это, кажется, возмутило, и он тоже прибавил. До Алисы оставалось метров пятьдесят, за спиной хрюкнуло...

Удивленно, испуганно.

Пробежал еще немного и оглянулся.

— Не туда смотришь! Вверх!

Я задрал голову и увидел черную точку. Точка кувыркалась в воздухе и издавала неприятный пронзительный визг, не сразу догадался. Высоко так шел. По дуге.

Затем кабан врезался в землю, и возмущенное визжание оборвалось. Алиса довольно хлопнула в ладоши.

— Скорее! — крикнула она. — А то ничего не останется.

Мы поспешили в сторону приземления кабана.

Возле туши уже собирались мелкие, похожие на сусликов твари, я шугнул воплем. От кабана, честно говоря, мало что осталось. Перекореженные мясные обломки.

— В котлетку, — с удовлетворением облизнулась Алиса. — Как раз.

Она выхватила нож, сделанный из секиры жнеца, и оттапала кабанью ногу.

— Вот и обед.

— А остальное?

Такое расточительство мне не очень нравилось, мяса было много, месяц клан средних размеров может питаться.

— Впрок все равно не наестся, — ответил Алиса. — Вялить некогда, а на себе тащить опасно. На мясо сам знаешь, сколько желающих соберется.

— Бросать жалко, — вздохнул я.

— А, — махнула рукой Алиса. — Это Москва. Привыкай жить на широкую ногу, Калич. Цивилизация, однако.

— Какая уж цивилизация? — возразил я. — Столько много мяса выкидываем...

— Цивилизация — это когда много выкидывают, а не когда мало сберегают, — выдала Алиса. — Учись, Калич. Приедешь в Рыбинск, других научишь. Может, перестанете лягушек лопать. Пойдем, жрать охота.

Мы вернулись к возвышению, Алиса достала из тайника железную жаровню, развела огонь. Вынула те самые спиральные сабли, которыми я приколот того бодучего — как я и думал, это вовсе не оружием было, на них мясо просто нанизывалось для жарки. Шампуры.

Ободрала кабанью ногу, разделала на куски, насадила на шампуры и расположила над прогоревшими дровами. Почти сразу поплыл запах настоящего жареного мяса, Папа очнулся и заскреб когтями, предъявляя хищную свою натуру.

— Смотри-ка, как Мурзик проголодался, — Алиса опять принялась дразнить Папу, тыкала ему в брюхо травинкой. — Слушай, Калич, а вот ты бы в случае неотступного голода своего кошака сожрал, а?

— Неотступного голода не бывает, — сказал я. — Еду всегда найти можно.

— Ну да, конечно. Головастики, тритоны, знаем. Но если бы в пустыне. Есть ловушки такие — квадратные ямы бетонные, ты туда провалишься, а вместо еды — кошак. Что будешь делать?

Об этом я не думал, зачем о неприятном думать?

— Вот, — Алиса ткнула в меня пальцем. — Вот это я тебе и говорю.

Алиса понюхала мясо, перевернула. Я видел, что мясо уже вполне себе прожарилось, но Алиса продолжала поворачивать шампуры, пока они не начали подгорать.

Поделили по три штуки.

Кабан на вкус оказался вполне изумительным. Сочным, мягким, я не заметил, как сжевал целый шампур и половину второго.

— Ну что? — подмигнула Алиса. — Это тебе не ежати́на, это мясо. Ешь, Калич, пока дают. Хорошо ведь?

— Нормально, — согласился я. — Хотя можно было прямо там пристрелить, на лежке. Зачем все эти бега?

— Ага, тащи его потом оттуда. Так умнее. Знаешь, в мире очень мало приятных вещей. Рогатка — одна из них.

— Рогатка?

— Ага. Стреляет как из рогатки, метров на тридцать забрасывает, потом летишь-свистишь. Механизм простой совсем. Первый пробегает — ловушка взводится, второй бежит — срабатывает. А поскольку тут кабаны развелись, то лучше места для охоты не придумаешь. Вкусно ведь?

— Вкусно, — согласился я. — Только спать хочется, мяса много. Слушай, а чего вы здесь станицу не устроите?

— Место открытое, опасное. Под землей гораздо лучше. Зима скоро наступит, зимой холодно. У вас зимы как?

— Зимы как зимы. Холодно, конечно, печку топим...

— В берлоге сидим, да? — усмехнулась Алиса. — Навозом обогреваемся.

— Не все, — возразил я. — Я вот, например, не обогреваюсь...

— Тебе и в берлоге хорошо, это понятно. А ты про шахтеров слышал? Они все время

под землей жили...

Алиса замолчала, стала прислушиваться.

— Чувствуешь? — вдруг спросила она.

— Что?

Я сразу поглядел на Папу, Папа спал, обожравшись мясом. Храпел даже.

— Вроде как смотрят... — Алиса принялась исподтишка оглядываться.

Я тоже стал озираться. Ничего подозрительного не было, но я вдруг тоже почувствовал, что за нами подглядывают. Опять... Или мутант. Сидит где-нибудь на ветке, пялится. Я вот, кстати, мутанта еще ни разу не видел, ни живого, ни мертвого. А Ной видел, он однажды вот так в лесу заплутался, запнулся, упал — и прямо на мутанта, да и раздавил в лепешку. Так вот, Ной рассказывал, что мутант небольшой совсем, с ладошку. А глаза здоровущие, желтые, страшные, даже у дохлого. А само тело щуплое, лапки хилые, хвост, чтобы вверх головой провисать. Одним словом, мал мутант, да говнист.

Вот и сейчас, может, он тут на нас пялится. Двоих не замутить, а он старается, напрягает мозг. А нам от этого и чудится, что следят за нами. Вообще, судя по катку, мутанты тут есть.

— Тебе ничего не чувствуется? — спросила Алиса. — Нет?

— Немного... Точно нельзя сказать. И кто это может быть, по- твоему?

— Да мало ли... — Алиса поковырялась в зубах. — Ладно, пускай пялятся.

— Пускай.

— Нет, пойдем отсюда, — Алиса поежилась. — Тут совсем уже недалеко. Южный порт. Там красотища, тебе понравится.

— Ага, — сказал я.

Глава 11 Moscow Inferno

Мы шагали вдоль длинного забора, исписанного непонятными кривобуквенными надписями и разноцветными знаками, большинство из которых было явно сатанинской природы. Так что даже слюны не хватало в них плевать, но я старался.

Алиса надо мной посмеивалась, у нее вообще было загадочное лицо, точно она собиралась меня чем-то удивить. Погаными надписями меня удивить нельзя — недалеко от нашей станицы проходила жэдэ, и там тоже стояли заборы, и на них много чего сохранилось с древних времен.

Но потом я, конечно, удивился.

Надписи на заборе кончились, и вместо них начались картины. Настоящие такие. Кто-то постарался изобразить на щербатых бетонных плитах всю погань, обитавшую в округе, и внутри Кольца, и за его пределами. Да еще с названиями изобразил, чтобы сомнений не возникало, где какая именно мречь, вот жнец, вот волкер, вот шейкер — шея в кольцо завернута, как живые все, даже неприятно, вот-вот кажется, прыгнут. И на каждом рисунке отпечаток черной краской, видимо, по образцу сделанный, одинаковый.

Moscow Inferno

— Это что значит? — спросил я.

— Не знаю, — пожала плечами Алиса. — Это английский, а англичан сейчас совсем не осталось, вымерли от сплину. Что-то про Москву, кажется. Московская жопа, вот что.

Алиса хихикнула.

— Это культура называется, — сказала она. — Музей, типа — выставка достижений художественного хозяйства, как в допотопные времена. У вас в Рыбинске вот культура есть?

Я не ответил. У нас был один, Трофим, язвы его с детства мучили. Хорошо фигурки из дерева вырезал, целое собрание у него имелось. Также вот погань всякая, но не страшная, как здесь, а смехотворная. Вот типа так — два мреца сидят за пнем и в кости играют, а у одного башки вовсе нет. Или волкер, допустим, лежит со своими волчерятами, а они смешные такие,

ушастые. Или строка, но не обычная, мелкая, а большая, со сливу. А в самой строке жилища устроены, по бокам пещерки, а сверху домики, козы пасутся, ребятишки мелкие, тщательная, короче, работа.

Гомер с неодобрением вроде как относился, хмурился, и мы однажды взяли, все эти поганки у Трофима отобрали и спалили в бочке. Расстроился он, плакал два дня, наверное, а мы смеялись над ним, бестолковые. А потом Гомер взял да и подарил этому Трофиму новую фигурку, сам вырезал шипигу — ее легко можно изобразить, подарил и сказал, что все мы, да и сам он, ошибались, греха в его поделках никакого, пусть дальше искусство развивает.

Трофим после этого много чего вырезал, целая полка, да сыть вот пожаловала, пришлось все сжечь, такая вот культура.

— Понятно, что нету у вас никакой культуры, — сказала Алиса пренебрежительно. — Вы же там тритонами одними питаетесь, какая культура от тритонов?

Я немного разозлился на нее за это, она мне своим задавачеством уже надоедать начала, но сделать все равно ничего нельзя пока было, и я промолчал, продолжил разглядывать эту настенную живопись.

Хорошо нарисовано, что и говорить. Все узнаваемые. На жнеце каждую секиру можно разглядеть, каждую зазубринку на лезвии. На мрецах червяки, желтые, жирные, и кажется, что даже и шевелятся. Остальная погань тоже, натурально так, похоже выглядела.

Бодун. Гласила подпись. Кого-кого, а бодуна я узнал прекрасно. Слово отличное, здешние умели придумывать названия, лучше, чем бодяга. Тогда меня чуть совсем не забодал, еле жив остался. Запомнил, ребра до сих пор иногда побаливают, особенно ночью.

Или Кастро вот. На лобстера вообще-то похож, у нас в Синем Ручье такие примерно. Точно лобстер, а написано «кастро».

— Почему кастро? — поинтересовался я. — Это же лобстер!

— Это ты лобстер, — тут же ответила мне Алиса. — У вас в Рыбинске все лобстеры, бошки у вас там у всех чугунные. А это Кастро. Они небольшие такие, меньше ладошки. Редко встречаются. К мужчинам ночью подкрадывается, впрыскивает обезболивающее, а потом... Чик-чик — и все.

Алиса злорадно ухмыльнулась.

— Что все?

— Все, невеста тебе больше не понадобится.

Мерзость какая, не пожалел слюны.

— Плюй не плюй, никуда не денешься, — зевнула Алиса. — Можно кольчугу специальную использовать. Или железные гульфики, у нас многие с такими.

Железные гульфики...

Следующий персонаж по виду был гораздо хуже, чем кастро. Чем-то похож на человека, но только укатанного в шар, затошнило меня от этого глазастого шара.

— Такое разве бывает? — спросил я.

Алиса пожала плечами.

— Тут все может быть. А может, и не быть, может, придумано. Я этого тоже не видела, а остальные вроде есть, во всяком случае, встречались. Не мне, так другим. Гадости тут много разной, это да...

Алиса поморщилась.

— Но полезные вещи тоже встречаются. Железные слезы, например.

Сунула руку в свой комбинезон, достала патрон для мазера.

— В Нижнем Метро. На одной стороне туннеля правые слезы, на другой левые. Вместе они не могут находиться — в разные стороны разлетаются. Из правых делают гильзу для мазера, из левых — они тверже, пулю. Специальным прессом объединяют. А когда стреляешь, пуля в одну сторону, гильза в другую. Все прошибить могут, ну, ты видел. Из них, кстати, вечный двигатель можно сделать.

— Чего? — не понял я.

— Вечный двигатель. Тут просто все, надо взять колесо, на него левые слезы крепишь,

а на основание правые. Они и отталкиваются. А колесо крутится, электричество вырабатывает, освещает все... Ты хоть знаешь, что такое электричество, Калич?

— Молния это, — ответил я. — Знаю.

— Мо-олния... — передразнила Алиса. — Вы в своем Рыбинске, наверное, до сих пор при лучине сидите.

Я не ответил, разглядывал следующую картину.

Существо, похожее на крота. Здоровенный такой крот, с острыми когтистыми лапами... В каске. И рыло — вроде как бы тоже человеческое, но вытянутое, проросшее толстыми белесыми волосками, нос расчлененный в пучок розовых отростков. И очки. Примерно такие же, как на противогазе, — черные, плотные, с выпуклыми стеклами. И жилет. Желтый такой жилет, напаянный на черное твердое тело. Мречь поганая. Написано: «Маркшейдер».

— А это кто еще? — спросил я. — Что за маркшейдер? Кто такой?

— Маркшейдер — это... — махнула рукой Алиса. — Считается, что он шахтерами руководит, типа, главный у них. Хотя его никто не видел, он там.

Алиса топнула землю.

Я не сомневался, что там. Этот маркшейдер здорово смахивал на сатану, только без копыт и рогов, впрочем, Гомер всегда говорил, что поганый легко принимает любые обличья.

Двинулись дальше.

Еще там была картина, которая меня даже напугала. Сначала я думал, что картина совершенно обычная, просто красная стена, мало ли красных стен? Но, приглядевшись, я понял, что не все так просто. Потому что из стены торчали пальцы. Самые обычные человеческие пальцы. И ботинок тоже торчит. Но только снизу. А красное — это не краска вовсе, а кровь, она как раз выжимается из того, кто погряз в стене.

— Это затыг, — объяснила Алиса. — У нас не встречается, на Западе, говорят, есть.

— И что он делает? — спросил я осторожно.

— Затягивает, — пояснила Алиса. — Идешь мимо, а оно раз!

— Стена?

— Не стена — затыг. Короче, со стеной что-то происходит, и она как бы больше не стеной делается.

— А чем? — тупо спросил я.

— Не знаю. То ли стена, то ли черт-те что. Никто вырваться не может, так в стену и всасывает. А потом из стены кровь течет.

Алиса кивнула на стену.

— Мерзость редкая, хуже трупера. У вас в Рыбинске нет такого?

— Нет...

— Понятно. Живете там себе спокойно, а все жалуетесь...

— Я не жалуюсь, — перебил я. — И никогда не жаловался.

Я на самом деле не жалуюсь. Чего мне жаловаться, живому жаловаться нечего.

Да, полезная стена, конечно. Всех можно узнать. Жаль только, что не написано, как бороться с ними. Ну, жнеца можно из мазера, это понятно. А вот как с затыгом быть? И вообще, это существо или место?

Захотелось домой. К себе. Только нет вот дома больше, заново надо все налаживать. Ничего. Вернусь, возьмемся за дело. Теперь я много чего знаю, много полезного.

— Слушай, Алис, а это кто вообще нарисовал? — я указал на стену. — Недавно ведь, краски еще выцвести не успели.

— Айваз-Бомбила. Он вообще много чего тут разрисовал, рисовальщик известный.

Я решил, что этот Айваз скорее всего какой-нибудь сатанист или монстролог — нарисовано было с тщанием и даже с любовью, будто все эти чудища художнику близкой родней приходились, вместе за грибами ходили. Одни чудища, а людей вообще никаких, такая адская длинная картина. Не, по-моему, надо по- другому рисовать. Пусть монстры

будут, ладно. Но нужно, чтобы там и люди присутствовали, чтобы они с этими монстрами всячески расправлялись, очищая сердце мира от всякой напозвшей на него пакости.

— Айваз хотел даже Вышку покрасить — чтобы полосатой была, разноцветной такой, веселой, но тамошние лешие не позволили. Сейчас он опять за Третье Кольцо отправился, — сказала Алиса. — Вдохновения искать. Тут ему уже не страшно, он хочет увидеть самого...

Алиса замолчала.

— Кого он хочет увидеть?

Воображение принялось подсказывать мне чудищ совершенно ужасающих, с многими головами, с паучьими глазками, с щупальцами, гноящиеся желтые глаза там тоже были, вонь тухлого мяса, прах. А может, даже сам...

— Короче, на Запад двинул, на Западе там жестко, не то, что тут...

— В Центре? — спросил я.

— В каком еще Центре?

— Ты говорила про Центр. Цао. Что там?

Алиса не ответила.

Я стал представлять, что может находиться в сердечке зла, в самом его сердце.

А потом я увидел Алису.

Самую натуральную, какая рядом со мной стояла. Тот же костюм, те же волосы, лицо. Красивая, только оскал какой-то неприятный, зубы острые. А в руке голова.

Человеческая.

— Это что? — спросил я.

— Я, — ответила Алиса. — Похожа ведь, правда?

Она встала рядом с забором и сделала такое же свирепое лицо, прорычала что-то.

— Ну да, похоже... — кивнул я. — А почему... Почему ты здесь?

— Почему-почему — потому. Из-за Айвазика. Видишь ли, Айвазик хотел, чтобы я с ним жила. Он сам на Мосту теперь живет, там у него виды. Два года приставал — давай со мной на Мосту жить, давай со мной на Мосту жить, так надоел, что я ему нос переломала. Он рассердился, ну и это...

Алиса кивнула на свое изображение.

— И нарисовал. Сволочь...

Алиса пнула стену.

— Сволочь. Ничего, я ему еще припомню...

Забор продолжался далеко, и наверняка там рисовалось много еще чего интересного, но, к счастью, плиты не выдержали изображенной на них мерзости и обрушились. Мы свернули за них и оказались на улице...

Алиса продолжала ругать этого Айвазика, Айвазик раньше был гораздо лучше, рисовал город. Старый, само собой. Потом испортился и стал чудищ рисовать, да так хорошо, что все пугались, а дети спать не могли, и всем это так не нравилось, что его изгнали, и он стал свободным художником и живет теперь на Мосту.

Я шагал за ней. Шея у меня болела. Распухла и растерлась о жесткий воротник, не знаю с чего, укусил, может, кто. Алиса заметила. Глазастая, хорошее качество. И предчувственность развита, опасность предвосхищает. Пропустила немного вперед, я обернулся, она вскинула мазер, мне в глаз нацелила.

— Что опять?

— Раздевайся!

— Зачем?

— Раздевайся! Что это ты шеей дергаешь? Не болит?

— Натер, кажется...

— Все равно раздевайся. И пуляло в сторону отложи. А если за топор или за ножик возьмешься... Не рекомендую.

Я пожал плечами. Прислонил карабин к машине, стал раздеваться, без резких движений, чтобы Алиса не испугалась. Сначала комбез расстегнул, затем куртку, достал

блохоловку, блох почти не было.

— А это? — кивнула Алиса.

— Блохоловка, — объяснил я. — А это власяница.

— Вшей, что ли, ей умерщвляешь? — с презрением спросила Алиса.

— Не вшей, а блох, вшей у меня не водится. А умерщвляю плоть.

Алиса покивала.

— Ну да, я забыла, ты же из Рыбинска. Умерщвляешь плоть, чтобы возвысить дух, все понятно. Это убожество тоже снимай.

Я снял власяницу.

— Мать-тьма, а это-то что?!

На всякий случай Алиса даже назад шагнула.

— Вериги. Две на ребрах, одна в плече. Это для...

— Психи вы там, в Рыбинске! Это оттого, что рыбой все время питаетесь. В рыбе черви живут мелкие, они в голову по крови заползают и мозг точат. Вот от этого вы такие и дураки... Шею покажи.

Я показал шею.

— Не, вроде бы ничего... — сощурилась Алиса. — Шейкер не так начинается, действительно натер. Одевайся давай, рыбоед.

Торопиться я не стал, достал из рюкзака пороховую настойку, протер шею.

— Слушай, а ты на самом деле сюда за невестой пришел? — поинтересовалась вдруг Алиса. — Ты на самом деле дурак?

Я промолчал.

— Не чешишь, — успокоила Алиса. — Почти пришли уже, сейчас вниз спустимся, праведник... Тут уже рядом, вон за тем домом.

Улица закончилась, и я сразу почувствовал пространство. Пустоту, она всегда угадывается. Папа тоже почуял, заскреб лапой.

— Южный порт, — с какой-то гордостью сказала Алиса. — Вот.

Никогда таких ям не видел. Огромная, даже невероятная, наверное, в несколько километров шириной, а в длину вообще краев не видно. Дна в этой яме вовсе никакого не виделось — один железный мусор. Машины. Корабли — и большие и маленькие, некоторые лежали на боку, другие точно плыть готовились, а третьи были разорваны на части — мне это больше всего не понравилось, как будто какой-то страшный малыш баловался со своими игрушками, поломал и бросил за ненадобностью. Поезд. Самый настоящий, вагоны покорежены, лежит, изогнувшись, как дохлая гусеница. То ли сверху свалился, то ли из-под земли выскочил, непонятно.

Вертолет. Целый почти, без винтов, конечно. Стоит, стекла вроде бы целые. Вертолет — редкий продукт, не встретишь часто, все растащили давно. Потому что металл хороший. А лопасти и подавно — материал ценнейший, можно мечи вытачивать. Легкие и высокой убойной силы.

Растительности никакой. Да и во всем Порту тоже, железо кругом, ни травинки, ни кустца, на другом краю ямы деревья высохшие ветками растопырились.

Осыпавшиеся здания по краям ямы, а еще острые треугольные штуки, похожие на краны, наверное, это и были краны, только поломанные, и другая техника, уже ни на что не пригодная. Много и навсегда.

— Тут и есть вход, — сообщила Алиса. — В Нижнее Метро. Но без меня ты его никогда не найдешь, он тайный. Секретный то есть.

— Ага, — вздохнул я. — Так оно все и есть...

— Точно тебе говорю, неприступный совсем. Дождемся Соню и вниз полезем.

Мне место не очень нравилось, просторно слишком, просторы хороши средней просторности, а здесь перебор.

Алиса уже направилась к яме.

— Дождемся, — повторила она, — тут местечко есть специальное, ждать хорошо,

спокойно.

Мы принялись обходить яму по правому краю. Тяжело оказалось обходить — улица была забита машинами, причем как-то в два уровня, лежали друг на друге, как они умудрились так, не представляю. Сбоку и то не оставалось никакого места, приходилось по крышам лезть, что опасно, провалишься в ржу, кровь полыхнет антошкой, скончаешься в муках. Но Алиса знала путь, ступала по крышам уверенно, не провалились, вышли к кранам.

Я подумал, что больше всего эти краны, наверное, напоминают богомолов, такие же поломанные и неприятные. Машины вокруг, опять машины, прожухшие корпуса, без покрышек, насыпаны кое-как. Я сунулся было первым в эту мешанину, но Алиса поймала меня за плечо.

— Не, — сказала она. — Тут надо аккуратно... Вон к тому, видишь, справа лестница...

Мы двинулись к вон тому, самому высокому, Алиса полезла первой, предварительно выдала мне резиновые перчатки и обрезанные резиновые сапоги. И сама то же надела. Оказалось, что перчатки и сапоги как раз кстати, примерно на половине пути и без того круглые ступени лестницы стали еще и скользкими. Какой-то жир, без запаха и без цвета, скользкий чрезвычайно. Предусмотрено все. Если кто попытается влезть так, без сапог и перчаток, наверняка сорвется. И в лапшу, я никогда не пробовал лапшу.

Наверху имелась решетчатая площадка, на ней стоял старый диван. Настоящий, кожаный, объединенный с левой стороны всего- то чуть. Наверху жестяной зонтик. Золотой шарик. Несколько пластмассовых стульев, я сел.

Яма. Туча. Болтается в небе.

— Тут море было, — объяснила Алиса. — Корабли по нему плавали — вон, видишь, валяются?

— А потом?

— Потом под землю ушло. В Верхнее Метро, затем по шахтам вниз.

Алиса показала пальцем в землю.

— После Воды сверлили. Думали, если еще одна Вода приключится, воду вниз сбросят.

— В Московское Море? — уточнил я.

— Не знаю, может. Только вообще вся вода вниз убежала. И из рек тоже. Вернулась в землю. Ручейки остались, мелкие совсем. Да лужи.

— А ты эти шахты видела?

Алиса пожала плечами.

— Они все на Западе, — кивнула она. — За Третьим Кольцом. На нашей стороне две всего.

— Так видела?

— Издалека. К этим шахтам лучше не подходить близко.

— Почему?

— Шахтеры.

Это Алиса произнесла шепотом.

— Когда все началось, многие в метро спастись стали. Те, кто в Верхнем, сразу почти погибли...

— Почему? — перебил я.

— Кто ж в метро спасается? Входы на каждом шагу, вентколодцы, каверны везде — при Воде грунт оседал, некоторые улицы целиком проваливались. Водой затопило, газом пожгло, потом твари полезли. На Динамо целое кладбище под землю провалилось, представляешь, что там было? Целые тоннели труперов. Не, Верхнее Метро — гиблое место. И потом там темно везде, как жить?

— А в Нижнем?

Алиса улыбнулась.

— В Нижнем светло, его крепче делали. Там стенки сами по себе светятся — это раз, и на стопах электричество всегда есть. Так что умные спасались в Нижнем Метро. Конечно, туда тоже поналезло... Но немного. А затопленности там и вовсе никакой нет, сушь.

— А шахтеры?

— Шахтеры? Шахтеры думали, что они вообще самые-самые умные. Они знали, как там под землей все устроено, и хотели в своих шахтах спрятаться. И спрятались. Но только зря совсем.

Алиса поежилась, будто у нее тоже вериги имелись. Или шея была натерта.

— Укрыться-то они там укрылись, но не спасло это их...

Она замолчала.

— Их тоже погань достала? — спросил я.

— Неизвестно, кто их достал. И что с ними случилось. Но они... Они изменились. То есть теперь они не совсем уже и люди. Не знаю из-за чего. У нас некоторые считают, что они там свихнулись вниз. От темноты, от недостатка кислорода. Там пещеры, кажется. И потом...

Алиса плюнула.

— Там вроде микробы какие-то живут. Древние, которые миллиард лет назад еще были. И они могли шахтеров... Не знаю. Знаю, что к шахтам этим никто подходить не хочет. И что люди пропадают.

— Они всегда пропадают, — возразил я. — С чего это вы решили, что шахтеры?

— Ну... После них следы остаются. Не всегда, но часто. Сажа черная, каски... С шахтером лучше не встречаться. Особенно после заката.

Алиса кивнула на небо. Солнце медленно наливалось мрачным красным, с нижнего края отчетливо различалось темное, похожее на рыбу пятно, что являлось скверным знаком.

— После заката надо быть очень осторожным, — зловеще прошептала Алиса. — Очень, очень... Смотри, что покажу.

Алиса сунула руку в диванную прорешь и достала круглую жестяную коробку. Открыла. В коробке оказались фотографии. Этого места. Старые, видимо, еще допотопные. На них Южный порт совсем не походил на себя.

Была вода. Много. Никакой ямы, вместо нее гладкая поверхность, отливающая синевой и стреляющая солнечными зайчиками. На ней корабли. Большие, видимо, с грузами. И маленькие, белые такие кораблики, снующие между своими большими братьями, и даже корабли с парусами. Эти особенно красивые, похожие на птиц, мне сразу захотелось на этих кораблях поплавать, я никогда ведь не плавал.

На другом берегу город. Дома, как всегда, до неба, серебристые, похожие на молнии, только бьющие в небо. Между ними медленно покачивались толстые, как оранжевые огурцы, дирижабли, спешили куда-то вертолеты, и воздушные шары, похожие на... Ни на что не похожие. В нашем мире нет ничего похожего на воздушный шар, ничего даже в половину такого яркого, как воздушный шар. Кровь, разве что.

И солнце там тоже опускалось, на этой фотографии.

Так красиво, что у меня даже кулаки от обиды сжались — почему? Почему все так испортилось?

— Отчего все так произошло... — не удержался я.

Что-то меня этот вопрос стал занимать в последнее время. Не знаю, когда был жив Гомер, я не очень про это задумывался. Мир выглядел так задолго до моего появления, мир продолжал так выглядеть при мне, и я никогда не мог представить, что он может быть другим. А теперь вот стал. Почему-то. Стал представлять мир. Без волкеров, без маркшейдеров, без падей и хмарей. Гулять можно вечером. Без оружия.

— Интересно, а как вот все это началось? — спросил я. — Разом или постепенно? А может, и разом и постепенно...

И как? Только здесь, у нас? Или везде? Как оно все это выглядело? Погань полезла сразу из всех темных подвалов или был один, главный подвал?

Вообще, если начать рассуждать, то получается, что был. В одних местах погани гораздо больше, чем в других. Здесь, в Москве, ее больше, чем в Рыбинске...

— А ты веришь в возрождение?

Спросил я ни с того ни с сего.

Алиса не ответила. Отняла у меня карточки, спрятала в жестянку. Потом мы просто сидели и смотрели. Молча. Долго, наверное, час почти, солнце успело почти совсем спрятаться.

— Пойдем вниз, — сказала Алиса. — Пора...

— А Соня? Мы же тут Соню этого дожидались...

— Не придет. Соня не придет... Он должен был ждать, а он не ждет. Тут все понятно, видимо, задержался где.

Алиса кивнула на небо.

— Солнце садится, лучше нам вниз.

Сползать по сальной лестнице было гораздо неудобнее. Особенно в сумерках. Сумерки вообще плохое время, все кажется черно-красным, страшно.

Внизу Алиса нырнула в проход между машинами. Я за ней. Железные коробки возвышались в несколько ярусов. И другой железный мусор тоже, много его вокруг собрано было, годы скапливался. Может, даже когда еще вода стояла, он тут собирался. Мы шагали, Алиса, как всегда, впереди, я за ней. Не торопясь, шаг за шагом, и постепенно я начинал понимать, что мусор тут не просто так свален, что есть в нем определенный порядок. Я заметил подпорки, заметил тросы, удерживающие корпуса машин от расползания, заметил замаскированные рычаги. Ловушки. Опять ловушки. Хитрые. Точно — Алиса передвигалась весьма странно — избегала ровных, свободных от мусорных заломов участков, словно назло стремилась затруднить движение. Вместо того чтобы пройти между двумя машинами, мы пробирались через тесный салон, вместо того чтобы пройти по трубе, мы лезли под ней, а иногда ни с того ни с сего начинали карабкаться вверх по почти отвесному борту корабля.

Ловушка. Закрывает вход в Нижнее Метро. Если кто сунется чужой, или поганый, мрец, шейкер тот же, ловушки сработают, шейкера расплющит. Правильно придумано, в таком месте требуется осторожность. Аккуратность.

Продвигались мы, кстати, молча. Даже дыхания не различить.

Наверное, поэтому я и услышал щелчок.

Я его сразу узнал — с одной стороны нашу станицу охранял сломанный лес, с другой болото, с третьей капканное поле. И минное тоже. Гомер отлично ставил растяжки. Проволока, штырь, старая граната.

Проволока прозвенела, и тут же щелкнул взрыватель. Шесть секунд. А Алиса не поняла.

— Что это? — спросил она.

— Бежим! — рявкнул я.

За три секунды... Ничего не успели за три секунды, куда успеешь за три секунды? Я заметил грузовик. Перевернутый. С мощным кузовом. Под него мы и закатились.

Взрыв. Все подпрыгнуло, уши сжало, завизжал Папа, скрежет возник со всех сторон и уже не прекращался, мир рушился. В укрытие ворвался огонь, посмотрел мне в глаза и поцеловал в правую щеку.

Глава 12

Упоение

После чего осмотрел приклад. Стукнул его обо что-то, падая по трубе.

Так и есть, раскол! Широкий, можно вполне просунуть ноготь. Нехорошо.

Приклад я менял уже два раза, и всегда это было чрезвычайно болезненно — приходилось подстраиваться, привыкать, от этого всегда страдает кучность, а она у гладкоствола и так не на высоте.

Трещину в прикладе следовало устранить, причем немедленно, не хватало, чтобы он при выстреле раскололся. Достал проволоку, вороток, перетянул в три хомута. На первое время хватит.

Проверил пулю, капсюль. Все на месте, хороший у меня карабин. Теперь стоило заняться текущими проблемами. Я огляделся внимательнее.

— Не пройти, — Алиса пнула камень. — Не пройти...

Мы стояли в тоннеле. С одной стороны перед нами был завал, с другой в пустоту убегали рельсы. Я жег факел, свет выхватывал из мрака стены и перепуганное лицо Алисы. Перепуганное, с удовольствием отметил я.

— Здесь должен быть ход, — Алиса указала на завал. — Ход... Это Верхнее Метро, здесь люк, вниз вел. Лампа еще...

— Здесь был ход, теперь его нет, — сказал я. — Прекрасно. Прокопать можно?

— Бетон, — Алиса помотала головой. — Толстый, не проковыряешь.

— Отлично.

— Может, взорвать? — спросила Алиса. — У тебя же порох в бутылках. Ты взрывать умеешь?

Я зевнул. Сунул факел Алисе.

— Подержи.

Стал изучать стены.

Пробить ход в бетоне можно. Устроить направленный взрыв, вырезать дыру в метр. Если бы не одно. Мы находились в туннеле. Замкнутое пространство. Ударная волна. Не убьет, так искалечит. Взрыв отпадает. Если бы был напалм, попробовать прожечь...

— У тебя напалма нет? — спросил я.

Алиса помотала головой.

— Взорвать не получится, — сказал я. — Уши раздавит. Да и голову. К тому же завалы живые, могут просесть. Так что тут не проберемся. Как-то еще можно пробраться?

Нос у Алисы дернулся.

— Видимо, по туннелю? — спросил я.

Алиса кивнула.

— Далеко?

— До соседней станции. За ней есть вход...

— За ней?

— Да. Надо пройти через станцию... — Алиса как-то поежилась.

Понятно. Надо пройти через станцию. Наверное, это не так-то просто. Наверное, там какие-то сложности. Судя по тому, как скривилось лицо Алисы, ничего хорошего там ожидать не приходилось.

— Там Коломенская, — сказала Алиса.

Точно мне это что-то объясняло.

— И что? — спросил я.

— То. Увидишь.

Я припомнил картинки на столбе. Маркшейдера, затыг, прочих кровожадных героев. Видимо, поход предстоял безрадостный.

— Кто там? — спросил я.

— Жрецы.

— Мрецы?

Мрецы. Дохлаки. Труперы. Язычник, он же голем. Ходячая мертвечина. Неприятно, но ничего страшного, во всяком случае, особо. Можно перебить, а большими стаями они никогда не держатся, может, штук пять от силы, больше десяти никогда не встречал.

— Я жрецы сказала, — поправила Алиса. — Это такие...

Алиса показала руками.

— Жрут все подряд, даже кости. Даже камень могут жрать, если ничего другого не найдут. И прыгают.

— Крысы вроде как?

— Крысы?! — Алиса хмыкнула. — Крысы — это просто прелесть! Это жрецы. У них зубы...

Показала мне палец. Мизинец.

— Твоя пукалка не очень пойдет... Ладно, увидишь. Другого пути все равно нет.

— Кстати, где твой мазер? — осведомился я.

Алиса пожалала плечами.

— Потерялся, — сказала она. — Ничего, там, внизу, много их. Ну что, пойдем?

За поворотом обнаружилась решетка. Примерно такая же, как на клетке с Папой, только больше. И очень мелкая — кулак не просунуть. Отчего я заключил, что эти самые жрецы действительно похожи на крыс. Во всяком случае, размером. А все малоразмерные животные обычно держатся стаями.

Не удержался, представил стаю жрецов. Веселого мало. Крысы — и то опасными бывают, если голодные, или сбесятся если, или если много их. Ладно, посмотрим.

Перезарядиться.

На случай атаки мелких тварей имелась мелкая дробь. Немного — полфунта где-то, в пластиковом пузырьке. Насыпал половинный заряд пороха — мощный разлет нам ни к чему. Дроби, наоборот, побольше. Выстрел разойдется зонтиком в небольшом объеме, поражающая область будет максимальной. Добавил свинцовых опилок. Чуть самую, для усиления.

Заряжался, читал тропарь меткости. Алиса наблюдала за мной с ухмылочкой, умеет она ухмыляться, давно заметил. Ладно, пускай. Женщин надо беречь, Гомер всегда так говорил, женщина — редкое животное...

Закинул за спину карабин. Достал плетку.

— Слушай, Калич, только не начинай, — хихикнула Алиса. — Не время сейчас, потом по спине себя хлестать станешь...

Я медленно свинтил с рукоятки наконечник с кожаной плеткой, поставил на ее место другую. Сам сделал. Тонкая проволока, семь хвостов, и на эту самую проволоку нанизаны сверленные стальные шарики. А на конце хвостов тяжелые и тоже стальные кубики, оружие неплохое. Особенно против мелкой погани. Например, когда лемминги откочевывают, можно вполне отбиться.

Плетку закинул на плечо, в левую руку взял секиру от жнеца. Я одинаково хорошо владею обеими руками, секиру и плетку можно легко поменять.

— О! — с притворным восхищением сказала Алиса. — Берегись, мертвечина, к тебе идет мужчина!

И рассмеялась.

— Ну? Смеяться будем или делом займемся?

— Да ты герой! — Алиса хлопнула в ладоши. — Героический герой!

— Так мы идем или нет? — спросил я.

— Минуточку...

Алиса шагнула к куче мусора, раскидала ее по сторонам, достала огнемёт. Я его сразу опознал, у нас тоже раньше был, пока горячее оставалось. Потом на примус переделали.

— Можешь прятать свои плетки, — покровительственно сказала Алиса. — Обойдемся без твоих железячек, не трясись.

Я поглядел на Папу. Папа смирно сидел в своей колыбели, кажется, спал. Что-то не так было с этим огнеметом, Папа вполне однозначно реагирует на запах горячего, бензин его выворачивает, а от керосина так и вообще с ума сходит. Звереет.

— У нас тут все предусмотрено, — Алиса потрясла огнеметом. — Это тебе не Рыбинск...

— Мне кажется, он испорчен.

— Это ты испорчен, — огрызнулась Алиса. — Причем еще до рождения. В сторонку отойди, а то вихры опалю...

Алиса открыла клапан форсунки. Огнемёт даже не зашипел. Даже не пшикнул.

Она принялась щелкать клапаном, я терпеливо ждал. Из огнемёта не выплеснулось ничего.

— Высох, — объяснила Алиса.

— Ну-ка, дай...

Я отобрал у Алисы оружие.

В огнеметах я не очень хорошо разбирался, но тут и разбираться особенно не пришлось — в емкости для горючей жидкости была вода.

— Вода, — сказал я и бросил баллон на рельсы. — Запасные есть?

Алиса полезла в мусорную кучу и достала два запасных баллона, один белый, другой красный. Я отобрал красный, проверил. Смеси не было, вода, обычная вода. В белом баллоне тоже.

— Странно... — Алиса смотрела на баллоны с удивлением. — Почему вода...

— Действительно, — сказал я. — Просто смешно.

Я постучал баллонами, затем швырнул их в стену.

— Нож возьми, — велел я.

Алиса вооружилась ножом.

— Хорошо, — оценил я. — Держись у меня за спиной. Не торопись. Сколько километров до Коломенской?

— Не знаю. Три, наверное, меньше... Слушай, почему в баллонах вода? Я не понимаю... Горючее могло переделаться в воду?

— Такие случаи бывали, — сказал я. — Только очень, очень давно. Так давно, что и представить нельзя. Правда, это было не горючее, а вино. Горючая смесь не выдыхается. И не испаряется — она слишком густая. Так что воду в баллоны скорее всего налили.

— Зачем? Зачем наливать?

— Затем, чтобы в нужный момент огнемет не сработал, — сказал я. — Другого объяснения нет.

— Но ведь можно просто поменять баллоны на пустые...

Алиса выглядела растерянно.

— Нельзя, — возразил я. — Пустые баллоны — они пустые, легкие и звенят, с полными их не спутаешь. Вот сейчас бы мы туда...

Я кивнул за решетку.

— Мы бы туда полезли, а там жрецы. Много их. Ты бы стрельнула, а ничего. Сожрали бы, косточек не оставили. Кто-то хочет тебя убить.

Алиса рот аж раскрыла.

— А что ты удивляешься? Все на это указывает. Там...

Я ткнул пальцем в потолок.

— Там была явная ловушка. Растяжка, и все заминировано. Нас чуть не сплющило, между прочим. Это раз. Вот это...

Я пнул пустой баллон, он со звоном покатился по шпалам.

— Это два. Горючку слили, это ясно. У тебя есть враги?

— Полно, — тут же ответила Алиса, даже не думая. — Врагов, как грязи. Вот этот Айвазик...

— Нет, — перебил я, — такие враги, которые бы очень хотели тебя убить? Смертельные?

Алиса немного подумала, затем помотала головой.

— Нет. Таких, наверное, нет...

— Понятно. У меня тут тоже врагов быть не должно... — я вспомнил Рябого и его банду. — Ну, то есть никто мне мстить не станет. А кого-то из нас пытаются убить. У тебя какие-нибудь мысли есть по этому поводу?

Алиса принялась думать, целых пять минут думала, но никаких мыслей так и не выдала.

— Нет, — сказала она. — Не могу придумать. Айвазик — он, конечно, на меня рассердился, но так, чтобы убить... Нет, вряд ли.

— Ладно, — я поправил шлем. — Нет — так нет. Тогда чего ждать, пойдём.

Я снял с крючка на стене ключ.

— А как мы... — Алиса кивнула на огнемёт. — Там же...

— Других путей все равно нет... Держи факел крепче.

— Факел не нужен.

Алиса шагнула к стене, к железному ящику, открыла дверцу, повернула что-то внутри.

Над головой зажегся свет. Яркий, наверное, факелов в пять. Круглый.

— Электричество, — сказала Алиса. — Из Нижнего Метро кабель протянут. Я же говорю, у нас все предусмотрено. Первый раз видишь? Это лампочка называется...

С электричеством я был знаком только по рассказам Гомера, он когда-то его видел и говорил, что электрический свет всегда белый, не настоящий. А этот был вполне желтый, как маленькое солнышко.

— Эх ты, Рыбинск... — вздохнула Алиса, и я повернул ключ в замке.

Следующая лампочка светила уже за поворотом. Туннель мало отличался от того, по которому мы уже бродили и в котором встретили какого-то там водолея. Кстати, этого самого водолея на той разрисованной стене не было, я спросил об этом у Алисы.

— Он там дальше нарисован, — объяснила Алиса. — На тех плитах, что упали. Там еще много разных тварей...

— А почему их так много-то? — спросил я. — И почему они такие разные? Вот у нас...

— У вас в Рыбинске ничего нет, даже электричества, — твердо сказала Алиса. — А у нас есть.

— Это не объяснение, — сказал я. — У нас вот никаких затягов нет...

— Ну да, у вас одни волкеры воют, знаю я про ваш Рыбинск.

— А если серьезно?

Алиса пожала плечами.

— Тут много просто всего разного было, — сказала она. — Лаборатории всякие — там животных мучили, а иногда и переделывали. Потом... Да не знаю я, из-за чего тут всего развелось.

— Ну ладно, животные, — сказал я. — Может, как-то они изменились. Вот раньше, Гомер рассказывал, были волки. От людей подальше держаться старались, своими делами какими-то там занимались. А сейчас волкеры. Это же... Погань просто.

Алиса кивнула.

— У нас их тут мало, — сказала она. — Редко забегают, собаки обычно... Слушай, а этот вот волкер, он от старого волка произошел, как ты думаешь?

Я не знал. Старых волков я на картинках только видел. А волкер... Больше раза в полтора, шерсти нет, зимой в спячку закладывается. Зубы ядовитые, в два ряда, плевать еще ими умеет. Старые так не могли.

— Не знаю, от кого они произошли. Мне кажется, что не могли так вот волки поменяться. Новые эти.

— Откуда тогда все? Из геенны огненной?

— Ага, — подтвердил я. — То есть необязательно, что оно оттуда напрямик лезет, нет... Хотя, может, и напрямую.

Мне представилась здоровенная дыра в земле, черная, глубокая и огнем оттуда жарит, дым серный валит, и из нее такими бесконечными шеренгами поднимается всякая погань: мречь, волкеры, жнецы...

А ям тут, в Москве, кстати, много. Что верный признак.

— А рубцы тогда как? — спросила Алиса. — Они же железные. Это же не животные, это же машины? Тоже из геенны?

— Запросто. А почему нет? Есть бесы с ногами, а есть и железные. Какая разница? Ты видела, как они взрываются? У них адский огонь внутри...

Алиса громко постучала себя по голове.

— Это роботы, придурок, — сказала она. — Ты что, еще не понял?

— Роботы?

Про роботов я немного знал, Гомер сказки рассказывал. Люди такие железные, раньше жили. Работать очень любили — потому и роботы. Очень человеку помогали, потом их чинить перестали, они все испортились, заржавели и поломались. Жнец совсем на робота не похож.

— Никакие это не роботы, — сказал я. — Роботы всегда помогают, а эти помогают чем?

— Это боевые роботы, — сказала Алиса.

— Зачем? — не понял я.

Показалась следующая лампочка. Дальше туннель шел прямо, и лампочки висели одна за другой, забавное зрелище, грустное такое. Как желтые груши. Далеко видно, трубецкая труба, никогда таких долгих не видел.

— Как зачем? Китайцев уничтожить. Я же тебе рассказывала — Вода, потом китайцы поперли, их Китай же провалился. До китайского бешенства тут китайцы кишели просто, надо же было как-то с ними бороться? Вот и придумали жнецов. Они на китайцев охотились, а людей не трогали.

Я хмыкнул и сказал:

— Ерунда. Я вот не китаец, к примеру, почему тогда они ко мне всегда привязываются?

Алиса хлопнула в ладоши.

— А с чего ты вдруг решил, что ты не китаец? — спросила она. — Откуда ты знаешь, какие китайцы были? А?

Я действительно не знал. Но при этом я совершенно не чувствовал себя китайцем. Наверное, если бы я был китайцем, то как-то об этом знал бы.

— То-то и оно. Мы не знаем. А может, мы китайцы и есть. Поэтому рубцы за нами и охотятся.

— А на животных они почему охотятся? — не соглашался я. — На кабанов? Я что, не только китаец, а еще и кабан, что ли?

— Не знаю... Может быть. Воняет от тебя как от кабана. Даже хуже. Может, рубцы эти по запаху прицеливаются.

— От самой от тебя воняет, — обиделся я.

Ну, сделал вид, что обиделся. От нас ото всех воняет, ничего тут не поделаешь. Так воняет, что вони этой мы почти уже и не замечаем.

Мы медленно шагали по тоннелю. Воздух был влажен и неподвижен, точно помер, и мне это не очень нравилось. Слишком много мречины.

— Не дуйся, Калич, — хихикнула Алиса.

Настроение у нее стало снова хорошее. Забыла она про этих жрецов. А я помнил. Нож и плетку держал наготове, хотя если честно, мне очень хотелось отхлестать Алису.

— А почему мертвецы тогда ходят? Почему как человек помирает, его жечь надо или в кусочки рубить — иначе гулять отправится? Это, между прочим, прямое указание.

— На что?

— На Предел Дней.

— Опять! — Алиса хлопнула в ладоши, и по тоннелю запрыгало эхо. — Кто о чем, Рыбинск о корюшке. Это болезнь. Некрогенез. Мы ею все боеем, только не замечаем. А когда умираем, болезнь уже сама организмом управляет, вот мертвецы и встают. Потом уже...

Послышался шум. Я снял с плеча карабин.

— Это ручей, — прошептала Алиса. — До ручья они редко встречаются...

Через лампочку показался сам ручей. Он вытекал из правой стены, проходил наискосок к левой и скрывался в обросшей белой плесенью дыре.

— Тут можно пить. Вода чистая.

Воды не помешало бы, но пить я не стал. Впереди эти жрецы, а с ручьем в желудке особо не помахнешься. Но запасы пополнить стоило. Я опустил к ручью Папу, он подумал немного, принялся лизать. Вода нормальная, ну, может, только паразиты какие.

Я решил тоже, не попить — рот освежить, наклонился к воде. Дно ручья выстилал белый, похожий на звезды песок. На этом песке лежали остроносые, с ладонь длиной сомики.

— Что, старые знакомые? — не удержалась Алиса.

— Сомики, — сказал я, — у нас тоже есть. Похожие. Из них похлебку можно делать...

— Не сомневаюсь.

Мы немного постояли у этого подземного ручья, послушали, как журчит вода, посмотрели на сомиков, потом перешли его вброд.

После ручья мы молчали. Я слушал и смотрел по сторонам. Вряд ли жрецы кидаются из засады, скорее всего набрасываются скопом. Бесшумно скопом наваливаться нельзя. Значит, неожиданностей не случится.

Вдоль по стенам тянулись обрывки толстых проводов, обгрызенные вместе с металлом.

— Это жрецы, — шепотом пояснила Алиса. — Они все едят, даже железо.

Я подумал — хорошо, что есть Кольцо. МКАД этот. Потому что если бы его не было, вся эта мерзость полезла бы к нам. А у нас своей мерзости хватает.

Шагали. Постепенно к свету лампочек стал примешиваться и другой, дневной. Я вопросительно повернулся к Алисе.

— Там поверхность близко, — объяснила она. — Пролом.

— Эти жрецы — они точно там живут?

— Точно. Без огнемёта не пройти. Вряд ли там кто-то новый поселился, никто связываться не хочет.

— Ясно...

Я огляделся. Трубу увидел. Обрезок. Поднял и с размаху ударил в рельс. Звук получился громкий и протяжный.

— Ты что?! — в ужасе прошептала Алиса. — Может, проскочили бы! А ты...

— Не бойся, — сказал я. — Сегодня мы все равно не умрем. Что-то мне подсказывает...

— Дурак!

— Стой тут, — приказал я. — Стой и ничего не бойся. Если начнут прорываться — беги к ручью.

Я стукнул еще. Еще и еще, и стучал, наверное, с минуту. Отбросил трубу. И сразу услышал. Писк. Примерно такой же, как у крыс, только еще с щебетаньем. Улыбнулся.

— Дурак... — прошептала Алиса. — Теперь точно сдохнем...

— Не-а, — сказал я. — Не сдохнем.

Сунул ей клетку с Папой.

— Я свистну, — сказал я. — Когда придет время.

Опустился на рельс. Достал из рюкзака шпоры. Это так называется шпоры, на самом деле это устройства целые. На правую ногу крепится небольшое лезвие, сантиметров десять, для короткого удара. Впереди клинок, на каблук шип. На левую ногу лезвие подлиннее, и чуть загнутое внутрь, похожее на серп. На каблуке тоже шип — чтобы лягнуть, если сзади подберутся. Оружие опаснейшее, умелый боец такими шпорами леммингов может просто косить.

Закрепил шпоры, проверил, пошагал навстречу приближающемуся визгу.

Неожиданность случилась. На такое количество я не рассчитывал — навстречу по тоннелю катился серый медленный ком, так мне показалось сначала. Однако, приглядевшись, я обнаружил, что это вовсе не ком. Твари, размером примерно с Папу. Подпрыгивали. То есть они не бежали, как крысы или собаки, а прыгали. Как кенга, только маленькие, конечно.

Еще я заметил глаза. Много, черная брусника. Голодные, конечно. Все хотят жрать, у всей погани, как правило, очень хороший аппетит. Вот взять козу, животное чистое, полезное. Так она никакого мяса не ест, только травку. Интересно, а что они жрут? Трупы, наверное. Мрецов, големов разных, друг друга. Погань — она не может траву есть...

Жрецы. А цвета, как крысы.

Я ждал.

Когда ком приблизился метров на пять, выстрелил.

Карабин выплюнул облако дробы. Свинцовые опилки расплавились и вылетели из ствола раскаленным ураганом. Приближающийся ком рассыпался. Большую часть разорвало дробью, некоторых покалечило, они с причитаниями кинулись прочь. Лучшее всего подействовали опилки — при попадании они подпаливали шерсть — наверное, десяток жрецов загорались по туннелю горящими комками.

Не ожидал такого эффекта. Мощно получилось. У меня талант, я всегда очень хорошо убиваю.

Впрочем, со стороны станции тут же подоспело подкрепление, следующая волна, погань, не теряя времени, принялась пожирать трупы своих братьев и родственников, так я и знал — погань, она всегда сама собой питается.

Увлечшись полдником, обо мне они забыли совсем — одурели от неожиданного мяса, от крови или не знаю, что у них там. Я даже успел перезарядиться. И выстрелил еще. Копышущую кучу раскидало по сторонам, тоннель наполнился диким визгом, вонью разбрызганных кишок и паленой шерсти, горящими прыгающими мячиками, оставшиеся узрели обидчика и кинулись на него. На меня. Я тоже двинулся в наступление.

В любом бою есть несколько основных правил. Если на тебя навалился кто-то крупный — стреляй и отступай, не давай ему приблизиться. Удар — шаг назад, выпад — отступление. Крупного лучше бить по конечностям. Лучше в лапу. Вот волкер, если нападает, по морде его бесполезно — иногда даже пули отскакивают. По лапам надо стрелять. Или топором. С перебитой лапой волкер не боец. Тебя догнать не сможет, а ты его запросто. Перебил одну лапу — и все, дальше драться он не будет. Спокойно берешь — и во вторую лапу. И все, потом топором. Ну, если не стайей, конечно, тебя прижали.

Мелочь, наоборот, надо — с первого удара, и желательно по башке. Лучше же всего, чтобы с одного удара сразу несколько штук. А вообще, главное — чтобы не зашли со спины, на спине рук пока не придумано. Поэтому я двигался вдоль правой стены, если враги атаквали массированно, прижимался к бетону.

И бил.

На меня прыгала тварь — я срубал ее в полете плеткой, тут же с размаха, разрывал жреца, вцепившегося в сапог сбоку, затем удар левой — секирой, затем снова плеткой, затем шпорой, длинным лезвием раз — и две башки покатались. И еще. Еще.

Неплохо. Главное — держать равновесие, не позволять вцепиться. Удар-удар-шаг, удар-удар-шаг, я продвигался вперед, оставляя за собой смерть. Как настоящий жнец. Только не поганый, а праведный.

Не очень сложно, не то что с леммингами, они мелкие, трудно попасть, а бегут от горизонта до горизонта, и все бешеные, свирепые. Тут проще, раз-два. Наверное, огнеметом было бы еще лучше, но я и так справлялся.

Не спешить. Когда до станции осталось совсем немного, мне захотелось побежать. Раскидать жрецов, добежать до платформы...

Опасно. Запнешься — все, больше не поднимешься. И я не торопился. Истреблял, я ведь истребитель. Пусть это была не моя станица, не моя земля, но все равно. Человек должен бороться со злом. Наши предки, ну, давным-давно, которые, отвоевали себе планету, всех тогдашних волков загнали по норам, львов перебили и в зоопарки посадили, из коркодилов сапог понашили, как надо все устроили. И мы так сделаем. Перебьем всех, кто только осмелится. Всех...

— Всех! — рявкнул я.

От неожиданности жрецы отхлынули, я сделал несколько шагов вперед, убил еще три штуки.

Они напали снова, и я снова стал убивать. Секира, плетка, шпоры. Вперед. Тропарь. Четыре, смерть бежала по дорожке, подвернула свои ножки...

Вперед. Под ногами чавкало, хрустело и пищало, я был забросан кровавой кашей, ошметками, зубами, приходилось периодически протирать забрало шлема от юшки.

Постепенно я вышел из туннеля. Слева тянулась платформа с квадратными колоннами и низким потолком. Я забросил на платформу карабин, секиру и плетку, забрался сам. Жрецы запрыгивали на платформу легко, едва я влез, как на меня накинута целая стайка, пришлось работать секирой.

У поганных тварей имелось одно очень положительное свойство — они очень хорошо разрубались. С одного удара. Зубы, головы, лапы летели в разные стороны, я зачищал местность.

А потом я заметил, что ору. Кричу, нанося бешеные удары, получаю удовольствие от крошащейся плоти, больше даже, мне хочется убивать и снова убивать. Я впал в грех кровожадности, в этом не было никакого сомнения. Но остановиться я не мог, мне хотелось уничтожить как можно больше этих жрецов. Всех, всех их уничтожить, разорвать, стереть в кровавую жирную пыль, чтоб ни одного не осталось.

Безумие.

Я вспомнил, Гомер читал нам стихи. Давно, наверное, тогда я был не только ниже колеса, ниже ступицы. Гомер много стихов знал, нас заставлял учить, да мы не запоминали. Наверное, для того, чтобы стихи запоминались, надо в человеческом обществе жить, а не как мы.

Как там точно, я не помнил, только смысл. Есть упоение в бою, у мрачной бездны на краю, и в урагане, и в заморозках, и даже в сыти есть какое-то свое упоение. Правда, я не представлял, как такое может случиться. Какое упоение, когда уши отваливаются?

Но в этих стихах была своя правда, вот сегодня я это почувствовал. Раньше со мной такого не случалось, я рубился холодно и свободно, как Гомер и учил. И убивать не хотелось, только чистить-успокаивать.

А сейчас хотелось. Я ненавидел этих тварей, хотел их смерти, разорвать на кусочки хотел. Чтобы мир очистить, чтобы потом люди могли жить спокойно и сочинять стихи.

Но ничего. Придет время. Уже скоро. Предел Дней — это не дно, пусть поганные не надеются. За Пределом все заново заведется. Когда погань, казалось бы, окончательно восторжествует и возьмет власть, тут-то им конец и наступит. Гавриил затрубит в трубу — и рев ее очистит от погани воздух, вся эта мерзость, все болезни, вся строка, вся плесень, все сгорят и падут на землю. Пройдет очищающий дождь, и сама земля очистится от ловушек, от падей, хлябей, трясин и иной гадости, станет доброй и веселой. Облачный Полк сойдет с небес во главе с Михаилом, в правой руке у него пылающий красный меч для погани неразумной, в левой молот для погани человеческой, для всех этих бомберов — рейдеров — сатанистов. Облачный Полк разойдется по частям света и сотрет всех, кроме тех, кто оставался верен.

А потом у нас снова будут стихи. И электричество везде. С лампочками.

Вот. Я пнул напрыгнувшего жреца, лезвие пропороло его насквозь.

Жрецы продолжали прибывать. В основном из туннеля, выдавливаясь уже редкими порциями, некоторые выскакивали из стен, через небольшие дыры, а некоторые падали с потолка. Видимо, тут у них гнездовище находилось.

Я не чувствовал усталости. Плетка покрылась красной дрянью, обросла мясом и шерстью и выглядела совершенно страшно, работать ей стало тяжело и неприятно. Периодически я стучал ее об стену, сбивая с хвостов и рукоятки рубленую погань.

Вокруг скапливалось мясо, я разозлился, раскидал сразу несколько жрецов.

И остальные отступили. Действительно отступили. Отхлынули и держались теперь поодаль, собираясь с силами для нового приступа, все-таки они были не окончательно безмозглые.

Я оглянулся на свой путь и с удовольствием отметил, что их много. Смерть, из туннеля разливался ее густой запах. Выжившие с удовольствием поедали раненых. Впрочем, погань не знает смерти, потому что не живет.

— Так вот! — крикнул я. — Так!

Первым делом перезарядился. Снова дробью и тертым свинцом. Пороха побольше, прицелился в отступивших жрецов, выстрелил. Ошметки, огонь, верещание.

Огляделся.

Платформа мне понравилась. На самом деле в центре станции имелся пролом, в него шел дневной цвет, в несколько струй текла вода, от этой воды в камне платформы образовалась промоина с небольшим озерком. Отметил, что в этом озерке расположились очень красивые кувшинки, необычного розового цвета. И радуга стояла.

Сама платформа длинная и по обеим сторонам квадратные колонны. Целых мало, большая часть выщерблена, а некоторые вообще посередине как перекушены, только железные штыри торчат. Из-под потолка свисали жухлые веревки с многочисленными узлами, для чего они предназначались, неясно.

Перезарядиться не успел, жрецы оживились и стали запрыгивать на платформу. Не очень удобное место для боя, я поплотнее встал спиной к колонне. Теперь жрецы напрыгивали не скопом, а поодиночке, что значительно облегчало мне задачу.

Из тоннеля показалась Алиса. Шагала, стараясь не наступать на поверженных, но их было так много, что у нее не получалось. В обнимку с Папой.

Жрецы снова почти кончились. Вокруг меня валялись их куски, много, но мне хотелось больше, проснувшийся во мне убийца требовал продолжения.

— Сюда иди! — позвал я Алису.

Стал перезаряжаться.

Алиса уже почти выбралась на платформу, но несколько внезапных жрецов запрыгнуло ей на спину, Алиса потеряла равновесие и завалилась назад. И тут же исчезла, вот была Алиса — и вот уже десятки жрецов, визжат, щелкают зубами, пытаются разодрать когтями.

Влипла. Стрелять было нельзя, и мне пришлось снова спрыгнуть на рельсы.

— Ко мне! — рявкнул я. — Ко мне идите!

Они все кинулись на меня, и Алиса смогла подняться. Я же перехватил поудобнее секиру и плеть и собрался к бою, сжав зубы и прикусив язык.

И вдруг что-то случилось. Жрецы остановились. И перестали прибывать, будто приморозило их всех. А затем они кинулись прочь. Разом забыв про меня. Серая волна расплывалась, исчезала в норах, молча, без визга, без ругани, даже как-то организованно. Несколько мгновений — и тишина.

Только звук падающей сверху воды. И мы с Алисой. Стояли.

— И что? — спросил я.

— Не знаю...

Алиса закинула Папу на платформу, стала забираться. Медленно и устало. Я подсадил. Попробовал, вернее. Алиса оказалась тяжелой, как два мешка зерна, поднял ее с трудом.

Она перевалилась на спину и сказала:

— Ты их всех убил.

— Не, — я запрыгнул рядом. — Не всех еще, убежали.

— Да уж... Слушай, а это впечатляет. У вас в Рыбинске все такие?

— Ага. И даже лучше. Слушай, а ты это... Не хочешь со мной пойти?

Алиса рассмеялась.

— Куда? В Рыбинск, что ли? Ну ты, Калич, совсем... Перегрелся в бою. Я в ваш Рыбинск умирать и то не поеду. Слушай, а зачем мне в Рыбинск? За тебя, что ли, замуж?

— Ну...

Алиса расхохоталась еще задорнее, смех отражался от колонн, и отчего-то казалось, что вокруг смеется все.

— Жених, — Алиса ткнула меня в бок. — Слушай, жених, ты хоть целоваться умеешь?

— Ну, конечно...

— Да нет, я понимаю, что ты там у себя на налимах натренировался, я по-настоящему имею в виду. С девушкой то есть?

Я промолчал.

— Ты когда хоть девушку последний раз видел?

Последней девушкой, которую я видел, была старая Шура.

И оба уха у нее были съедены сытостью. Но про это я не рассказал.

— Все с тобой понятно, — Алиса села. — Плохой ты жених, Калич, придется тебе в канализацию нырять... Ладно, хватит валяться. Идем дальше.

Я поднялся, и мы отправились по платформе. Возле разлома в потолке я забрел под падающую воду и смыл кровь с себя, с оружия. Затем прошел к середине водоема и сорвал розовые кувшинки.

Не знаю почему, почувствовал, что мне их надо сорвать и подарить Алисе. Толчок какой-то. Наверное, потому, что цветы у нас редко встречаются, так же редко, как женщины.

Долгие стебли потянулись из воды, я подрубил их шпорой. Подошел к Алисе, которая умывалась у ручья, протянул.

— Не, ты придурок, — покачала головой Алиса. — Кто ж два дарит?

— А что?

— Ничего, — Алиса взяла цветы. — Спасибо. Пойдем, не нравится мне здесь что-то, тихо вдруг.

Действительно тихо. Только вода. Звук падающей воды — самый приятный звук в мире, пчелы еще хорошо жужжат.

Тихо, жрецы опять же отступили, никакого помойного скрипа-скрежета.

— Почему они ушли? — спросила Алиса. — Не нравится...

— Тут все как раз просто, — ответил я. — Они стаями живут, кучей. У них, значит, что-то вроде общего разума. Когда я перебил большую часть, они поняли, что это ставит под угрозу всю шайку, — и убежали. Сейчас будут по норам размножаться...

— Жрецы, они как муравьи, — негромко сказала Алиса.

— Я же говорю — общий разум. Муравьи... Постой. Как это муравьи? Муравьи, они ведь разные...

— Пойдем, — Алиса схватила меня за руку, потащила.

На стенах станции сохранились буквы, все разрозненные и линиялые, ближе к центру я прочитал «ломенская», видимо, «Коломенская». Алиса торопилась, тащила меня, но мы не успели. Папа завыл, через прутья клетки проросла вздыбленная шерсть, белые гладкие плиты под ногами дрогнули. Закачались веревки, свисающие с потолка, — приближалось что-то большое.

— Я же говорила... — прошептала Алиса.

И тут же в туннеле рявкнуло.

Надо было перезарядиться. В стволе сидела мелкобойная дробь, судя по реву, нужен был мощный жакан.

Я подбежал к правому краю платформы, направил ствол в темноту туннеля, выстрелил. Дробь засвистела по тоннелю.

Во что-то я попал. Во всяком случае, в ответ из темноты рявкнули гораздо более злобно.

Я быстро перезарядил карабин. Положил в ствол жакан. Выбрал особый, на нем я собственноручно вырезал тропарь Убойный, аккуратно, по конусу пули, чтобы не содрался при выстреле.

— К выходу! — крикнула Алиса.

Но я не собирался отступать. Во-первых, с меня еще не сошла злоба. Хотелось убивать. И это хотение стоило претворить в жизнь, в противном случае оно отложилось бы в крови разъедающей солью, отравило бы организм. Надо было довести смертельные дела до конца.

А во-вторых, мне хотелось посмотреть Нижнее Метро. Там наверняка было много полезных вещей. Порох, например. Инструменты — надо чинить приклад. Может быть, даже фильтр для противогаса. Если там горело электричество, если люди могли там делать вот такие мазеры, то там и другое полезное могло найтись.

В-третьих... В-третьих, я все-таки надеялся. Ну, на невест. Нет, я не дурачок, я почти сразу понял, что невест там никаких нет. Вернее, они есть, но никто мне их не даст — они же не дураки. Но... Но вдруг получится как-то уговорить? Или еще что, чудеса ведь случаются, я знаю. Не должен был я отступать, не должен.

Надежда остается всегда.

Рывкнуло совсем рядом.

Я приготовился. Поднял карабин и стал читать убойный тропарь.

Глава 13

Кошмар

Это была их мама. Или папа. Я не понял. Но это и неважно, тварь оказалась раз в пять крупнее обычного жреца, зубы острее, скорость выше. Сатана, воплощенный в мерзкую подземную сверхкрысу. Едва он на меня поглядел, как я все и понял. Я перебил его паскудных бесенят, и он вышел на бой со мной лично. Поквитаться за разрушенное семейное счастье. Остановить меня.

Вообще-то я давно хотел такого. Готовился. К Большой Схватке. Чтобы окончательно переделаться из выживателя, крадущегося подле, в истребителя, шагающего с поднятой головой.

Алиса орала что-то, кажется, какие-то советы мне сообщала, как с этой гадостью справиться, я же не слышал ничего. Я даже рева этой твари не слышал — в моих ушах стоял какой-то торжествующий звон, как будто тысячи немых колоколов вдруг проснулись и ударили, наполняя воздух торжествующей песней очищения.

Главный Жрец легко запрыгнул на платформу и, не теряя времени, кинулся на меня. В долю секунды я успел заметить глаза, пылающие адским желтым огнем, раздвоенный змеиный язык, мелькнувший за черными зубами, когти, шерсть, сросшуюся в острые шипы.

Затем Жрец прыгнул, сразу перемахнув половину расстояния. Приземлился с грохотом, белые плиты треснули под могучей тушей, сверху посыпались кирпичи. На секунду он замер, приготавливаясь ко второму прыжку. Я ждал. Нужно было поймать мгновение, в бою все зависит от мгновения.

И я его поймал.

Жрец подобрался, напружинил лапы, собравшись метнуть туловище на меня. Я выстрелил.

Жакан попал в колено. Колено у него было не как у многих прыгучих тварей, не развернутое назад, а прямое, примерно как у кенги. Жакан попал в шишковидную чашечку и разломал ее на части. Но Жрец не успел погасить мощь, он уже толкнулся. Нога подломила, нагрузка сместилась на другую толчковую, и Жрец прыгнул криво. Наискось платформы.

Он проломил несколько колонн, соскочил с платформы, врезался в стену, как раз под надписью «оломенская». Рухнул на рельсы. Буквы осыпались.

В этот раз он ревел гораздо громче, я услышал.

Попытался подняться, получилось, прыгнул, но силы одной ноги не хватило, Жрец завалился на пол и забился на рельсах, крича и ломая еще уцелевшее убранство станции.

Вылезти он не мог, цеплялся за края платформы, силясь подтянуться, но короткие передние лапы не имели силы поднять туловище, я осторожно приблизился и отрубил левую топором.

Все, в общем-то, все.

Поверженная погань с воем билась на рельсах. Можно уходить — в таком состоянии тварь была не жизнеспособна. Участь, учитывая аппетиты потомства, ей предстояла незавидная. Но...

Она могла вполне отрастить новые лапы. Как тот же волкер, лапу ему долой — и он сразу убегает к себе, в берлогу. Сидит там, лижет культию — и вылизывает себе новую, через

три месяца вполне себе снова скачет. И эта могла вылизать. Или эти ее, отпрыски, кто их знает. Поэтому дело стоило закончить.

Подошла Алиса. Присвистнула.

— Ну, ты, Калич, даешь... Такого я вообще уж не видела... Если бы ты еще не в Рыбинске жил... Слушай, оставайся, а? У нас? Сразу в полковники запишут, точно. Я подтверждаю... подтверждаю, что ты жрецов разорил — все логово, и рабочих, и мамку. Такого же никогда не было, ни зимой, ни летом. Оставайся!

Я мужественно промолчал.

Зарядил жакан. Много потратил. Пуль, пороха, сил. А что делать?

Жрец возился на рельсах, дрыгался и хрюкался, не давал прицелиться. Бить требовалось наверняка, чтобы не тратить зря припасы.

Я поднял тяжелый кусок плиты, швырнул посильнее, попал в брюхо. Жрец зашипел, уставил на меня плещущие бешенством глазки. Выстрелил в его раскрытую черную пасть. Брызнули осколки зубов, пуля вышла из затылка, разворотив череп.

Алиса похлопала в ладоши, я перезарядился, крупной дробью. Поднял отрубленную лапу жреца. Когти были отменные, черный, с металлическим отливом рог, длинные, можно отличное ожерелье вырезать, Трофиму подарить...

Я вспомнил, что Трофим мертв. Бросил лапу на платформу, взял топор. Отрубил когти, размельчил их в мелкий прах, растоптал его вместе с лапой.

Все.

Устал.

Алиса сунула бутылку с водой. Попил. Немного, чтобы в сон не потянуло. Голову покидала бешеная кровь, от этого она слегка кружилась и чувствовалась невесомой и при этом одновременно тяжелой.

— Пойдем, — Алиса взяла меня за руку. — Тут уже недалеко совсем...

Мимо, не обращая на нас никакого внимания, текли мелкие жрецы, для выживших сегодняшний день был удачным — сразу столько мяса.

Папа завозился в клетке. Но не обеспокоенно, а словно бы удивленно.

— Чует, — прокомментировала Алиса. — Чует... Тут уже рядом.

Мы спустились на пути и снова погрузились в туннель. Здесь тоже были дыры в потолке, свет пробивался сквозь них как через колодцы, вращаясь. Туннели растроились, мы двинули полевому, и через километр Алиса остановилась. Люк. В нише справа. Обычный, такие на дорогах часто встречаются, на них нельзя наступать, примета плохая. Я думал, мы полезем, и хотел люк снять, Алиса оттолкнула меня и залезла на крышку.

Стала высчитывать что-то на пальцах, затем кивнула сама себе.

— Сегодня четверг? — спросила Алиса. — Хотя ты, наверное, не знаешь. Будем считать, что четверг...

И принялась прыгать. Раз, два, три, четыре.

Ничего не случилось.

— Скорее! — Алиса соскочила с люка, схватила меня за руку и побежала вдоль рельс.

Метров через тридцать в стене открылся проход, узкий, в метр, наверное.

— Скорее, говорю! — Алиса втолкнула меня в эту щель и тут же втиснулась сама.

В стенах зашипело, лязгнуло железо, щель исчезла.

— Все предусмотрено, — пояснила Алиса. — Механизация, Калич, все само работает. Еще чуть-чуть, и мы дома.

Но до дома оказалось далеко. Мы миновали коридор, длинный и низкий, и вышли к лестнице. Лестница самая обычная, какая в домах бывает. Лестничный пролет широкий, я поглядел вниз. Темнота, прерываемая редкими лампочками. А дна вообще не видно.

— Залегание двести метров, — с гордостью сказала Алиса. — Нижнее Метро, Запасной Выход номер два, убежище Затон. Или Двадцать Два.

Вниз.

Я поглядел в этот квадратный провал.

— Не бойся, Калич, преисподняя еще ниже, — успокоила Алиса. — Давай, поторапливайся, я хочу принять душ, а то черт-те чем за неделю провоняла, рыба сплошная...

Алиса пустилась вниз по ступенькам, напевая считалочку типа «раз-два-три-четыре-пять, я иду чужих искать». Я на всякий случай плюнул через плечо, прикусил язык и три раза моргнул на Удачу.

Гомер как-то рассказывал. Как он спускался вниз. Конечно, у нас никакого метро нет, но подземелья тоже встречаются, бункеры разные, штольни. Гомер вот как-то забрел в одну, когда еще молодым был и искал склады. Искал склады, а нашел бункер. В нем одни скелеты сидят, сгнили давным-давно. Гомер стал читать — ну, для чего этот бункер, и так понял, что он космический. Управляет каким-то оружием, но каким, непонятно совсем. Так вот, Гомер рассказал, что этот бункер был закопан так глубоко, что он лично чувствовал адский жар.

Спускались долго. Ступени все не кончались, и я начинал думать, что тут совсем не двести метров, а гораздо глубже, обманула Алиса, я уже хотел даже спросить, но тут Алиса остановилась возле тяжелой и выпуклой железной двери. На двери горели кнопки, Алиса загородила их от меня и стала с пиканьем нажимать.

— Безопасность, — пояснила она. — А вообще пришли уже.

Дверь открывалась с помощью тяжелого штурвала, Алиса принялась его вертеть, а я смотрел вниз. Лестница терялась в темноте.

— А там что? — спросил я.

Алиса пожала плечами.

— Технические помещения, кажется. Не знаю. Если хочешь, можешь разведать.

Я достал камушек, отпустил за перилами, стал считать. До десяти досчитал, а камушек так и не брякнул. Или там вообще дна не было, или в мягкое упал.

— Хватит пялиться, — Алиса откинула дверь. — Плюнь.

Я плюнул. Тоже не брякнуло.

— Не плевать! — тут же одернула Алиса. — Ты не дома!

За дверью начинался коридор, освещенный уже вполне хорошо, синим. Длинные, похожие на палки, лампы, тянулись под потолком ровными дорожками. На полу коврики резиновые, шагать приятно.

Алиса повеселела, зашагала быстрее. По левую руку встречались ниши с трубами, кранами и всякими опасными приспособлениями — на это указывал пронзенный молнией череп. В пятой по счету нише ни труб, ни кабелей не нашлось, только люк.

Алиса хлопнула в ладоши.

— Что? — спросил я.

— То, что ты, рыбец, никогда в жизни не видел, — подмигнула Алиса. — Смотри и запоминай, поедатель налимов!

Алиса схватилась за тяжелую круглую ручку, сдвинула ее вправо, потянула на себя.

— Нижнее Метро! — торжественно произнесла Алиса.

Нижнее Метро меня удивило.

Даже потрясло. Размерами. Я никогда не видел ничего такого большого. Верхнее Метро было просто темной грязной трубой, кишашей нечистью. Нижнее...

Тоннель, такой же круглый, только, наверное, в три раза больше, чем верхние тоннели. Стены выложены квадратными пластинами. Никаких кабелей. Светло — каждая пластина испускает чуть зеленоватое, приятное для глаз сияние. Сухо. Никакой слякоти, луж, вообще выглядит очень ново, точно вчера построили. Внутри тоннеля лежит труба, по размерам как раз с тоннель метро Верхнего. Гладкая. Из материала...

Я не понял, из какого она материала, какая-то промежуточная стадия между металлом и пластиком.

— Ну как? — с превосходством спросила Алиса. — У вас в Рыбинске такого точно не увидишь!

Я не стал с ней спорить. Смотрел. Нижнее Метро завораживало, как река. Есть такие

реки, с медленной в завитушках водой, возле которых хочется сидеть и сидеть, смотреть. Так и здесь. Мне Даже захотелось ноги вниз свесить. Интересно, а куда оно впадает? И вообще...

— И зачем оно есть? — устало спросил я.

— Как зачем? Мир держит.

Я равнодушно кивнул.

— Точно тебе говорю, у нас так многие считают, — Алиса смотрела вниз. — Мир стал разваливаться, по швам расползаться. А в щели разная пакость полезла, из подмирья. Из преисподней, если кто из Рыбинска простых слов не понимает. И вот в тех местах, где швы особенно разошлись, построили кольца — чтобы стягивали сущее.

— Почему же не стягивают?

— Как это не стягивают? Стягивают. Если бы они не стягивали, знаешь, что тут было бы? Построили кольца, но все равно совсем не удержали — планету затрясло от расползания, а там и Вода... Ну, ты знаешь. Но если бы не это вот Нижнее Метро — все бы уже давно на куски распалось. Так вот. Оно, между прочим, теплое.

Алиса указала вниз.

— А рукам хорошо, если попробовать, ладно, потом покажу. Пойдем, почти уже пришли.

Алиса захлопнула люк, и я почувствовал, что стало хуже. Свет исчез, его стало гораздо меньше. Мы двинулись по коридору.

Не знаю. Предчувствие, что ли? Алиса была веселой. Почти все наше путешествие. Веселой, беззаботной, в некоторых местах даже как-то слишком. А здесь...

Она подотстала. Немного, всего на полшага. Обычно всегда впереди, ну, или вровень, а теперь вот сместилась, почти за спину мне.

Улыбаться перестала. У Алисы красивая улыбка, я говорил уже. И смеялась она всегда. А здесь улыбка растаяла, лицо сделалось серьезное и злое.

Алиса боялась.

Причем сильно — кулаки сжались, нижнюю губу прикусила.

И я испугался. На Папу взглянул, ничего, тихий. Да и вообще никакой опасности вроде, коридор...

Очень захотелось снять с плеча карабин, не стал этого делать. Посмотрим...

— Зачем столько коридоров? — недовольно пробурчал я. — Коридор на коридоре...

— Ну да... — Алиса все-таки улыбнулась, но плохо, страшно как-то. — Это чтобы...

Зачем были нужны кривые коридоры, я так и не узнал. Поворот.

Алиса отстала еще на шаг. Я испугался уже серьезно, так, с мурашками по шее. Но удержался.

Сделал шаг.

Ожидал чего угодно. Шахтера, жреца, водолея, не знаю, готов был кинуться к правой стене, выхватить секиру, и в брюхо ему, в брюхо...

Никого.

Коридор за поворотом был длинный, дверь в конце. Тоже с кнопочным замком. Все. Больше ничего. Я вдруг совершенно ясно понял, что никаких невест здесь не будет. Точно. И это меня разозлило. Всегда злишься, когда исчезает надежда.

Зачем она тогда меня сюда притащила?

Вопрос.

— Пусто тут у вас как-то, — сказал я, стараясь выдержать беззаботный голос.

— Пусто... — равнодушно согласилась Алиса.

Мы двинулись к двери. Я подошел первым.

— Все... — выдохнула за спиной Алиса. — Надо набрать две семерки...

Все-таки я быстр. Скорость — вот залог жизненного успеха, мгновение — и карабин смотрел Алисе в лоб.

Алиса отпрыгнула.

— Ты что? Убери...

Но я не убрал, напротив, напустил на лицо решимости. Чтобы не сомневалась, что выстрелю.

— Зачем...

— Что происходит? — поинтересовался я как можно спокойнее. — Что здесь происходит?

— Ничего, мы идем...

Я пнул стену. Звук получился неожиданно громкий. Алиса вздрогнула.

— Ты неплохо держалась, — я пнул стену еще. — Вот до этого коридора. Ты же посинела вся от страха! А ты радоваться должна — домой ведь возвращаешься. А?

— Я...

— Не врать! Не врать, сказал!

Я шагнул к ней, стволом карабина почти в переносицу. Алиса окаменела. Смотрела в пол.

— Ну?!

— Это...

— Не стесняйся, — улыбнулся я. — Здесь все свои.

— Там... — Алиса кивнула на дверь. — Там...

— Ну что там? — нетерпеливо спросил я.

— Там все мертвые.

Неприятно. Глупо. Думал найти невесту, а там все мертвые. Мертвая невеста. Повезло. Как всегда. Дурацкий поход, надо было дома оставаться, все бы жили, Гомер...

— Мертвые?

Алиса кивнула. Я опустил оружие.

— Мертвые... — прошептала Алиса. — Я боялась... Я вернулась, а они все...

Она вернулась, а они уже мертвые. Бывает.

— Они там... — Алиса кивнула на дверь. — Сидят... И лежат... Как живые. Я испугалась...

Ну да, она испугалась. Они здесь все пугливые. В Москве. От ветерка трепещут. Хотя если умерли уже давно, то есть чего опасаться, конечно.

— Я зачем нужен?

Алиса подняла глаза. И вправду напугана, такое трудно подделать.

— Посмотреть...

— На что посмотреть? — продолжал я строжничать, хотя мне ее уже жалко сделалось, понимал я ее. — Я что, мертвечины мало видел?

— Понимаешь...

— Не понимаю.

— Мне показалось... — лицо у Алисы как-то неприятно задергалось. — Мне показалось, что...

— Что?! Что там тебе показалось?!

— Что я тоже... — всхлипнула Алиса. — Что там и я есть...

Она поглядела на дверь.

— Как это?

Я уже ничего не понимал.

— Ну, там, тоже. Мертвая. Как призрак. Про призраков знаешь?

— Ага. Их из огнемета надо...

— Да нет, про настоящих.

Алиса говорила шепотом, она уже успокоилась, плечи расправила.

— Призраки, они ведь не знают, что они призраки, пытаются жить...

— Ты испугалась, что стала призраком? — перебил я.

Алиса кивнула.

— Понимаешь... — она стала в сторону смотреть. — Что-то такое... С памятью. Провалы какие-то...

Алиса потрогала голову.

— Помню, как уходила, помню поверхность, потом... Очнулась, а в руке игрушка. Мишка плюшевый. Откуда?

Видел я такое. Если башкой хорошенько стукнешься, память вываливается. Но чтобы призраком себя при этом считать... Москва, ничего не поделаешь.

— И еще многое не помню... — Алиса потеряла виски, на пальцы поглядела. — Домой полезла, а тут все... Вот я и решила... Очень похоже. Страшно.

Действительно, страшно. Одно дело погань всякая, с ней все понятно. А вот когда так...

— Я там, — Алиса указала в потолок, — я там бродила-бродила, а никого, все как вымерли будто, ни одного человека, как назло. А потом тебя в пади увидела.

Алиса улыбнулась.

— Обрадовалась очень. Очень.

Посмеяться бы, честное слово, посмеяться. Психи они тут, в Москве, совсем свихнутые. Ей показалось, что она умерла. Чтобы убедиться в обратном, она нашла меня. Вдох-выдох.

— А если бы я тоже призраком оказался?

— Какой призрак будет с котом ходить? — Алиса кивнула на Папу.

— Почему они умерли? — спросил я.

Алиса пожала плечами.

— А я-то здесь зачем нужен? — я указал стволом на дверь. — Там же все... трупы?

Алиса промолчала.

— Понятно. Ладно, разберемся.

Дикая история. Хотя что в наше время не дикое? Девчонка возвращается домой, а там все умерли. Бамц. Скорее всего провалы в памяти у нее после этого возникли, а не до. Алиса — сумасшедшая. А не скажешь. Никогда бы не подумал, вполне нормально выглядит.

А невест точно нет, только Алиса...

С другой стороны, это и не сумасшествие вовсе, так, сотрясение легкое. Быстро пройдет. Во всем остальном...

— Код какой? — спросил я.

— Что?

— Код? Зря, что ли, сюда приперлись? Посмотрим. Код?

Алиса назвала код. Я набрал.

— Задерживаем дыхание, — сказал я и потянул дверь на себя.

Папа сразу зашипел.

Надо подождать. Сидят как живые, сказала Алиса. Значит, газ. Любой быстробойный газ выветривается тоже быстро, а здесь наверняка вентиляция. Так что можно дыхание и не задерживать, это я так, на всякий случай.

Папа шипел, но не корчился и не задышался. Отравы нет.

Я вдохнул.

Ясно. Запах этот ни с чем не спутать. Мертвечины. Плотный, тошный, сладкий, так может пахнуть только мертвый человек.

За дверями лежали двое, лицом вниз. Мертвые, конечно.

— Они сидели раньше... — прошептала Алиса.

Скорее всего, упали от распухания. На всякий случай пнул ботинком. Дохлые.

Оружие стояло у стены. Скорострельные винтовки. И полки для патронов. Винтовка. Неприятное оружие, но мне вдруг захотелось его взять. На всякий случай. Первый раз со мной такое...

Вспомнил про огнемёт. Пустые баллоны. Непроверенное оружие лучше не использовать, жизнью можно расплатиться. Вернул винтовку к стене.

Алиса всхлипнула. Я обернулся. Слезы. Забавно, слезы я редко видел.

Двинулись дальше. Коридор разошелся на несколько ответвлений.

— Жилая зона... — указала Алиса. — Там...

Стали проверять жилую зону. Почти везде мертвецы. Большинство лежало в своих кроватях. Как спали, так и умерли. Некоторые улыбались, видно даже сквозь распухание.

Газ. Всех разом можно только газом. Или в воду чего подсыпали. Но газ надежнее, распылить в вентиляции — и все. Мирная смерть. Я почему-то ожидал кровавой резни, а все оказалось спокойно. Но от этого было только страшней.

Проверяли все комнаты. Я подобрал палку и тыкал в каждого, так, на всякий случай. Алиса всхлипывала. В жилом отсеке никого живого.

— Дальше куда? — спросил я.

Алиса кивнула. Зал для общих собраний, для вече. Как мы собирались на крыше, так они в этом зале. Он был пуст, все произошло ночью. Под ногами хрустнуло стекло, зеркало. Два зеркала на стенах разбиты, я испугался, что это зеркальная болезнь, но остальные все были целы, я увидел в них свое отражение.

— Научный сектор, — указала Алиса.

Научный сектор состоял из нескольких комнат. В третьей мы встретили человека. Вполне мертвого. Он чинил что-то электрическое, да так в него и упал лицом. Обгорел. Алиса смотрела на этого особенно долго, пришлось ее вытолкнуть даже. Бытовой сектор. Туалеты и помывочные, пусто. Зато в дежурке...

Троих увидели. Все без оружия, следили за электричеством, водой и отоплением по приборам. Приборы до сих пор мигали, стрелки дергались, и по экранам бежали непонятные цифры.

И эти, зажатые в спинки вращающихся стульев. Распухшие. Как везде. Бессмысленная какая-то смерть — их ведь не сожрали, как сделал бы волкер, или мрец, или вот та погань, коей я много перебил на поверхности. Просто убили. Без причины... Причину мы нашли.

Детский сад, на двери зайчик. Мне туда совсем не хотелось, да и Алисе тоже, но мы вошли. Я вошел. Первым. Ничего. То есть никого. К счастью.

— Дети где? — спросил я.

— Не знаю... Их не было. Ты видишь?

Я видел. Шприцы. Пластмассовые, оранжевого цвета. Разбросаны по полу. Восемь штук.

— Сколько ребятишек? — спросил я.

— Восемь...

— Все понятно.

— Что понятно? Я поднял шприц.

— Противоядие, — сказал я. — От газа. Выпустили газ, все потеряли сознание разом. Он прошел сюда, и сделал уколы детям. Им нужны были дети. Живые.

— Зачем?

— Не знаю.

Я разглядывал комнату. Двухъярусные кровати, одежда, книжки. Забавные такие, разноцветные, звери смешные. Рисунки на стене, карандашом нарисовано. Человечки. Цветочки.

Игрушек нет.

— Игрушек нет, — сказал я. — Дети забрали игрушки с собой. Значит, они ушли сами...

— Или их увели.

Я поднял книжку. Про рыбку. Рыбка поплыла искать своего братика.

— Все это из-за детей, — сказал я. — Им нужны были дети, они их забрали. Остальных убили.

— Зачем?

— Чтобы не мешали.

— Кто?

Спросила тихо-тихо Алиса.

— Кто убил?

— Я почему знаю? — я осторожно положил книжку на стол. — Кому дети нужны?

— Кому дети нужны? — спросила в ответ Алиса.

— Кому хочешь. Дети — это будущее. Из тебя вот никого уже не воспитаешь, а из детей что угодно. Самая что ни на есть дети ценность. И не погань это, понятно, с умом сделано. Человеком.

Ну да, погань людей только жрет. В крайнем случае только убивает, для того ее нечистый и создал. Я взял стул и сел. Ясно было, что того, кто это совершил, здесь нет. Что здесь безопасно. Но сами стены...

Нет, человек должен жить на поверхности. Пусть даже Нижнее Метро и спокойное место, но к черту такое спокойствие...

Алиса всхлипнула.

— Что там? — я указал на дверь в конце коридора.

— Ферма... Там ферма...

— Ясно. Тухло тут у вас... Но ты не переживай, ты не умерла. Я все это тоже вижу, к сожалению...

Алиса утерла нос.

— Слушай, Дэв... — она поглядела на меня. — Я...

— Не убедилась еще?

— Да нет... Там моя комната, я хочу...

Москва.

— Ладно, — сказал я. — Где?

Оказалось недалеко, там же, где ферма, рядом. На двери «23», под лестницей.

— И что ты там увидишь думаешь? — спросил я.

— Ничего... Посмотри просто.

Я толкнул дверь. Темно.

— Автоматически свет включается... — сообщила Алиса.

Я шагнул внутрь, стало светло.

Комната. Сразу видно, что девчачья. Аккуратно очень. Постель заправлена. Баночки.

— Ну? — спросила из коридора Алиса. — Что там?

— Ничего. Комната.

— Пустая?

— Ты хочешь узнать, нет ли здесь твоего протухшего трупа? Нет, нету. Все в порядке.

Я вышел из комнаты, свет погас.

— Нормально все, — повторил я. — Никаких безобразий, спи спокойно. Ну, если сможешь. Ферма там?

И я направился на ферму.

Ферма оказалась хорошая, не то что у нас. Никакой захудалости, трубки по потолку разноцветные, приборчики со стрелками, а вместо земли красноватая галька.

Овощи крупные. Огурцы я узнал. Помидоры с кулак, а у нас чуть больше клюквы. Еще какие-то овощи, неизвестных разновидностей. Похожие на огурцы, только толстые и желтые. И круглое что-то, как яблоко, только ростом почти с меня, таким, наверное, всю зиму питаться можно.

Я не удержался, сорвал помидор, сожрал.

Он оказался сладким. Тяжелый, жирный сладкий помидор, я сорвал еще. Мне хотелось есть. Не знаю, в голове у меня что-то нарушилось. Там еще желтые висели, не видел никогда. Я сорвал. Кожура оказалась толстой, а содержимое кислым, до слез почти. По кислоте я понял, что это лимон, Гомер мне рассказывал про такие. Лимоны, апельсины, очень полезные от множества недугов. Я сжевал лимон и оборвал остальные.

Алиса смотрела на меня стеклянными глазами.

Там еще морковь была, ее я узнал, в бутылке с водой росла. И морковь сладкая.

— Ты что? — спросила Алиса тихо. — Ты что, жрать хочешь?

— Да не, просто интересно. Погоди, я должен подумать... Ферма у вас большая... Она вдоль трубы тянется?

— Там растет лучше... Почти километр в длину... Я здесь не могу, Дэв, мне тяжело здесь... — прошептала Алиса. — Пойдем отсюда, я тебя прошу, а?

— Погоди...

— Что погоди?! Как ты можешь?! Тут же...

— Я не предлагаю тут жить оставаться! — крикнул я. — Но нам надо кое-что сделать.

— Что?

— Обычное дело. Ты что, не понимаешь? Много мертвецов. Они все в погань могут переделаться. И переделаются скоро, подгнили уже хорошо. И тогда... Тут уже напалмом придется.

— Я не могу, — тут же отказалась Алиса. — Я не могу...

— Ты меня сюда приволокла?! — Я начал злиться. — Ты меня обманула, притащила сюда, теперь сиди потихоньку! Ясно?

Алиса промолчала.

— Ладно, жди здесь, — сказал я. — Никуда...

— Нет! — тут же рявкнула Алиса. — Я здесь одна не останусь! Не останусь! Не хочу!

Страшно.

Все-таки Алиса девчонка. Я вот видел, как на моих глазах весь мой клан разъело сытью, и ничего, не плакал. Я вообще никогда не плачу.

— Держись за мной.

Я взял покрепче секиру, и мы начали повторный обход. Надо было тут все зачистить. Это оказалось не так уж просто, как мне представлялось. Мертвецы хорошо подпухли, головы с одного раза не отрубались даже острейшим лезвием. Навыка в этом у меня не было, но я старался. Алиса всхлипывала за спиной.

Закончил за час. Не считал. Надо было бы все это вытащить и сжечь, но сил не хватало.

— Пусть лежат, — сказал я. — Влажность высокая, сгниют быстро. Тут есть склад?

— Есть. А зачем тебе склад?

— Где склад, спрашиваю?

Алиса кивнула.

Я никогда не был на настоящих складах. Нет, иногда мы встречали забытые нычки с патронами, лекарствами и испорченной едой, но ни одна из них не походила даже на самый плохонький склад.

Гомер рассказывал мне об этих удивительных местах. Такие истории, легендарные. Вот вроде как за одним человеком погнался средних размеров волкер, а человек удирать стал, и когда у него силы почти уже кончились, он провалился в яму.

Но это была не яма, а склад. Самый настоящий склад. Там было все. Особая одежда, не знающая износа, в которой тепло зимой и прохладно летом. Обувь, которая облегчает бег. Шлемы, легкие, как перо, и прочные, как броня. Оружие. Много оружия, разного, а есть такое, которое даже заряжать не нужно, вечное, знай себе стреляй.

Еда.

Там была самая настоящая старинная человеческая еда в специальных коробках, и за все прошедшее время еда совершенно не испортилась. Ее даже разогревать не надо было — лишь дернуть сбоку за веревочку — и через три минуты еда уже разогревалась до нужной теплоты. Такая еда, что в наши дни и не попробуешь совсем, сколько ни ищи.

И вот этот, провалившийся, он начинал там жить, в складе, потом, через год ему надоело, и он решил прогуляться по поверхности. Вылез, весь вооруженный, идет, такой весь непробиваемый, и вдруг строку заметил. Роилась, на солнце железные крылья блестели. Испугался, побежал — от строки никакой комбинезон ведь не защитит. Побежал. Бежал-бежал, да так убежал, что потом вернуться совсем не смог. Забыл с перепугу, где этот склад. Потом всю жизнь его и искал, горячими слезами умываясь, и очень, очень сожалел, что вылез на поверхность.

У нас вообще каждый хотел бы склад найти, рассказывали, что они делать будут, если склад найдут. Будут сидеть всю жизнь под землей, в тишине и безопасности, вот и все дела, хорошо. Однажды Коша даже нашел, только не такой, а железный — вместо еды и оружия там только железки по полкам лежали. Мы потом вокруг все обыскали, думали, может, и настоящий найдется, а не нашлось.

Склад был, конечно, не самый настоящий, так, средней настоящести. Не очень большой, в настоящем складе взор должен теряться среди бесконечных полок, а тут я вполне видел противоположную стенку. Метрах в пятидесяти.

И все-таки это был склад. Оружие.

Мазеры, как у Алисы, и ящики припасов к ним.

— Возьми побольше, — велел я.

Алиса принялась набирать из ящика толстые тяжелые патроны и засовывать их в патронташи.

Я подумал, может, мне тоже взять? Этот мазер. Оружие убойное, от жнецов убежать не придется, и не тяжелое вроде... Покороче бы только. Потом решил, что как ни крути, а масса увеличится килограммов на пять, возрастут нагрузки на связки, а я собираюсь еще тут пожить.

Оставил мазер. А Алиса взяла. Ладно, пригодиться может.

Автоматические винтовки меня тоже не очень заинтересовали, а вот пистолеты...

Пистолет иметь неплохо. В ближнем бою он вполне может пригодиться, особенно на очень коротких расстояниях, когда размахнуться для хорошего удара нельзя. Оружие не тяжелое, единственный недостаток — надежность. Гомер говорил — если хочешь надежный пистолет, ищи не пистолет, а револьвер, там движущихся частей меньше. Я стал искать. Пистолеты попадались разные. С длинными многогранными стволами, и с короткими, и ребристые плоские, и наоборот, толстенные, приятно укладывающиеся в ладонь. К каждому полагались свои патроны. Револьверов среди оружия не оказалось. Я не очень расстроился, не ожидал, честно говоря, наверняка револьвер ценность и редкость, даже на складах нет.

Алиса тоже дополнительно вооружаться не стала, видимо, надеялась на мазер. Ладно, меньше стреляешь, быстрее бегаешь.

Порох.

Вот это было славно. Прямо за пистолетами стояли жестяные банки с порохом. Квадратные, большие. Причем не с нашим, самодельным, а со старым, фабричным. Это, конечно, меня обрадовало. Даже очень. Настоящее богатство. Захотелось весь этот порох с собой утащить. Я вытряхнул из рюкзака свои жалкие бутылки. Хотел зашвырнуть их подальше, но решил не торопиться, проверить. Вскрыл банку, отсыпал немного. Порох был желтоватый, мелкий, совсем мелкой горошинкой, сыпался легко и даже на глаз видно, что сухой. Горел. Хорошо, весело, без дыма.

Отлично. Рядом на полках белели пластиковые банки с плотными крышками, объемом в литр, видимо, предназначенные как раз для пороха, я наполнил пять штук, затем не удержался и заполнил шестую. И рожок. Вытряхнул из него свой старый верный самодельный порох и насыпал этот, желтый и хороший.

Дальше.

Железный ящик Непримечательный. На крышке защелка, никакого замка, все просто. Открыл.

Гранаты. Похожие на картошку, черные, удобные для бросания, яйца смерти. В жизни не так много случаев, в которых могут понадобиться гранаты. Но они есть. Например, если недалеко от станицы развелись волкеры. Волкеры живут в норах, и лучше всего их выкуривать гранатой.

Или коркодил. Тут интереснее. Люди охотятся за рыбой, коркодилы охотятся за людьми. Сидят под водой на отмелях, прикинувшись топляками, ждут. Ты подходишь попить водички, а он тебя цап. И стоит одному завестись, как тут же и другие приплывают, со всей округи. И тогда тоже лучше гранат нет. Делаешь донку. Берешь гранату, берешь

кролика, потрошишь, засовываешь внутрь хороший камень для тяжести, гранату внутрь, разгибаешь усики, к самой же щеке привязываешь леску. А другой конец к дереву. И отпускаешь. Не проходит и получаса, как крокодил подрывается, только ошметки в разные стороны.

Растяжки еще, но тут понятно и так.

Только встречаются гранаты редко, у нас все больше самодельные, а с ними опасно. А тут целый ящик!

Не удержался, взял три штуки.

Это было лучшим, наверное, моментом за все мое путешествие. Хоть что-то полезное от этой Москвы. А то одни неприятности. Конечно, гранаты вместо невест — это не то.

С другой стороны...

С другой стороны, я увидел, какие мы были дурни все. Хотели обменять три бутылки пороха на девчонок Да...

Мы отправились дальше, в глубь склада, к одежде. На вешалках болталось несколько комбезов, похожих на костюм Алисы — имитирующих мусор. Удобная вещь, но я привык по старинке — закапываться. Хотел взять ботинки — тут по виду были вполне крепкие, а на вес легкие, но посмотрел на свои...

Их сшил наш комбезный мастер. Он всем делал и ботинки, и комбезы, большой в этом деле специалист был. Ботинки у меня, конечно, тяжелые. Но мощные, а сверху рыбьей кожей еще покрыты, я в них не первый год... Да и разношивать надо.

— Ты что? — спросила Алиса.

— Думаю. Брать ботинки или не брать?

— Ты что, Калич?! — Алиса скрежетнула зубами. — У меня вся семья погибла, а ты... — Она захлебнулась. От слез и возмущения. — А ты ботинки выбираешь?!

— А что мне делать? Повеситься, что ли?!

Алиса отвернулась.

Ботинки я не взял. Точно, разношивать надо. Взял фильтр для противогаза.

Дальше двинулись. Еда. Я сразу узнал. Еду можно издали узнать, по запаху. Еда пахнет покоем. Сначала стояли мешки. Я раскрыл первый. В нем хранились крупные и гладкие блестящие зерна, похожие на хорошо обкатанную ручейную гальку.

— Это и есть фасоль, — объяснила Алиса. — Еще старая. Она может долго храниться, всегда... Зачем детей увели, а?

Алиса всхлипнула.

Я зачерпнул фасоли, ссыпал в карман. Может, размочить ее получится, вырастим. У нас горох растет, его сушим на зиму, фасоль крупнее... Зачем детей увели? Не знаю. Уходить отсюда надо, чем скорей, тем лучше.

В следующих мешках хранилась картошка. Не такая, как у нас, у нас мелкая, чуть больше гороха, а эта просто... В ладонь едва уместалась. И крупная. Красного цвета. Много мешков. Хорошо они тут устроились, фасоль, картошка, наверху кабаны сами в рот прыгают. Хотя я бы вот этот их весь склад не поменял бы на нашу станицу. У нас понятно все, а тут...

Картошку с собой брать бесполезно было, с сожалением оставил.

Дальше в мешках были разные овощи, а еще дальше в бочках разные соленья. У нас только черемшу солят, а тут даже капуста соленая попадалась, я попробовал, очень вкусно.

Алиса смотрела на меня как на дурака.

В дальнем конце склада было холодно, и в прозрачных стеклянных банках хранилось мясо. Настоящее мясо, тушеное видимо. Я открыл. Так и есть, тушеные кабаны.

— Как ты можешь... — поморщилась Алиса.

Но я съел полбанки.

Возвращались по другому проходу. Там тоже хранились разные припасы: масло в бутылках, копченая рыба — а говорила, рыбу не едят.

Сахар. Да, живут действительно... Не Рыбинск Молотый сахар, несколько мешков, съел горсть.

— Прекрати... — попросила Алиса. — Меня тошнит...

— Потом тошнить будешь. Чего уже сейчас тошниться-то, бесполезно... К тому же ты жива. И дети живы, не все так плохо. Сахара съешь, он успокаивает...

— Сам успокаивайся.

Я съел еще сахара. Нельзя упускать такую возможность, сахар отличное средство. Снял с пояса вторую бутылку для воды, половину отпил, оставшееся место засыпал сахаром, разболтал. Боевой напиток. Можно силы подкреплять в крайних случаях, например, когда от жнеца удираешь. Или в каком другом непростом положении.

«Соль», — прочитал я на синей пачке. Соли у нас всегда мало было. Старые запасы приели, а новые редко встречались. Иногда с самого уж севера приходили усольцы, меняли соль на порох.

Пачек таких на полках содержалось... Много, короче. Я взял Две. Тяжелые, да ничего. Вернусь домой без невесты, но с солью, я усмехнулся.

На полках над сахаром размещались пластиковые банки.

— Это специи, — пояснила Алиса.

Я открыл банку, понюхал. В нос мне влетела легкая черная пыль, в голове будто бомбочка взорвалась. Я чихнул. И Папа принялся чихать. Мы чихали долго, сладко, до слез из глаз.

— Перец, — объяснила Алиса. — Там еще другие...

Я открывал и нюхал. Каждая пахла по-своему. Разно. Старый мир. Чистый, светлый, безопасный, полный воды и вкусных необычных лакомств, со смехом и фейерверками, какой он и должен быть. Хотелось взять это с собой, но мелких пузырьков у меня совсем не нашлось, и я просто запоминал.

Наш мир пах совсем по-другому. Железом, порохом, кровью. Смертью.

Ненависть. Во мне начинало шевелиться тяжелое темное чувство, от которого руки наполнились колющей злобой. Я ненавидел. Ненавидел мертвецов. Сыть, бодунов, хляби и пади, раскинувшиеся по земле. Ненавидел всех, кто это допустил, испортил, засрал свой мир. Ненавидел всю эту бродячую, ползучую и прочую погань, щедро резвившуюся по ту и по эту сторону МКАДа. Ненавидел рейдеров. Бомберов. Прочих сатанистов, людское отребье, которое вместо того, чтобы мести нечисть железной метлой, убивает своих же братьев.

Смерть. Смерть им.

Всем.

— Давай уйдем, — сказала Алиса. — Я не могу...

— Нет. Мне надо в мастерскую... И не надо продолжать, уйдем, когда я скажу. Где мастерская?

— Это в научном блоке.

Мы вернулись в научный блок, и я починил карабин. Приклад. Конечно, приклад надо было уже менять — трещина рано или поздно разойдется окончательно. Но подходящего дерева не было, так что пришлось проклеить трещину смолой и стянуть сам приклад проволочным хомутом в три оборота. Получилось ничего.

Заточил лопату. К секире жнеца приделал хорошую рукоятку. Алиса сидела в углу на полу и наблюдала за мной. Через два часа я был готов.

— Все? — уныло спросила Алиса.

— Все.

— Уходим?

Я думал. На поверхности наступила ночь. Вылезать вот так в ночь опасно. Оставаться в разоренной подземной станице... Лучше уж на поверхность. Там все-таки знакомые твари, а здесь...

Нет, место поганое. Тут жизнь вряд ли уже наладится когда. Я бы не стал жить, смертью тут воняет.

Значит, на землю.

— Уходим, — сказал я. — Где ближайшие соседи?

— На Варшавской. Это совсем в другой стороне...

— Ладно, разберемся.

Возвращаться той же дорогой — через шахту до станции Коломенской, а потом на поверхность мне не хотелось, правило — тем же путем не возвращаются.

Я спросил — есть ли другой ход на поверхность. Ход был. Километра через три. Но пробираться надо через Нижнее Метро, вдоль внутренней трубы.

Вернулись на ферму. В дальнем конце зала имелся коридор, ведущий на другую ферму, расположенную уже вдоль тоннеля Нижнего Метро. Там в тишине и тепле росли грибы, много, белые, похожие на шарики, Алиса зажгла свет, и мы оказались между полок с этими самыми шариками. Много. А грибами не очень пахло.

— Очень быстро растут, — сказала Алиса. — Много получается.

Отправились мимо грибных полок. Хорошо тут все у них устроено было, правильно. Наверное, почти как раньше. Жили не тужили, еды много, фасоль с грибами. А потом...

— Здесь, — Алиса откинула в сторону лист тонкого железа.

Тоже дверь. С кодовым замком, цифры Алиса знала. Дверь в туннель была тяжелая, я отвалить не сумел, только вдвоем управились.

За дверью жило Нижнее Метро. Именно так, жило. Точно река текла, только никакой реки, конечно, нет, туннель и в нем труба в три моих роста.

— Ладно, — Алиса выдохнула и первой вступила в зеленоватое марево, которое вяло колыхалось справа налево.

Я тоже на всякий случай выдохнул и шагнул за ней, успев заметить, что стена туннеля толщиной никак не меньше метра. И не из бетона, а из самого что ни на есть железа.

Мне показалось, что я потерял ступеньку. Вот он, пол туннеля, светящиеся стены, с головой что-то произошло, глаза моргнули, пол провалился, я оступился...

Алиса меня поймала. Конечно, смешно все это, я упал и оказался на руках у девчонки. Все должно было произойти наоборот, но...

— Первый раз всегда так, — сказала Алиса. — Это от энергии.

Она улыбнулась. Как-то счастливо, беззаботно, точно и не было за спиной всего этого кошмара.

И я улыбнулся в ответ. Мне хотелось улыбаться. Даже больше, хотелось петь, песен просто я не знал. Тогда я решил прочитать тропарь. Благодарности. Понятно, почему тут овощи растут хорошо. Это от энергии. Энергии здесь много, вот и результат, благодатная мощь, вот как называется. Раньше наверняка эта мощь во всем мире распространялась, а теперь только здесь осталась...

— Эй! — Алиса хлопнула меня по щеке. — Эй, очнись!

Голова тряханулась, я открыл глаза.

Оказывается, я продолжал висеть на Алисе.

Выпрямился, повертел головой.

— Поэтому тут долго нельзя, — сказала Алиса. — Трудно уйти, хочется остаться...

Это точно. Хочется остаться.

— А оставаться нельзя. Организм перестраивается как-то, нет, не радиация, другое. Одним словом, опасно. И еще...

— Что стоим тогда? — спросил я. — Давай, по трубе, мелкими шагами!

— Я же говорю, тут еще...

Оказалось, что пройти вдоль внутренней трубы не так-то просто. Для этого надо было оставить все железное, потому что с железом тут тяжело ходить. Когда они ходили, они отправляли железные вещи на особой вверхтормашке.

Алиса показала на потолок. Там протягивались маленькие рельсы, к которым вверх колесами крепилась тележка с ящиком. В тележку складывали металл, и особая лебедка тянула его через эти полтора километра.

— Удобство, однако, — сказала Алиса.

Она подергала за рычаг на стене. Вверхтормашка не шевельнулась, не зажужжала, не

поехала.

— Не поехало... — сказал я.

Алиса подергала еще.

— Не работает. Надо обратно.

Обратно я не хотел.

— Мы не пройдем, здесь очень сложно все устроено, — попыталась объяснить Алиса.

Я сказал, что пройду. Она опять попыталась меня уговорить, убеждала, показывала, как странно раскатываются по полу железные шарики, но я был упрям. Совсем недавно я прикончил смертоносную кровавую тварь, одолел какое-то невообразимое количество ее мерзеныч, и я не смогу пройти вдоль трубы?

— В ту сторону? — уточнил я.

Алиса кивнула.

— Подумай...

Но мне не хотелось думать. Иногда думать вредно. Многие, кто думал слишком часто, теперь уже ни о чем не думают.

Я щелкнул пальцами, пристроил поудобнее Папу и пошагал вдоль большой трубы.

Алиса не спешила. Но я знал, что она пойдет за мной. Куда ей еще деваться?

Тоннель был почти прямой, далеко, наверное, в километре, не меньше, он немного поворачивал влево. Светло, видно хорошо, шагать приятно. Оглянулся. Ну конечно, Алиса медленно брела за мной.

Почувствовал не сразу, шагов через пятьсот. Тяжесть. Шагать стало чуть труднее, будто в рюкзак добавили пару кирпичей. На всякий случай я даже обернулся, чтобы убедиться — а вдруг кто на зашкирку пристроился? Никого. Алиса. Отстала шагов на двадцать. Пыхтела, пот катился. У меня тоже катился, воздух в тоннеле был сухой, неподвижный и подвижный одновременно. Странный, не как в Верхнем Метро.

Пить хотелось. Но я терпел, набирался злости, невидимое препятствие наполняло меня злобой, я пытался продавиться через эту злобу и ускорял шаги. Стал замечать, что кроме того, что не пускает вперед, так еще и вбок заворачивает, к трубе. Причем из-за этого притяжения я кривился, нагрузка на левую ногу возрастала, так что я даже вопреки собственным правилам перевесил карабин с левого плеча на правое.

Услышал шаги. Алиса торопливо догоняла. Видимо, в ее костюме тоже присутствовали металлические детали, потому что ее тоже тянуло к трубе, во всяком случае, шагала она криво, виляла, словно пьяных вишен облопалась.

— Погоди, — попросила Алиса.

Я остановился. Алиса привалилась к стене, дышала тяжело, на носу вздрагивала капля пота.

— Погоди... Сюда подойди.

— Зачем?

— Надо.

Я вернулся к Алисе, отметив, что возвращаться назад гораздо легче, как с невысокой горки сбегашь, да еще и в спину тебя точно подталкивают.

— Что?

Алиса указала пальцем.

Внутренняя труба не лежала на полу туннеля, а располагалась на толстых железных фермах, так что между полом и нижней частью трубы возникало пустое пространство.

— Там, — Алиса указала в эту самую пустоту.

— Что там? — спросил я.

— Левые слезы. Правые по эту сторону. А левые там. Это очень полезные... Можно из них делать... заряды для мазера. Или электростанцию маленькую, я рассказывала. Надо собрать...

— Кто электростанцию-то делать будет? — ухмыльнулся я. — Никого не осталось...

— Все равно. Обменять можно. Они ценятся...

Ценятся. Электростанция. Полезные вещи. Я подумал немножко и пришел к выводу, что не стоит пренебрегать ценными вещами. Кто его знает, может, домой вернуться получится. Потом на самом деле на что-нибудь обменяю.

На невесту.

— Как их доставать? — спросил я.

— Надо лезть.

— Я не полезу...

Алиса опустилась на живот и поползла под трубу. Исчезла. Я ждал. Меня тоже влекло к трубе, железа много, наверное, на самом деле эта труба что-то стягивает.

— Эй, — позвал я. — Ты скоро?

Алиса не появлялась. Я опустился на колени. Под трубой было темно. Мрак. Алисы не видно.

— Ну? — позвал я. — Ползешь?

Алиса не ползла. Вообще не показывалась. Это мне уже перестало нравиться. Одно дело битва лицом к лицу, другое — в узком пространстве.

— Сейчас стрельну, — сказал я. — Если ты не вылезешь, я буду стрелять!

— Да не дергайся, — отозвалась Алиса. — Головой ударилась, потерялась. Смотри зато.

Алиса протянула ладонь. Левые слезы на самом деле были похожи на слезы. Вытянутые железные шарики. Много.

— Держи, — она ссыпала мне в руку слезы. — Они вроде как удачу приносят.

— Удачу?

— Ага. А перед грозой жужжат. Можно ожерелье сделать.

— Зачем мне ожерелье?

— Не тебе, балда, а твоей рыбоедихе. Подружке то есть. Ожерелье ей свяжешь. Она у тебя в Рыбинске сразу самая красивая станет. Будете сидеть где-нибудь в болоте, бычков трескать да радоваться. Хорошо?

Я не ответил. Спрятал слезы в карман.

— Да... — грустно сказала Алиса. — А я не знаю даже, что мне делать...

— Ничего. Выберемся на поверхность, найдешь людей с соседнего убежища. Да все в порядке будет. Нам идти надо.

Мы продолжили путь. Заболела шея. Оттого, что я пытался продвинуть вперед голову. И ноги. Мышцы на бедрах заболели, заныли, причем как-то все, а не только мелкие. Мне казалось, что я не просто шел, а толкал перед собой здоровенный металлический шар. И чем дальше я толкал этот самый шар, тем тяжелее он становился.

Но я упрямился. Продавливался и продавливался. Когда вытягивал руки вперед, пальцы не встречали никакого препятствия. Но стоило сделать шаг, как я это препятствие начинал чувствовать. Шагал как сквозь землю.

Алиса что-то хрипела у меня за спиной. Я начинал подумывать о возвращении. Вернемся, закроемся в одной из комнат, переждем. Как-нибудь...

— Вернуться не получится, — Алиса перехватила мои мысли. — я тебя предупреждала...

— Почему не получится?

Я остановился и тут же почувствовал, как меня начинает сдвигать обратно.

— Не получится, — выдохнула Алиса. — Это... В этом увязает. Пройти можно только в одну сторону... Если мы назад отправимся, будет все то же самое... Последние силы потратим...

— Значит, мы пройдем здесь, — сказал я. — Прямо.

Я навалился посильнее. Интересно, можно так прорваться через два километра?

Через километр.

Через километр я почти не мог дышать. Воздуха почти не осталось, он выдавился. Я чувствовал, как начал распухать левый локоть. Горло болело, несколько зубов заметно

покачивались. Даже язык болел.

— Надо отдохнуть, — сказал я. — Немного...

Лопатки отрывались от мяса. Позвоночник хрустел и сворачивался. Я сел. Прислонился спиной к внешней стене туннеля. Стал смотреть на трубу. От нее исходило тепло, не такое, какое растекается от костра или от солнца, другое. Непонятное. Покой. Толстая труба излучала покой.

— Нельзя долго сидеть, я тебе говорила, — сказала Алиса. — Можно заснуть и не проснуться...

Я кивнул. Можно заснуть и не проснуться от счастья.

Я стал дышать, следовало продышаться.

Рядом дышала Алиса.

— Слушай, Алиса, а вот там у вас дверь с кнопками... — я кивнул назад. — Та, тяжелая...

— Бронедверь.

— Ну да. Ее ведь кто хочет открыть не может, да?

— Точно, — зевнула Алиса. — Там шифр. Сначала мы карточки придумали, такие электронные, провел — замок и открылся. Но потом поняли, что это неудобно. А вдруг кто-нибудь карточку потеряет, тогда что? Может посторонний пробраться. Поэтому код. Каждый помнит код, а сам код раз в неделю меняют... Ты что хочешь сказать?

Я еще подышал. Звенеть в ушах стало потише.

— Ты что хочешь сказать, а?

— Я хочу сказать, что все понятно.

Алиса плюнула.

— Этого не может быть, — пробормотала Алиса.

— По-другому никак. Кто-то из ваших. Вряд ли в вентиляцию снаружи можно проникнуть. Ваш. Ты говорила тут китайское бешенство...

— Не знаю. Возможно, это...

— Что?

— Да ничего...

Алиса выдохнула.

— А еще кто-нибудь тут есть? — спросил я. — В Нижнем Метро?

— Есть еще несколько станций, и на севере и на юге, я же говорила. Но мы с ними мало общались...

— Ясно.

— Что тебе ясно?

— Ничего не ясно, вот что! Ясно, что детей сперли... Раньше про такое не слышала?

Алиса не ответила.

— Раньше такое случалось?

— Случалось. Про Крысолова знаешь?

Я слышал про разных Крысоловов, они по-разному безобразничали и людям добрым вредили, Алиса рассказывала:

— Приходит незнакомец в дурацкой шапке, живет. А потом исчезает. И все дети с ним исчезают из города. А с самим городом беда происходит. То блохи чумные, то потоп страшный, а то и торф внизу загорится, все провалится, никого не остается...

Может быть, подумал я. Вполне. В наше-то время. Только вот газ со всей этой историей не очень хорошо стыковался. Хотя это вполне мог быть современный Крысолов.

— Дети пропадают, — сказала Алиса. — И это тоже геноцид.

— Надо у соседей ваших спросить. Может, они что знают. Ты их в последний раз когда видела?

— Давно...

— Давно — это плохо. Люди даже сейчас липнут к греху. Им спастись надо, а они друг на друга, брат на брата... На Юге кто, ты говорила?

— Варшавские. А на севере Текс. Там Нижнее Метро с Верхним пересекается, шурфы прорыты...

— А вообще оно должно пересекаться? — спросил я.

— Вообще? Нет, наверное. Нижнее после Верхнего строили. Знаешь, тут тебе не Рыбинск, тут...

— Хватит, — перебил я.

Мне уже начала надоедать эта трескотня про Рыбинск, хотя я человек совсем терпеливый, могу кого хочешь перетерпеть, но не время сейчас, совсем не время.

— Не сердись, я тебе показать просто хочу, чтобы понятно было. У вас, в Рыбинске, все вот так.

Алиса с трудом вытянула перед собой ладонь.

— Плоско, то есть. А у нас вот так.

Она скрючила пальцы на обеих руках, переплела их между собой.

— Тут начали рыть неизвестно еще когда, — сказала она. — Ходы подземные, сначала, затем крепости, затем метро копать начали. Здесь целые городки маленькие есть. А потом уж и Нижнее. Шахтеры шахты сверлили, досверлились до древних пещер... Тут внизу в двадцать раз больше, чем наверху. И пересекается все со всем, а самое главное — карт нет.

— Почему?

— Раньше секретно было, после вообще без карт строили, сейчас... Сам понимаешь. Так что никто не знает точно что тут есть и где тут есть.

— Ясно. Надо идти.

Я здорово наклонился вперед, чтобы было легче. На некоторое время стало, затем почувствовал, что прозрачная стена передо мной натянулась больше. Надо было шагать постоянно, если ты останавливался, тебя тут же отбрасывало.

Мы шагали. Вдавливаясь своей упорностью в эту упорную невидимую силу. Я наклонялся все больше и больше, почти уже лежал на воздухе. Если проходит вверхтормашка, значит, и человек может пройти, непроходимого для человека нет.

Потом я упал. Ноги поехали назад, ботинки закрипели по бетону, я свернулся на бок и упал, ухватившись за кабель, проложенный вдоль стены. За спиной с железным звуком осыпалась Алиса. Я оглянулся. Она тоже держалась за кабель.

Минут десять дышали. Ноги и руки дрожали, уже даже и не дрожали, тряслись. Я закрыл глаза и стал читать тропарь Силы. Три раза, надо не меньше трех раз читать, тогда сила образуется.

После трех тропарей подряд я почувствовал себя гораздо лучше. Дотянулся до бутылки со сладкой водой, отпил несколько глотков. Сахар оживляющей мощью растекся по организму, тряска уменьшилась. Сейчас бы еще выпить сахара и поспать. Поспать бы, время спать, натянуть противогаз, шнорхель выкинуть, вжаться в плотную теплую землю...

— Спать нельзя... — прохрипела Алиса. — За руку себя укуси, чтобы не спать.

Кусаться я не собирался, протянул ей сахарную воду. Она отпила. Двинулись дальше. В стену через ровные промежутки, примерно в полтора метра, были вплавлены крюки, на которых лежали кабели. За один крюк я цеплялся, от другого отталкивался ногами. Полз. Алиса тоже. С всхлипами, со стонами, с руганью, но ползла. Это выглядело, наверное, смешно — люди ползут по стене, только не вверх, а вбок. Вдоль.

Затем Алиса принялась свистеть. Дыханием, а потом и горлом. И Папа. Папа лежал в своей клетке спокойно, а сейчас вдруг завыл. Да так громко, что по трубе запрыгало эхо. Усиленные стенами, оно неожиданно устрашающе загремело, и я порадовался, что в трубе не живет какой-нибудь там трубник, а то он обязательно пожаловал бы.

А потом она даже не свистела, просто лезла. И я лез. И вдруг я почувствовал облегчение. Как-то разом. Точно лопнуло что-то, тяжесть ушла, и сделалось удивительно легко, я поднялся.

— Прорвались, — Алиса поднялась на ноги. — Тут выход.

Я не испытал никакой радости, подумал, что с выходом наверняка что-то случилось.

Взорван. Завален. Зарос злобной плесенью. Или слизень в нем поселился. Или еще какая вредоносная погань.

Но с выходом было все в порядке.

Как ни странно.

Глава 14

Стрелок

Пуля попала мне в плечо.

Я даже не понял.

Свистнуло, ударило, я упал.

Выход из Нижнего Метро располагался в памятнике. Мы долго карабкались вверх. Сначала по узкой расщелине, проломившей многометровый бетон, потом по лестнице. По расщелине неудобно — чувствовал себя ящерицей, по лестнице опасно. Расщелина вывела в вентиляционную шахту Верхнего Метро, где мы немного передохнули. Все дно шахты было засыпано черепами, остальные кости рассыпались от времени, а черепа лежали, улыбаясь желтыми зубами.

— Китайцы, — пояснила Алиса. — Их сюда раньше сбрасывали, вот они и лежат.

Китайцев много, в несколько слоев. Наверное, действительно жило много, если где ни копнешь, до сих пор на китайца натыкаешься. Китайцы были тихие и не очень тревожили.

Череп сдвинулся. И еще один. И вот черепа стали подпрыгивать, совсем как живые. И зубами еще стучать.

А снизу поднимался звук. Равномерный грохот и одновременно лязг, я никогда такого не слышал. Лязг приближался, и черепа в шахте начинали чвакать, в ноги пробилась дрожь.

— Это Пропавший Поезд, — объяснила Алиса.

— Поезд? — удивился я. — Разве...

— Ага. Их нет. Но это. Это вроде как призрак.

— Черепа-то по-настоящему трясутся.

— В том и дело. Внизу построили слишком много тоннелей, друг над другом, с пересечениями и развилками, из-за чего многие поезда сбивались с пути. А некоторые терялись, причем, даже с пассажирами. И их так и не находили.

— И они...

— Они до сих пор тут бродят. Как и некоторые люди... Ладно.

Мы полезли вверх.

Скобы, вбитые в стену, некоторая часть из них выщербилась временем, так что частенько приходилось отталкиваться от одной ступени, подпрыгивать и виснуть на другой. После перехода через Нижнее Метро руки ныли и подтянуться удавалось с трудом. Карабкались кое-как, иногда обрываясь, я на одной руке висел два раза, а шахта глубокая, тридцать метров, никак не меньше.

Я думал, что наверху будет люк или что-то в этом духе, но метров за пять до поверхности открылся очередной лаз, и мы выбрались в квадратное помещение, заполненное инструментами, граблями, лопатами и ломами. Я думал, что выход уже близко, надоело чувствовать себя мышью, продирающейся сквозь трубы канализации, но выхода не было, и мы снова поперли вверх.

На воздух выбрались из ботинка. Да, из огромного железного ботинка. Это был памятник. Настоящий памятник, возвышавшийся до неба, не маленькие скучные памятники, кое-где еще встречающиеся у нас, а целый монумент. Отменно мускулистый и отчего-то совсем голый дядька вздымал над головой тяжелое золотое кольцо.

Памятник отлично сохранился. Металл хороший, гладкий, я поглядел в ногу, увидел в нем свое отражение. Алиса сказала, что можно залезть дальше, до самого Кольца, оттуда видно полгорода и даже Западную сторону, но забираться на громадного железного мужика мне совсем не хотелось, и я сказал, что в другой раз как-нибудь слажу.

Алиса привязала к ноге великана веревку, и мы съехали вниз.

С земли памятник казался еще огромнее. На постаменте желтели крупные осколки бронзовой таблички, я спрыгнул на землю и прочитал отрывки надписи:

«На этом месте было начато строительство Второго Большог... Прорыв в изучение Простра... Великие перспективы... Благодаря... Будущее...»

Непонятно. Какой-то великий прорыв и какие-то, великие перспективы. Остальные куски таблички были безвозвратно утеряны.

— Ну как? — Алиса спрыгнула рядом. — Ничего памятник?

— Нормальный, — согласился я. — Только непонятно...

— Да все тут понятно. Памятник строителям Нижнего Метро — кольцо, видишь, висит?

Я кивнул.

— Вот так В Рыбинске у вас такого не сыщешь. Это точно уж. Пойдем...

— Куда мы теперь пойдем?

— На самом деле? Куда идти? Мне к себе. Алиса... Вряд ли Алиса захочет со мной. Она здесь родилась, она здесь выросла, привыкла. У нас она не сможет, у нас лес...

— Куда-куда, к МКАДу, — Алиса махнула рукой. — Провожу тебя до Кольца, покажу выход. А дальше сам доберешься. Тут на востоке по Горькому шоссе есть база, там торговцы собираются. Если кто-нибудь собирается, конечно. Там на левые слезы, может, невесту себе обменяешь. Старушку какую...

— А ты?

— А я поброжу. Тут есть где побродить. А может, тоже на Запад подамся. Посмотреть, что же там такое. Чего уж теперь...

— Да я и сам...

— Не дойдешь, — отрезала Алиса. — Можешь не сомневаться — не дойдешь. Так что давай, двигаем. Тут недалеко уже, прямо вот по этой улице, а затем направо. Ну что смотришь? Радуйся, домой, в берлогу...

Алиса похлопала меня по плечу и двинулась по улице первой. Я чуть постоял и направился за ней.

Шагать получалось легко и приятно, после подземных приключений поверхностный мир выглядел радостно, солнышко светило, и кое-где на кучах мусора и даже на автомобилях произросли рыженькие цветочки. Все было приятно, особенно после подземелий, весело. Алиса рассказывала опять что-то про страшные места, про чудовищных существ, про то, что надежды нет...

Свистнуло, ударило в плечо.

В меня никогда еще не попадали. Один раз, еще в детстве, когда мы учились выживать в лесу и стреляли из луков, мне попали в руку, и это было не очень больно, некоторые слепни жалили гораздо больней.

Сейчас вот тоже не больно. Я почувствовал жжение и почувствовал, как по животу потекла кровь. Не особо удивился. После этих подземелий... Да и вообще, ждал я чего-нибудь такого, не зря казалось.

— Это что? — спросила Алиса.

Мы лежали за ржавым автомобильным остовом, справа и слева простреливаемое пространство. За спиной стена, отступать некуда. Попались.

— Попали, — сказал я. — С хорошего расстояния, снайпер значит.

— Снайпер?!

— Ага. Плохо стреляет.

Я попробовал пошевелить плечом, рука двигалась. Действительно плохо. Достал из рюкзака зеленый тубик, принялся растирать его между ладонями.

— Послушай, Алиса, у тебя тут как, еще какого дружка по случаю нет?

— В каком смысле?

Я продолжал разогревать тубик, дышал, мял.

— В смысле жениха. Вот ты про Айвазика этого рассказывала... Может, это он меня завалить решил? Из ревности?

— Нет у меня жениха, — с каким-то презрением сказала Алиса. — И не будет.

Это она сказала уже с уверенностью.

Я свинтил с тюбика крышку и выдавил в рот смолу. Стал жевать.

— Ты что делаешь?

— Жую, — ответил я.

— Не, точно Рыбинск! — возмутилась Алиса. — Ты что, Калич, тебя прострелили, а ты жуешь? Ты что, совсем?

— В живых остается спокойный, — сказал я. — Чего суетиться- то? Тут как раз равнодушие требуется...

Я выплюнул на ладонь белый шарик, сунул под комбинезон, заткнул дырку, вдавил поглубже. Это чтобы заразу растворить и кровь остановить на первое время. Почему-то было не больно, чувствовался ожог вокруг раны.

— Откуда палил, не заметила? — спросил я.

— Да я вообще не поняла...

— Ясно. Как из мазера стрелять? — спросил я.

— Обычно. Слева рычажок сдвинуть, и стреляй. Только чтобы за спиной никого не было.

Я взял мазер.

— Почему мазер? — спросил.

— Потому что мажешь много. Надо учиться долго.

— Понятно.

Я отложил оружие. Мощное, но бесполезное. Не знаешь, куда стрелять, а этот уже тут все наверняка выделил. Да и сам я к нему не пристрелян. Значит, карабин.

— Может, до ночи посидим? — предложил я. — В темноте не попадет.

— Сиди, мне-то что, — пожала плечами Алиса. — Где ты тут закапываться собираешься?

Закапываться негде, асфальт. Я представил картину. Попытался мысленно поглядеть на нее сверху.

Улица. Дорога. Справа и слева дома. Высокие. Стрелок может сидеть в любом окне. Но не высоко, если бы сидел высоко, то ему нас было бы уже видно. Попал в левое плечо под углом, значит, слева. Ясно.

Достал из рюкзака банку с порохом. Пустой пластиковый пузырек, отсыпал в него. Проковырял в крышке дырочку, вставил поджиг.

— Ты чего это? — спросила Алиса.

— Сейчас дерну, — сказал я. — А ты тут сиди. Молча и тихо. И не двигайся. В любом случае не двигайся. Понятно?

— Угу. Слушай, Калич...

— Меня зовут Дэв, — поправил я, чиркнул огнивом, поджиг затрещал.

Надо было прочитать тропарь, так всегда учил Гомер. Но я забыл, досчитал до двух, швырнул пузырек влево и вверх.

Через секунду бахнуло. Где-то посыпались стекла, я выскочил и побежал. Не особо спеша, стараясь не сорвать сухожилия на раскрошенном в крупные куски асфальте. Ударило справа от меня, стрелок очнулся, но я уже забрал к стене, перепрыгнул через очередной дырявый кузов, влетел в мертвую зону, прижался к кирпичу.

Все, не успел стрелок. Я не стал ждать, пока он определится, направился вдоль дома. Я очень надеялся, что стрелков не пара, если бы я устраивал засаду, я бы устроил ее вдвоем. Посадил бы Ноя на одну сторону улицы, чтобы он спугнул нас. Сам бы устроился на другой стороне. И когда дурачок двинул бы вдоль стены, я бы его преспокойно снял. Я понял это быстро и при ближайшей же возможности запрыгнул в окно.

В домах все одинаково, много гнилого дерева, тряпье, с потолка свисает дрянь. Здесь

было то же самое, только еще более перевернутое, разодранное, разломанное. Я вышел в коридор и на лестничную площадку. Надо было выбирать — направо или налево. Хотел налево. Там наверняка двор, горы мусора, можно спрятаться и ждать — рано или поздно стрелок полезет из окна. Но вдруг я понял, что стрелок подумает так же, и двинул направо.

Крыльцо у дома оказалось смятое, точно наступил великан, козырек есть, ржавые штыри перил то, что надо. Устроился сбоку за третьей ступенькой. Стал ждать.

Снайпер появился минут через пять. Довольно бесечно выскочил из следующего подъезда, огляделся.

Я выстрелил. В шею думал, но в последний миг опустил на два волоса.

Плечо стрелка взорвалось. Это была не легкая быстрая и острая пуля, которую он заправил в меня, нет. Я врубил в него тяжелый кусок свинца, тупой, медленный и, конечно, подпиленный, стрелка развернуло, он упал и не смог подняться.

Алиса победно заорала и попыталась выскочить из-за укрытия, но я рявкнул:

— Сидеть!

Она спряталась.

Я не спешил. Перезаряжался. Картечью для ближнего боя. Двинулся к стрелку.

Издали увидел его винтовку. С оптическим прицелом. Значит, Действительно снайпер.

Сам стрелок лежал на ступенях и был еще жив — нога дергалась. По выбеленному бетону стекала кровь, я подумал, что у него может прятаться пистолет. Маленький такой, в рукаве.

Поднял карабин, прицелился. Если попробует сесть — выстрелю.

Но он не сел.

На вид ему лет двадцать, примерно такого же возраста, как я, может, чуть постарше. Он смотрел на меня. Глаза странные. Красные, как клюква. А волосы белые. Не седые, белые совсем, почти прозрачные. Плеча у него не было, подпиленная на четверти пуля снесла мясо, разорвала кости. Кровь брызгала, просто текла и сочилась, все сразу.

Я продолжал целиться. Он, кажется, что-то говорил. Но получались только пузыри, они вспучивались на губах и лопались, разлетаясь брызгами.

— Она... Она... Ты...

Больше он ничего не сказал, изо рта вырвался розовый вздох, все кончилось. Стрелок умер.

На поясе у него болтался довольно длинный ножик, я осторожно его отстегнул, отбросил.

Плохо. Опять. Конечно, рейдеры, бомберы, я убил и тех и других, но они людей весьма отдаленно напоминали. Этот...

Этот был похож. Седой только, но вполне вроде бы человек. Лицо приятное, чистое, почти без шрамов, человек, кажется. Я не знал никакого тропаря на случай убийства человека. Ладно, сам первый начал.

— Мама... — прошептала Алиса.

Я оглянулся. Она стояла рядом. Губы дрожали. Руки тряслись.

— Знакомый? — осторожно спросил я.

Алиса кивнула.

— Он... Он...

— С вами жил?

Она кивнула еще два раза, выдохнула:

— Это Соня. Соня, он...

— Его что, внизу не было?!

— Нет... Я... Я думала, он не попался, — прошептала она. — Он гулять любил, как я... Я думала, он... А он...

Я отскочил от этого Сони. Если всех убил на самом деле он, то ожидать от него можно чего угодно. Даже от мертвого. Плечо ему, конечно, разворотило, но кто его знает...

На всякий случай я приставил карабин к его шее. Выстрелил. Голова отлетела. Без

головы баловаться не будет. Нет, хорошо бы его на всякий случай еще и сжечь, правильно я его убил...

Алиса всхлипнула.

Настроение как-то сразу немножко улучшилось, думал, что прибил человека, а оказалась погань. Уничтожил очередную поганую погань. Причем, судя по всему, не из последних на поганской лестнице.

— Давно его последний раз видела? — спросил я.

— Неделью... Или десять дней, не помню...

— И как он?

— Что как?

— Нормальный был?

— Да... Нормальный, рассказывал...

Алиса замолчала. Вспомнила что-то.

Нож достала. Я подумал — сейчас резать его будет, смотреть, может, кто внутри обосновался, паразит какой.

— Смотри.

Комбез стрелка Сони был крепко схвачен у запястья бечевкой, Алиса срезала ее, и рукав тоже срезала. Чуть выше запястья синели звездочки. Четыре штуки. Наколки. Три старые, уже почти выцветшие, растекшиеся под кожей. И четвертая. Ровная, фиолетовая, свежая, еще с краснотой.

Алиса ткнула в звездочку лезвием.

— Знакомая штука?

— Это метки. Каждая звездочка за один поход на Запад. Три раза он ходил. И живым возвращался. А про четвертый раз не знаю... Он, наверное, уже без меня... Ну, мы вместе отправились гулять, он направо, я налево... Соня, он, наверное, на Запад...

— На Запад?

— Ага. Там с ним что-то... Случилось...

— Ясно.

Я снял с пояса секиру, присел над телом.

— Ты что? — спросила Алиса.

— Карманы проверю. Полезное, может, что. Не выбрасывать же...

Алиса отвернулась. Я вспарывал карманы кончиком лезвия, из них вываливалась обычная дребедень. Компас, проволока, гайки, патроны. Кожаная книжка. Небольшая такая, я раскрыл. В книжке хранились фотографии. Такие же, как у Алисы, того, старого мира. Дома, моря, леса и реки, я пролистал быстро. Последняя фотография другая. На ней Алиса. Чуть помоложе и не в этом уродском мусорном комбинезоне, а в обычной клетчатой рубашке. Алиса улыбалась. Красивая. Нет, она и сейчас красивая, но в нормальной человеческой одежде еще лучше.

— Твоя фотка, — я показал Алисе. — А говоришь, не жених...

Она выхватила фотографию, разорвала на мелкие клочки.

— Ты что? — спросил я. — Совсем?

Алиса не ответила.

На траве что-то блестело. Я наклонился. Подвеска. Как бы круг, а внутри птичья лапка.

Как у меня. Видимо, с шеи слетела.

Алиса не смотрела, и я спрятал птичью лапку в карман.

— Ты скоро? — спросила Алиса.

— Да, все уже.

— Тогда поторопимся. Здесь уже недалеко, пойдем напрямик...

— А с этим?

Я пнул стрелка.

Алиса отвернулась. И мы пошли напрямик, в этот раз я шагал первым, думал.

Я помню, мы гуляли вдоль Синего Ручья. В тот год Гомер подолгу гулял с каждым,

беседовал на всякие важные темы.

— Раньше было все просто, — говорил Гомер. — Путь выбирали родители. Ребенок появлялся, а его родители говорили ему — будешь тем-то. И человек сразу шел в школу, учиться, к примеру, на водопроводчика.

Кто такой водопроводчик?

Это тот, кто проводит воду. Это сейчас воды кругом полно, ручьи везде, дождь каплет, а тогда воду в каждый дом проводили по трубам, и водопроводчик был очень уважаемым человеком.

А являлся ли при этом человек прирожденным водопроводчиком, никого не интересовало. И очень часто этот самый водопроводчик жил крайне несчастно, потому что не знал своего истинного предназначения, своего ремесла.

— У каждого в жизни есть предназначение, — говорил Гомер. — Вот я — чистильщик. Или истребитель. Я сам истребляю погань — и других учу. И ты тоже истребитель. Потому что...

Потому что когда мальчик начинает говорить разумные вещи, наступает время смотреть, на что он годится. Некоторые умеют обращаться с инструментами, изготавливать оружие и орудия для посева, и тогда они становятся кузнецами, огонь и молот — их ремесло. Другие умеют слышать животных, и становятся зверологами, доят лосей, ищут следы кабанов, разводят кур и этим счастливы. Некоторые рождаются сразу сильными, здоровыми и красивыми, и у них самое сложное предназначение — поддержание племени, и эта судьба не из легких, сам видел. Есть они могут только растительную пищу, пить росу или талый лед, спать должны мало, жить на холоде, и от такой жизни они долго не живут, потому что начинают рано болеть, а больные они уже никому не нужны. И приходится им идти в рыбаки, или в улиточники, или в бортники.

Я спросил, а как же женщины? В чем их ремесло? Гомер ответил сразу и просто. Жизнь — это занятие женщин. В этом их цель. У мужчин много целей, много занятий, но тебе выпало самое важное. Твоя цель — зачищать территорию. Только зачистив территорию от слуг зла, мы приблизим падение самого зла. Мы должны сохранять жизнь себе и своим товарищам, это так, но главная наша цель — падение зла. Уничтожить зло, стереть его с лица Земли — вот путь, и альфа и омега.

Я поинтересовался у Гомера, как он выбрал мой путь, а он ответил, что путь выбирает совсем не он, путь выбирает Владыка, он же, Гомер, лишь читает его знаки.

И в чем же мой знак?

Гомер взял мою руку и взял свою руку. Они были похожи. Небольшие, с аккуратными пальцами средней длины, с умеренно широкой ладонью.

— Тебя выбрали твои руки, — сказал Гомер. — Вряд ли с такими руками можно быть хорошим молотобойцем. Зато с оружием ты будешь обращаться хорошо. Или ты хочешь стать кем-то другим?

Я никем не хотел стать, никаких предпочтений у меня не сложилось.

— Твой путь — смерть, — сказал Гомер. — Это твое ремесло и предназначение.

— Вокруг тебя всегда будет смерть, — сказал Гомер. — В этом мало хорошего, но ты должен привыкнуть.

— По-другому нельзя, — сказал Гомер. — Кто-то должен и конюшни расчищать...

Про конюшни я не понял, у нас уже давно никаких коней не было.

Глава 15 Пацифист

Вокруг поле. Бугристое какое-то, но без деревьев, травой поросло. Как-то оно мне не очень понравилось, на кладбище похоже, но крестов вроде бы нет.

Мы взбирались на последний уровень, я насчитал тридцать два, потом бросил. Я бы сам не полез на такой дом, но Алиса сказала, что тут спокойно, что она сама сюда частенько

ходит, любоваться видами.

Не знаю, чем тут было особенно любоваться, я никогда ничем не любовался. Гомер говорил, что засматриваться на природу нечего, иначе она быстренько возьмет тебя за шею. А сидеть наверху...

Глупо. Алиса точно специально подставлялась. Или с ума соскочила, ну, из-за этого своего Сони. Почему нет? В таком месте любой свихнется. Когда еще происходит всякое...

Я решил, что не буду думать, все равно ничего не понимаю. Гомер говорил, что человеку вообще не стоит думать до двадцати пяти лет, кто думает до двадцати пяти — тот до двадцати пяти не доживает. Стреляй, помолившись, вот что говорил Гомер. А если не успеваешь помолиться, все равно стреляй, помолишься потом.

— Зачем мы здесь? — спросил я.

— Воздухом подышать. Подумать. Я должна подумать, устаю от воздуха подземелий, я тебе говорила, он человека загрязняет. Человек должен подниматься на высоту, просто обязан, чтобы человеком оставаться.

— Человек не птица, — возразил я.

— Человек — не червь. И не свинота. И не труп. Человек должен смотреть вверх. Если человек не смотрит вверх, он становится... Мертвецом.

Алиса принялась расплетать косу. У нее оказалась коса, я раньше и не замечал!

— Мы кому-то очень надоели, — она поглядела вверх. — И этот кое-кто, он решил от нас избавиться, решил вместо нас мертвецов заселить. А мы не мрем. Вот так. Но он упертый... Мы все сдохнем.

— Не, надежда есть, — возразил я.

— Почему?

— Солнце-то светит.

— И что?

— И то. Если бы Владыка хотел с нами покончить, Он бы сразу решил это сделать, разом. Взял бы и погасил солнце. А оно светит. Значит, это не просто мор, значит, это испытание. Проверка.

— Вы в Рыбинске все такие мыслители? Вы думаете, думаете, а потом идете рыбу есть.

Алиса вдруг чем-то щелкнула, и комбинезон-кикимора упал. Под ним была майка с цветочком и синие штаны. И знак, птичья лапка.

Как у меня. Как у этого Сони.

— Что это? — я указал на знак.

— Это? — Алиса сняла подвеску, повертела на пальце. — Пацик, означает, что ты мир любишь. У нас у всех тут такие.

— И у меня.

— Брось. В Рыбинске пацики? В Рыбинске рыба.

Я достал из-под ворота свой кругляк.

— Покажи.

Я снял, кинул Алисе. Она принялась сравнивать.

— Разные, — сказала Алиса. — У меня из титана вырезан, а у тебя из олова отлит, в Рыбинске титана не сыщешь?

Я отобрал кругляк.

— Говорят, это непростые штуки. Я, правда, не верю. По-моему, это просто цацки.

— У стрелка тоже была, — сказал я.

— Что?

— У того, которого я убил. У Сони. У него тоже была такая кругляшка.

Алиса промолчала.

— Это, наверное, общий знак, — сказал я. — Его все люди носят. Все-все. Это неспроста.

Алиса фыркнула.

— Все, которые из Рыбинска, верят, что все это неспроста. Это от рыбы. Если много

рыбы есть, фантазия начинает развиваться. Может, ты еще в Белого веришь?

— Не верю, — сказал я. — Потому что не знаю ничего про него.

— Да вот, есть тут такой, говорят. Белый. Когда вроде бы все уже, конец. Труперы окружают, а патроны на нуле. Или в зыбь вляпался. Или ногу оторвало, лежишь, кровью истекаешь, и вот уже все вроде бы. А тут Белый. Старикашечка. Стоит, улыбается, на тебя смотрит. И ты засыпаешь. А просыпаешься уже в другом, безопасном месте. И нога целая, и раны залечены...

— Все так оно и есть, — сказал я. — Я, правда, сам не слышал, но это наверняка правда. Про Белого. Это ангел. Он является праведникам...

— Дурак какой-то. Ты чего на своей праведности так помешан-то?

— Как это чего? Только праведник может низвергнуть зло, это же понятно. Праведники лучше бегают, метче стреляют, дыхание дольше задерживают. Ты же видела!

Алиса задумалась.

— Может, ты и прав, — сказала она. — Может. Стреляешь ты действительно неплохо. Прямо мастер огня, а не пацифист. Ты считаешь, что это из-за того, что ты не ругаешься?

— Из-за этого тоже, — заверил я. — Брань оскорбляет природу, и природа отвечает тем же. Вот руки и начинают трястись. Живи в чистоте...

— Жуй красноперок, знаю. Ты еще про прищепки свои расскажи.

— Это вериги, — поправил я. — Вериги тоже очень и очень.

— И как же именно? Вот ты там прищемляешь что-то. И как это тебе помогает.

— Само собой. К боли приучает. Потом здоровье улучшается...

— Ты стегаешь себя плеткой, и от этого у тебя улучшается здоровье?

Я кивнул.

— Тут все просто, — сказал я. — Организм тренируется выздоравливать, привыкает. И когда случается серьезная травма, то все проходит быстро. Хорошо еще вверх ногами висеть...

— Дальше не надо, — остановила Алиса. — Хватит. Я не могу висеть вверх ногами, не могу прокалывать себя иглками, ты уж сам. Тут километров пять еще — и вперед. К своим. У тебя там есть кто-нибудь, а? Братик?

Нет у меня братика. Мать не помню, отца убили, был Гомер — тоже погиб, Ной есть... Не знаю, остался ли там кто-нибудь. Старая Шура.

Я улыбнулся.

— Ладно, заведешь какую-нибудь шиншиллу, согласишься, короче. Я тебе вот бы что советовала.

И тут я увидел, что по полю, по этому бугристому полю бежит кто-то. Далеко было, но увидел.

— Бежит кто-то... — сказал я.

Посмотрел в трубу.

Мальчишка — я сразу понял по шустрости. Мелкий. Удирает. Если бежит, то удирает. Из зарослей выскочили два мреца. Оба, как полагается, — оборванные, черные. Бежали, как они бегают, — страшно, длинными шагами, с еле заметными паузами, это всегда меня в них раздражало.

И третий выскочил.

— Ах ты...

Я тут же схватил карабин и принялся целиться. Мертвяки бежали неудобно. Сверху трудно попасть.

Расстояние изрядное. И ветерок. Поправки нужны.

Карабин привычно лег на локоть, я быстро прицелился и нажал на крючок.

Курок ударил по капсюлю.

Осечка.

Первая осечка. В моей жизни. Переставить капсюль — дело секунды, но рисковать нельзя — вторая осечка — слишком большая роскошь. И почему осечки?

— Я вниз! — крикнул я.

— Я с тобой...

— Лучше стреляй!

Я сунул Алисе карабин.

Бежать вниз гораздо опасней, чем подниматься вверх. Но я торопился. Перепрыгивал через ступени, старался не думать. Потом буду. Вот двадцать пять стукнет, если доживу, конечно, тогда и отдохну. Наберу учеников, буду их учить. Они у меня будут закапываться, а я на них прыгать стану и голодом морить.

Вниз уровни не считал, следил за тем, как медленно приближается земля.

Выскочил из дома. Осечка. Первая осечка. Все когда-то происходит в первый раз, почему сейчас?

Мальчишка уже сдыхал. Они тут, в Москве, слишком изнежены. Лазают по трубам, живут в подвалах, свиней ловят — нам бы так свиней ловить. Хорошо едят, мало двигаются. Думают, наверное, много. А надо меньше. Мысли рожают зло, первую мысль в голову вкладывает Владыка, а потом уж дьяволы начинают нашептывать — а может, лучше так, а может, лучше по-другому, а давай еще вот так попробуем. А праведность должна быть как рефлекс — только тогда она истинна.

И вообще, кто много думает — тот плохо бежит. Этот уже еле двигался. Хрипел. Мрецы догоняли.

Я никогда не бился с мертвецами вручную. Не было необходимости. У нас другая тактика. Если вдруг я наткнулся на мреца случайно, в лесу или в поле, то действовал так — сразу начинал убегать. С хорошей скоростью, мрец хромал вслед, я отбегал метров на пятьдесят и стрелял ему в лоб и перезаряжал. Если преследовали двое, повторял. Как-то раз трое встретились. Пытались догнать меня в ольховнике.

Сейчас трое, а я без карабина, и этот бегун уже сдыхал.

Вообще все мрецы пропитаны трупным ядом, лучше от них держаться дальше. С ними вообще нельзя вступать ни в какую рукопашку, мертвяк сразу валит тебя на землю и начинает грызть и рвать. Только на расстоянии. Копьем.

Так учил Гомер.

Трое. Много. Значит, кладбище старое рядом. С грешниками. Ибо только грешник становится мрецом, потому что в нем столько грехов, что после смерти они, как сера, его сохраняют. Праведники гниют быстро, как все чистое и светлое, а грязь не гниет. Лежит себе и лежит, и постепенно возрождается, выкапывается и начинает поганить то тут, то там. И яду в них много. Много.

А мне было не страшно.

Мрецы догоняли. Мелкий запинаясь. До них оставалось метров сто, и я надеялся, что он продержится.

Но мелкий не продержался.

Я рванул навстречу. В голове ничего не было. Не думал. Не думал.

Кажется, на полпути я завопил, но, может, и нет.

Успел до парня первым. Оттолкнул в сторону, он покатился по траве. До первого мреца оставалось метров пять. Я выхватил топор.

Я хорошо метаю топор. С разных дистанций. В лесу учился. Конечно, попасть в брызжущего слюной мертвеца — это не совсем то, что попасть в спокойное мирное дерево. Но принцип тот же. Главное, рассчитать расстояние.

Количество переворотов.

Конечно, я не рассчитывал это расстояние. Никто бы не рассчитал в такой ситуации. Я просто почувствовал нужный момент.

Топор врубился в голову мреца с восхитительным треском, тот сразу остановился и двинул в сторону. Я вышиб ему мозг. Или то, что вместо мозга было.

До второго оставалось чуть, я выхватил секиру.

Ее я метать не умел, но времени все равно не оставалось, даже для замаха. Он прыгнул,

растопырив лапы, в этой своей мрецкой манере — чтобы уронить и закусать.

Он прыгнул. Но я уже падал на спину. Чуть быстрее его. Мрец пролетел у меня над головой, я взмахнул секирой и перерубил ему колено.

Мрец упал, покатился, попробовал встать — не получилось. Пополз в сторону.

Оставался третий. Он чуть подотстал, поскольку был хромой. Теперь время для замаха у меня имелось. Выхватил лопату. Подпустил дохлятину на надлежащее расстояние и швырнул. В плоскости, чтобы снесло голову.

Все.

Услышал, Алиса орала сверху.

— Рыбинск! Давай их! Руби! Руби!

Мальчишка поднялся. Лет тринадцать, может, меньше, они тут по-другому совсем выглядят, моложе. Смотрел диким взглядом. Отходил. Радовался, что жив.

— Держись меня, — велел я. — Оружие есть?

Парень вытащил мачете.

— Пойдет. Без замаха умеешь бить?

Он помотал головой.

А еще меня Рыбинском дразнят. Каличем. Это они рыбински и каличи, и вообще, Рыбинск — хороший город, хотя я там и не был.

Я отыскал лопату и закончил. С мрецами. Сначала с тем, что ползал. Затем с тем, что бродил. Кругами бродил, топор в башке торчал, приближаться было опасно, пришлось швыряться.

Повернулся к пацану.

— Ты кто? — спросил я.

— Она... — он снова плюхнулся на землю. — Она их всех утатила... Она утатила...

Он стал рассказывать.

Я не очень хорошо понимал, он бубнил что-то про памятник, сыпал названиями улиц и подземных станций, восклицал что-то, замолкал, затем вообще принялся плакать.

Нервный мальчишка. Никакой дисциплины. Но кое-что я понимал все-таки. История складывалась неприятная. И похожая. У них там тоже клан жил, взрослые, дети, все как полагается. Хорошее место, глубокое, спокойное, от Верхнего Метро далеко. Запасы старые сохранились еще, все очень здорово. Одним словом, Жили не тужили.

А потом у них завелась навка.

— Кто? — не понял я.

— Навка, йома, яга, — непонятно пояснил парень. — Не знаешь, что ли?

Я не знал.

— Она как человек совсем, только не человек. На людей охотится. Подходит, разговаривает, смеется, а они за ней куда ей надо идут, что она там с ними делает дальше, не знает никто, только никто людей этих больше не видит. Завелась у нас тоже, но мы сразу не поняли...

Они сразу не поняли. Козы доиться перестали. И волновались, блеяли так жалобно-жалобно. Никто не подумал, что это из-за навки, думали, просто время, как всегда, меняется, зима раньше наступает. И вот однажды отправили коз пастись в трубу, с двумя пастухами, все как полагается, с утра. А к обеду никто и не вернулся. Взрослые пошли в трубу, а там никого. Вот тогда и поняли все. Собрались хорошенько и отправились ее убивать. Три дня назад. Дома остались только совсем маленькие, старуха одна и он, Шнырь. А сегодня он проснулся, и нет никого. А старуха смотрит только, ничего сказать не может...

И они говорят, что у нас в Рыбинске плохо! Да у нас там место отдыха! А они тут живут, как... Как не знаю где. Навки, мерзость какая, в сто раз кикиморы хуже.

И похоже на то, что случилось с Алисой. Так...

— Ты что тут разгуливаешь? — спросила из-за спины Алиса.

Я даже вздрогнул. А пацан этот подскочил и побледнел.

— Я... Я...

— Ты, — повторила Алиса злобно. — Ты... Что тут делаешь...

Уставилась. Смотрела, как одуревшая, будто не парень это мелкий, а снеговик оживший. Головой качала, как щен на солнце.

А пацан этот, наоборот, на меня косился. Всхлипывал, сопли, слезы.

— Ты почему тут ходишь? — спросила Алиса уже по-другому. — Ты почему один ходишь... Как тебя зовут?

Она улыбнулась. Так мило, по-домашнему.

— Ты, кажется... Как тебя зовут?

Алиса протянула руку, хотела погладить по голове.

Мальчишка отпрыгнул.

— Ты чего боишься? — Алиса принялась шарить по карманам. — У меня тут где-то ириска...

— Я не люблю ириски! — выкрикнул парень.

— Ты за нами следил? — сощурился я. — Ты?

— Да... но...

— Удрал, — Алиса достала пыльную конфету. — Удрал... Я тоже часто удирала... Ему тут нельзя, Дэв, он мелкий еще...

Протянула конфету.

— Я не люблю... Не люблю!

— Из дома нельзя сбежать, — сказала Алиса. — Нехорошо.

— Я не сбежал... — еле слышно прошептал парень. — Я...

— Та же история, — сказал я. — Что и у вас. Все погибли.

— Как? — прищурилась Алиса. — А ну, рассказывай.

Шнырь повторил всю историю. Со всхлипываниями, с заиканием, с растиранием соплей. Алиса слушала и хмурила.

— Как это вы коз в трубе пасли? — перебила она. — Интересно. Там же нельзя долго находиться.

— А козы любят, — ответил Шнырь. — И молоко только вкуснее становится и полезнее. И больше его...

— Да? Ну хорошо... Где, ты говоришь?

— Там, — указал парень. — Нет, там...

Он вертел головой, разглядывая одинаково неопрятные здания.

— Не знаю, — сказал он. — Запутался... Я все правильно шел, улицы считал, потом, совсем рядом тут на дохлятину выскочил, они за мной погнались.

— По солнцу умеешь определяться? — строго спросил я.

— Мы по улицам все время ходили...

— По каким?

Шнырь принялся тереть лоб, пытаясь припомнить.

— Ну? — требовательно сказала Алиса.

— Сейчас... Там же всегда таблички... О! Рубеля! Потом еще Левитана! И Сурикова... Вот, мы там всегда и были.

Я поглядел на Алису. Она помотала головой, видимо, улиц Рубеля и Левитана она не помнила.

— Москва большая, — сказал я. — Улиц много.

— Да-да, — подтвердил Шнырь, — Рубеля и Левитана, я оттуда бежал и бежал... Она их утатила, надо помочь, помогите, пожалуйста. Я вам отдам слезы, у нас много слез...

— Тихо! — прикрикнул я на Шныря. — Сиди спокойно. Поможем.

— Спасибо! А то я совсем один... У меня там сестренка...

— Цыц!

Шнырь замолк.

— Поговорить надо, — Алиса кивнула в сторону. — Отойдем.

— Будь здесь, — приказал я Шнырю. — Ни с места, понял?! Ни шагу! А то сам тебя

прибью!

Пацан кивнул.

Мы отошли чуть. Пацан сидел, похожий на грязного весеннего воробья, разглядывал Папу, пытался гладить его через прутья клетки. Папа не урчал и не противился вообще, сидел спокойно.

— Уходить отсюда надо, — шепнула мне Алиса, когда мы отошли на расстояние.

— Как уходить? — не понял я. — А как же... Надо сходить, посмотреть...

— На что смотреть? Ты у нас не видел, что ли? — спросила она истерично.

— Но все-таки.

— Им не помочь, — сказала она негромко. — Это... Это хуже всего.

— Как это не помочь?

— Так. Это всегда так бывает. Навка... Это. Это оттуда.

Она кивнула на запад.

— Раньше не было, сейчас только. Да и то, думали, что это все сказки. Приходят, влезают в семью, совсем, как люди... Это пацан сказал, что она в трубе завелась, а она между ними завелась.

Я поморщился. Нет, все-таки Гомер прав был. Насчет тутошней жизни. Не жизнь тут. Уходить надо. Дорогу запомнил. Вернусь домой.

— Это так бывает, — рассказывала Алиса. — Кто-то исчезает, ненадолго, на пару дней. Возвращается, говорит, что заблудился. А через месяц люди начинают пропадать. Про трубы детям рассказывают, чтобы они без дела не болтались. Шнырь считает, что это женщина, а это и мужчиной может быть. Кем угодно. Если оно пришло, то все уже. Ты думаешь, почему козы перестали доиться?

— Помочь нельзя?

Алиса пожала плечами.

— Не знаю, — сказала она. — Ты же видел, что у нас было... Скорее всего, они уже все мертвы. Вот тебе и ответы, Дэв.

— Какие ответы?

— Такие. Почему бронедверь открыли. Свой потому что пришел. А мне повезло, я гуляла в то время...

Алиса хмыкнула.

— Они меня все время ругали за то, что я гуляла, а вот... Жизнь мне спасло.

Алиса поежилась.

— А дети? — спросил я.

— А что дети?

Я поглядел на Шныря. Мелкий еще, расти и расти. Тощий, грязный, куртка с дырками, блох килограмм, наверное.

— А что дети? — нервно повторила Алиса. — Что мы тут можем?

— Зачем ей дети?

Алиса пожала плечами.

— Откуда я знаю?! Зачем...

Она с силой терла ладони.

— Знаешь, никто никогда навок живую не видел. Как они выглядят, тоже неизвестно. Находят разоренные семьи, вот и все. Один только раз...

Я вдруг подумал, что мы сидим на открытом пространстве. Слишком долго. Слишком хорошая цель.

— Надо в дом вернуться, — сказал я. — Эй, Шнырь, пойдем.

Мы вернулись в срезанный дом, поднялись до третьего уровня, велели пацану ждать, а сами пошагали наверх, за снаряжением. Через пять пролетов возобновили разговор.

— Один только раз, — шепотом рассказывала Алиса. — Девочка сбежала, смогла кое-что рассказать. Навка, она не убивает.

— Почему?

— Она просто детей любит. Не в том смысле, что питается ими, нет. Она их держит в каком-нибудь месте, кормит, играет с ними, она как мама... Пока они не вырастают. И только потом...

— Понятно, — перебил я. — И только потом понятно. Надо им помочь.

— Как? Мы даже не знаем, где это все произошло...

— Шнырь покажет.

— Если дорогу запомнил...

— И что ты предлагаешь?! — крикнул я. — Вот так все бросить? Сдаться?! Давай, сдавайся! А я не буду. Меня какой-то навкой не испугаешь, я не такое видел!

Я ударил кулаком в стену, бетон загудел.

— Я пойду с ним, — я указал пальцем вниз. — Ты как хочешь...

Вполне возможно, что шанс спасти детей еще оставался. Возможно, что и других найдем. Если навка их не сразу убивает, то еще успеем отыскать, вполне успеем. А потом...

В голове у меня уже строились планы. Убью навку. Займу убежище. Схожу за своими — за Ноем, Старой Шурой. Станем жить здесь. Конечно, погани здесь больше гораздо, но и жизнь сытнее. Помидоры! Тыквы! Потом можно будет с другими убежищами объединиться, выйти за Кольцо, перебить рейдеров...

— погоди, — догнала меня Алиса.

— Ну что? — не останавливаясь спросил я.

— погоди, я сказать хотела.

— Говори.

Я шагнул вверх. Через две ступеньки.

— Насчет невест. Я это... Пошутила. Просто... Ну, тут у нас шутки такие дурацкие, ты извини...

— Извиняю.

А я действительно не держал зла. Только так и не понял, чем все это закончиться должно было.

— Про этого, Шныря. Я согласна.

— Что согласна?

— С тобой согласна. Давай ему поможем, все как ты скажешь.

— С чего это?

— Да так А что? Теперь я это, одна совсем... Ладно, поищем эту йому. Только это...

— Что?

— Ты за ним приглядывай.

— Почему? — не понял я.

Алиса промолчала. Вот не люблю, когда паузы устраивают специальные.

— Пацаненок странный, тебе не показалось?

— Да нет... Испуганный.

Я поглядел на Шныря. Шнырь больше не выглядел испуганно. Дразнил Папу прутом, хихикал.

— Испуганный? — усмехнулась Алиса. — По-моему...

Сама как-то особо не испугана. Весь клан у нее перебили, а она вполне себе скоренько в себя вернулась. Да и я хорош. Я вдруг вспомнил, что давно не читал тропарей просто так, для души, не размышлял на правильные темы, не каялся и не подкручивал винты вериг. Укатал меня этот городок, укатал, душа портиться стала. Гомер бы не одобрил.

Ладно. Я дал себе слово, что как только вот разберусь со всем этим, так сразу совершу что-нибудь душеспасительное.

— Может, конечно, и испуганный, — согласилась Алиса. — Столько кругом разного, путаться в три года отучаешься. Но он... Он сказал, что живет на улице Рубеля. И рядом там...

— Левитана и Сурикова, — напомнил я.

— Да, Сурикова. Вот, смотри, я тебе показать хочу.

Алиса достала из рукава тоненькую книжицу в пластиковой обложке, принялась листать.

— Вот, — она сунула мне книжку. — Вот эти улицы.

Книжка была картой, и улицы Сурикова и Левитана располагались рядом, а Рубеля оказалась вовсе Врубеля улицей.

— И что? Такие же улицы есть.

— Есть. Только они располагаются совсем не здесь. Они на Западе. Там, откуда никто живым не возвращался.

Она перевернула страницу, там карта изображалась в полный рост, только мелкая. Все эти улицы действительно располагались на западе, далеко от нас, через центр.

— Он мог спутать, — сказал я. — Тут у вас столько всего, и наверху, и внизу, ты сама говорила.

— Может, спутал, — Алиса прибрала карту. — Я ведь не спорю.

— Он мелкий еще. Я ваши эти улицы сам не понимаю, то прямо, то налево, а указатели не везде висят...

— Может, и спутал. Может — это в нашей жизни главное слово. Слушай, только мы его с собой не возьмем.

— Почему? — не понял я. — Он дорогу ведь...

— Дорогу он не знает, — Алиса помотала головой. — И наоборот, заведет нас в какую-нить непролазь, не выберемся. А потом он мелкий. Мы себя-то еле-еле защищаем, а уж его и подавно.

Она была права. Тащить с собой еще и Шныря бессмысленно. Пусть нарисует, что помнит, или хотя бы расскажет, что помнит.

— Тут неподалеку... — Алиса замолчала, долго глядела на меня, затем продолжила: — Тут неподалеку есть местечко. Скрытное, глубокое, я там частенько останавливалась. Часа, наверное, три пути. Отведем его туда, еды оставим разной, воды. Короче, продержится. А мы потом его заберем.

— Правильно.

Глава 16

Заповедник Коломенское

Местность пошла под гору, и мы увидели реку. Вернее, то, что от нее осталось. Ручей, заросший тиной и мелким красным кустарником. Именно красным, причем красный цвет был очень насыщенный, листья точно кидались красными бликами, очень неприятно.

— Краснушка, — пояснила Алиса. — У вас такого, конечно же, не растет...

— Нет, не растет.

— Она бесполезная совсем, дрянь. В ней строка любит селиться, кстати. Здесь нет, не надо морщиться. Здесь вода рядом, а строка воду не любит. Я тоже не дура жилье себе рядом со строкой устраивать... Нам туда.

Алиса указала пальцем.

На косогоре торчала островерхая церковь, я узнал. Совсем старинная, тысяча лет ей, наверное. Раньше она стояла на холме, но холм, видимо, смыло, и наружу выступали углы фундамента. Красного цвета. Сама церковь тоже красная, дубы вокруг растут... Не растут, вернее уже, почернели. Черные такие дубы, старинные, толстые, пять человек нужно, чтобы самый худой обнять. И тоже красные. То есть не везде, от корня красные, а выше человеческого роста черные, с какими-то подозрительными грушами. Черными. Сочетание получалось какое-то неприятное. Особенно если учесть, что травы там тоже не произрастало, вместо нее вокруг дубов разливалась чернота, из которой торчали сгнившие бревенчатые строения. Вообще строений было много, но все они представляли собой все те же руины, что распространялись тут почти повсеместно. Мрачно.

— Точно кровью все залито... — прошептал Шнырь.

— Это тоже краснуха, — пояснила Алиса. — Только маленькая. Она тут расти любит... Раньше тут все, наоборот, белое было. Нам туда.

Она указала на домик. Небольшой и самый разрушенный, не домик, а так Набор бревен.

Мы прошли по берегу реки и углубились в дубовую рощу. Меня интересовали эти шишки, крупные, с ведро. Очень походило на осиные гнезда, только какой-то крючок снизу, почему-то мне очень хотелось дернуть за этот крючок.

Да и сами дубы тоже. У нас в Рыбинске... тьфу, то есть у нас просто, дома, там тоже дубы есть. И даже каштаны. Но они ничего, нормальные, на дубах желуди, на каштанах каштаны. А на этих дубах кроме шишек еще и шипы. Я бы никогда такое место для остановки не выбрал.

— Тут безопасно, — рассказывала Алиса, пока мы пробирались через дубы. — Погань сюда почему-то редко заходит, тихо всегда. Можно на колокольню забраться, оттуда хорошо видно.

— Я люблю на башнях спать, — сказал Шнырь. — Там воздуха много. Я на башне буду сидеть?

— Нет, — помотала головой Алиса. — Нет, внизу. Тут много подвалов и древний подземный ход, я его обустроила хорошенько, жить можно. Посидишь, пока мы разберемся с этой твоей навкой.

— И долго там мне сидеть? — уныло спросил Шнырь.

— Пару дней, — улыбнулась Алиса. — Через пару дней... Вон мой домик.

Вблизи домик выглядел еще хуже, красная дрянь прорастала из каждого бревна, я сорвал веточку, растер между пальцами. Сок красный, на кровь непохоже. Но растение... Никогда такого не видел. Как елка, только не листья, маленькие иголки, дурное место. Я поглядел на Папу. Сидел спокойно, даже спал, кажется. Все вроде в норме. И все равно мне тут не очень нравилось.

Какое-то ощущение...

Вот когда, к примеру, идешь по лесу, и вдруг возникает такое ощущение, это означает, что за тобой присматривает волкер. Выслеживает. У нас вокруг станицы всегда волкеры рыскали, так что выходить опасно. Но Гомер, едва мы перерастали колесо, отправлял нас в лес. Поодиночке, конечно. На испытание. Рассказывал, что надо делать, как себя вести правильно, куда стрелять.

Меня тоже, помню, отправили. С карабином. Я раньше только по банкам из него стрелял, не дорос я тогда еще до своего карабина, но к оружию надо привыкать с детства. Взял я карабин, прошел по тропе мимо мин, ловушек и колючек, углубился в лес. Карабин, кстати, на плече — идти полагается как попало, чтобы волкер не заподозрил. А то он увидит, что ты не просто шагаешь, а на охоту выдвинулся — и никогда не покажется. Поэтому оружие за плечом. И в нужный момент его следует снять.

Волкера почти сразу почуял. Не по запаху, они хитрые, беззапашные, а вот так как раз. Шеей. Волоски на ней дыбом встали, дрожь неприятная прошла. Тогда я Папу себе еще не вырастил, самому приходилось за папу работать. Шагаю по тропинке, а он рядом. Не видно его, ни сучок не хрустнет, ничего. Точно и нет. Но я-то чувствую — наблюдает. Ведет меня, напасть готовится. И я тоже готовлюсь, ну, чтобы с первого выстрела, значит. Куда попадать, помню прекрасно — в колено, лучше в правое.

Все ждал, что он откуда-то сверху нападет — тропинка по оврагу, сверху напрыгнуть очень удобно. Но волкер мне попался старый, опытный, мы потом посчитали кольца на зубах — почти пятнадцать. Он и так-то меня старше был гораздо, а если считать, что у волкера каждый год за пять, то и вообще матерый. Вот он меня и окрутил, пока я его по верхам караулил, он из-за сосны просто высунулся и на тропинке встал. Прямо передо мной.

Я стал снимать карабин, а он уже прыгнул. Ну, выстрелил я, в дерево соседнее попал, шишки посыпались. А волкер уже на мне. Сбил лапами, повалил на землю и сверху насел, зубами тянется.

Все, думал, смерть моя улыбнулась, сжался, ничего поделывать не могу. Глаза закрыл, чтобы не видеть. И выстрел. Волкеру в глаз прямо, никогда такого не видел. Глаза у волкеров малюсенькие, щелки. Туловище здоровое, с горбом, ну вот вроде как у кабанов, в глаз попасть это еще уметь надо.

Волкер дернулся и на бок, зубами, конечно, в злобе своей бесконечной, щелкнул, но меня уже не задело.

Гомер показался, поднял меня с земли за шкирку, отдубасил хорошенько. Чтобы башкой впредь думать учился. И советов дал несколько. Весьма, кстати, мне впоследствии пригодились. Например, держать карабин всегда на левом плече, причем стволом вниз. А чтобы пуля не выкатилась, пробку специальную из резины. Ну, и так дальше.

Так что чувство скрытно наблюдающего взгляда у меня неплохо развито.

И здесь вот опять. Почувствовал. Волкер? Я здесь, в Москве, волкеров не встречал пока. Конечно, это не означало, что их здесь водиться не могло, волкеры твари скрытные. Но волкера бы Папа почувствовал. А он был спокоен.

Навка?

Рейдеры? Алиса вроде говорила, что рейдеров тут нет. Не было, так, может, развелись, кто его знает...

А может, ошибаюсь вообще. Вот этого Соню-стрелка не учуял совсем... Вот такие дела.

Я немножечко напрягся, но виду не подал. Алиса продолжала что-то рассказывать, старалась убедить Шныря, что в этом подземном ходе ему будет очень, очень хорошо, просто замечательно.

— Я тебе говорю, там хорошо, — повторяла Алиса. — Вода в бутылках, ириски... Сколько хочешь. Сушеные финики, а? Ты когда-нибудь сушеные финики пробовал? Финики — это тебе не лягушки вяленые. Ты лягушек вяленых пробовал?

Шнырь морщился.

— Ладно, — Алиса хлопнула в ладоши. — Я сейчас вниз слажу, кое-что сделаю, а потом свистну. И ты, Шнырек, сразу туда шнырай, я тебя уже ждать буду. А ты сторожи.

Это она мне.

— Что-то... А, ладно.

Алиса сдвинула бревно, протиснулась в щель. Раскидала хлам и нырнула в землю. Так, во всяком случае, мне показалось, хотя, конечно, на самом деле там имелся лаз. Тут везде лазы, место такое, лазутчицкое.

Мы остались вдвоем. Уселись на бревно, вытянули ноги. У Шныря оказались неожиданно хорошие ботинки, новые, видимо, кто-то в клане мог шить.

— Тут раньше красиво было, — сказал Шнырь. — В этом месте. Я видел картинки. Все белое, как снег. И дубы. Тут раньше желания даже исполнялись.

— Как это? — не понял я.

— Так. Приходишь, думаешь о своем желании — ну, что тебе хочется. И всегда сбывалось. Только много не надо загадывать, жадничать. Тогда все в порядке. Заповедник называется, то есть все заповедные желания сбываются. Заповедник Коломенское, вот.

— А сейчас?

— Сейчас тут ничего не исполняется, не видно разве?

Видно. Вряд ли в таком месте исполнится что-то, разве что наоборот. Провалишься куда-нибудь.

— А ты давно ее встретил? — спросил Шнырь.

— Ага, — зевнул я. — Дней... Не помню уже. Шесть, наверное.

— Понятно. А почему у тебя автомат такой древний?

Он кивнул на карабин.

— Зато надежный, — ответил я. — Никогда не портится. И патроны с собой таскать не надо. Сплошные преимущества.

— Автомат лучше, — возразил Шнырь. — У меня автомат. Маленький такой, с одной

руки стрелять можно.

— Что же ты тогда эту навку не расстрелял?

Шнырь пожал плечами.

— Ясно.

Чувство, что за нами наблюдают, не отпускало. И это явно был не охотник. Для любого охотника, для волкера, или для кенги опять же, группы интереса не представляют. Если вас двое, волкер не нападет, они даже если в стаю собираются, всегда по одиночкам работают.

Значит, все-таки люди... Или кажется. Нервы размотались, вполне могли и казаться. Казюля привязалась, хотя сказки это, нет никаких казюль.

— Ты ничего не чувствуешь? — осторожно спросил я у Шныря.

— Вроде как смотрит кто, так?

— Вроде...

— Это морок. Место, видишь, какое... Гадкое теперь. В таких местах всегда так. Нехорошо. Надо поскорее отсюда... Слушай, я совсем не хочу там сидеть.

— Так надо. Сам понимаешь. Мы пойдем твой клан выручать — тебя с собой не возьмешь уже. У тебя даже автомата твоего нет. Посидишь немного. Отоспишься по-нормальному.

— Ага, отоспишься. А ты что, правда земляной?

— Что?

— Ну, земляной. Под землей передвигаться можешь?

— Я из Рыбинска, — ответил я.

— И что?

— Мы там все под землей передвигаемся. Как эти... маркшейдеры, слыхал про таких?

Шнырь плюнул.

— Ясно, — сказал он. — Да, за МКАДом чего только и нет, оно и понятно. Говорят, что китайцы кое-где живы, представляешь?

— А что тут представлять? Мы китайцы и есть.

— Не... — помотал головой Шнырь. — Мы не китайцы. Китайцы желтые все от жадности, а мы нормальные. Я вот не желтый.

Я бы не стал этого утверждать окончательно, поскольку под изрядной коркой грязи определить, желтый ли Шнырь или нет, возможности не представлялось. Но спорить не стал.

— А ты можешь научить? — спросил Шнырь.

— Чему научить?

— Под землей лазать? Научи, а? А я тебе тоже автомат достану.

— Смысла нет, — сказал я. — Учить тебя. У вас тут все равно под землей лазить нельзя — везде дома стоят. Так что бесполезно...

— Чего это она? — Шнырь кивнул вниз. — Долго. Пора бы уж и вылезти.

— Девушка, — объяснил я. — Они все такие. Умывается, наверное.

Звук Внизу, в лазе что-то пискнуло. Вскрикнул кто-то.

— Так...

Я вскочил, повернулся к домику.

— Не надо! — Шнырь схватил меня за штаны. — Не лезь туда! Она...

— Сам не лезь. — Я толкнул его, Шнырь покатился. — Указывать мне будешь...

Шнырь поднялся, в глазах злоба, такой опасный. Хотя и мелкий.

— Там случилось что-то, — объяснил я уже спокойнее. — Я посмотрю, посмотреть надо. Ты со мной...

— Нет! — Шнырь отпрыгнул. — Не полезу я туда!

— Не бойся...

— Я тут лучше! — В глазах у него плясал какой-то дикий совсем ужас. — Здесь...

В лазе снова крикнули. Теперь уже как-то злобно. Чужим, не Алисиным голосом.

Я сорвал карабин, сунул Шнырю.

— Разберешься?

— Да...

Сорвал топорик, бросил на землю. Мне он все равно не пригодится, размаху там, наверняка, внизу мало. И секира не пойдет. Так что лучше лопаткой, сподручнее, убойнее.

— Если что здесь появится — стреляй, — велел я. — Стреляй, главное, я выстрел услышу. Помогу.

— Осторожно там! Если что...

Но я уже нырнул в лаз.

Тут, в этой Москве, я настоящим лазутчиком стал. Подземно-проходцем, как сказала бы Алиса.

Лаз был выполнен мастерски. Сам не очень широкий, два взрослых человека, пожалуй, и не разошлись бы. Я не понял, из чего это построено, приглядевшись, обнаружил, что это спинки стульев. Такие пластиковые стулья, люди все передохли, а стулья остались. И только окрепи со временем, спинками этих древних стульев были выложены и пол, и потолок и стенки, так что сам ход тоже точно пластмассовым получился. Он опускался вниз под значительным уклоном, ступенек и поручней не предусматривалось, и я почти катился вниз, вытянув руки.

Вывалился я в малюсенькую круглую комнатку, по стенам и даже по потолку ее тянулись толстые ржавые трубы и со всех сторон к тому же торчали круглые краны, тоже проржавевшие и кое-где даже распавшиеся. Я упал на них, они рассыпались в ржу, в разные стороны шуганулись шуршащие многоножки.

Поднялся.

Мишка. На кране сидел большой серый мишка, прямо передо мной. Игрушка. Видимо, раньше этот мишка был синий — пятна синевы еще кое-где проступали, сейчас серый. Вместо глаз такие вышитые крестики. Усмехнулся про себя — зачем Алисе мишка? Хотя девчонки все чувствительные. Да и вообще, игрушек мало осталось, мелким играть не во что, сразу с детства за оружие берутся, за арбалеты. Ничего, придет время...

Огляделся. Бутылки. С водой. Много. Вдоль стен стоят рядами. Двери. Железные. По сторонам. На вход и на выход. Или наоборот. Надежно. Одна дверь прочно прижавела к косяку, другая выглядела свеженько.

Я шагнул к свеженькой. Она тут же отворилась, ненамного, на полметра, выскочила, даже как-то выдавилась Алиса, тут же прижала дверь спиной.

— Ты что, его одного там оставил?! — завопила она как-то громко. — А ну наверх! Живо!

— Мне показалось...

— Руку порезала, — Алиса показала кровоточащую руку. — Орала! Вот что тебе показалось! Вверх! Там может быть...

Закончить она не успела, потому что наверху выстрелил мой карабин. И тут же заорал Шнырь. Дико, меня по хребту пробрало.

Я рванул вверх, быстро, как только мог.

Оказалось, что вверх карабкаться гораздо удобнее, спинки кресел располагались так, что в убежище Алисы можно было легко скатиться, и так же легко я полз вверх, перескакивая по спинкам, как по ступенькам. Выскользнул из бревен и сразу увидел Шныря.

Шнырь стоял спиной ко мне, ссутулившись, втянув голову в плечи, собравшись в комочек Карабин лежал у его ног, дымился. Шнырь дрожал. Плечи, шея, даже голова, все.

— Шнырь! — крикнул я.

Он замер. И тут же заорал снова.

Я кинулся к нему, сжимая лопатку, схватил за плечи, повернул.

Глава 17 Правда

Блохоловка. Та самая, что я взял у Гомера.

Снаружи круглая алюминиевая пластина — чтобы можно было на огне прожаривать, а к телу такой мягкий мешочек с особым искусственным мхом, пропитанным сальным дымом. Блохи любят этот запах, и вместо того, чтобы тебя жрать, они в этот мешочек забираются и сидят там, а потом, когда под рукой будет первый попавшийся открытый огонь, ты на него аккуратно блохоловку и выкладываешь. Алюминиевая пластина нагревается, блохи начинают поджариваться, а те, что не поджариваются, те выскакивают наружу. И сразу в огонь. Трещат — просто ухо радуется. Алюминий быстро остывает — и уже снова к употреблению готова. Произведение технической мысли. Раньше вот, говорят, совсем блох не было. А теперь завелись. Как погань появилась, так и блохи, потому что одна погань к другой притягивается. Но ничего, мы и с блохами справимся, дайте только время.

Я развернул Шныря. В руке у него был короткий пистолет с широким дулом, пистолет свистнул. Из ствола вылетел блестящий шприц с малиновым оперением и острым жалом. Острые чиркнуло по круглой пластине блохоловки, шприц отскочил в сторону.

Шнырь отбежал в сторону, я постучал по блохоловке.

— Так, — сказал я.

Ловушка, сомнений не оставалось, они заманили меня в ловушку, Алиса и Шнырь. Все эти звуки, все это кривлянье. А я, дурак, попался. Все оружие им оставил, даже лопатка, и та предательски застряла в спинке стула. Наверное, они из одной семьи, охотятся на дурней из Рыбинска, грабят...

Из-за домика выступили еще двое, а третий появился сбоку, не заметил откуда. Я быстренько их оглядел. Взрослые.

То есть совсем. Лет за двадцать каждому. Высокие, хорошо в детстве питались, недокормицы не знали, крепкие опять же, значит, и сейчас хорошо питаются. В комбезах, я таких и не видел раньше. С какими-то трубками, с пластинами железными. Серьезные комбезы. Конечно, не побегаешь, но они, судя по всему, и не убегали ни от кого.

Вооруженные. У каждого штурмовая винтовка, с двойным магазином, с прицелом, да еще со штыком примкнутым. А в руках тоже обрезы, гладкоствольные, для ближнего боя. Все на меня нацелены. И видно, что в случае чего особо думать не будут, сразу стрелять начнут.

А у третьего вообще арбалет. Большой такой, и тоже в меня метит.

Проследили, значит, не зря казалось.

Быстро обошли сбоку, так что мне пришлось повернуться к домику и лазу спиной.

Так.

Лопата. В левой руке. Ближайшему в переносицу — забрало у него открыто, и сразу же кинуться вперед, выхватить оружие и, прикрываясь телом, положить остальных. Слишком много «но». От лопаты легко увернуться. Без замаха швырнуть не получится, а уже на замахе настоящий боец сместится, и я промажу. Потом убитый может упасть назад, подставив меня тем самым под огонь. Да и вообще, судя по всему, эти мужики свое дело знали, расположились не крутом, как сделали бы дурни, а галкой — один чуть впереди, двое по бокам. Напасть не получится.

А Шнырь предусмотрительно отбежал в сторонку.

Ничего. Я не мог сделать ничего, даже убежать. Местность открытая, можно, конечно, прятаться за дубами. Все равно не скрыться. От штурмовых винтовок, да еще в умелых руках.

Попался.

Убивать меня явно не собирались, но, как я успел убедиться, ничего положительного в этом обстоятельстве могло и не быть. Пленных тут есть где использовать, я уже понял.

— Сидеть, — велел тот, что стоял чуть спереди.

— Лучше сядь, — крикнул издали Шнырь. — Они стрелять станут, точно станут.

Я опустил на колени. В том, что эти станут стрелять, я не сомневался.

— Это он? — спросил первый, старший, и, видимо, по этой причине вооруженный арбалетом.

— Он-он, — подтвердил Шнырь.

— Ясно. Давай лопату.

Я осторожно, двумя пальцами за рукоятку, кинул лопату, до старшего она не долетела, наверное, метр, воткнулась в землю.

Никто не пошевелился. Они знали, насколько я могу быть опасен. Откуда-то.

— И что дальше? — спросил я. — Долго мне вот так стоять? До третьей Воды?

— Молчи, а то убью, — сказал старший.

Я замолчал.

А долго стоять мне не пришлось. Я вдруг увидел, как исказились лица этих троих. Отвращением, ужасом, ненавистью, у каждого по три выражения. И увидел, как стволы обрезов поползли вверх от моей головы, они целились уже не в меня, я догадался, что из укрытия показалась Алиса.

Время. Удобное. Внимание разделилось на два объекта, этим следовало воспользоваться. Я поймал взглядом лопату. Расстояние прыжка, я верно все рассчитал.

И тут старший выстрелил из арбалета. Зазубренный, похожий на гарпун болт прорвал воздух у меня над головой, за ним со свистом протянулся линь. Я прыгнул в сторону, затем к лопате.

— Не стрелять! — рывкнул старший.

Но они уже сбились. Тот, кто оказался ближе ко мне, выстрелил. Дробь расковыряла землю прямо передо мной. Старший вдруг дернулся и упал, арбалет вывернуло из рук, и он отлетел куда-то в сторону, я успел заметить, что линь пристегнут карабином к широкому и толстому ремню на поясе старшего.

Тот, кто стрелял, принялся стаскивать с правого плеча винтовку, а с правого плеча стаскивать ее ой как неудобно, говорил же вам Гомер...

Третий стоял с открытым ртом, потерялся. Ненадолго, сейчас очнется.

Я подхватил лопату, оттолкнулся, прыгнул, левым плечом вперед, уронил стрелка. Успел взглянуть на другого.

Мне думалось, что сейчас он должен прийти на помощь своему товарищу, но я обнаружил совсем другое — он подбежал к своему старшему, и теперь они вместе влеклись по земле. Алиса тащила их вниз.

Стрелок не успел отпустить винтовку, правая рука запуталась в ремне, он действовал левой. Перехватил за запястье и старался вывернуть лопату. Хватка у него была необыкновенная, рука как в тиски попала, кроме того, он весьма успешно пережимал пальцами сухожилия.

Я сидел сверху, но он был крупнее и сильнее, долго удерживать такого мишку не получилось бы, поэтому я чуть откинулся, ударил его локтем в лицо, перехватил лопату и приставил почти вплотную к горлу. Навалился всем телом, стараясь продавить его левую.

Здоровый мужик. Сопrotивлялся мощно. Но я давил и давил, приближал лезвие.

— Нет! — крикнул Шнырь. — Не надо!

Сантиметр. До сонной артерии, не больше. А потом разберусь с остальными, молодец, Алиса, хорошо их внимание отвлекла.

В глаза смотрел. Стрелку. Постепенно сила гасла в них, желание сопротивляться отступало, мозг заливала тупая покорность, еще немного — и все.

Подбежал Шнырь. Схватил меня за шею.

— Не надо! — кричал он. — Не надо, мы хорошие! Это она! Она! Ты погляди! Погляди!

Когда глаза стрелка почти уже погасли, растворившись в моей ярости, я все-таки поглядел.

Старший и тот другой уже поднялись на ноги и теперь вместе держали линь. И все равно, он продолжал толчками втягиваться в лаз.

Алиса перетягивала двух здоровых дядек В этом было что-то настолько ненормальное, что я ослабил давление на стрелка, и он вырвался, скинул меня, выбил оружие. Выпутался из

винтовки, дернул затвором, я понял, что сейчас он в меня обязательно пальнет, но стрелок не выстрелил. Я совсем перестал понимать, что тут происходит, стрелок уронил винтовку и кинулся на помощь к этим.

Втроем у них лучше получалось, линь принялся вытягиваться. Медленно, потихоньку, но линь шел, будто тащили они из-под земли огромную сильную рыбу.

Винтовка была у меня. Патронов хватит. Я хотел перебить их всех, этих троих, а Шныря хорошенько выпороть за предательство. Но не стал.

Потому что все это...

Глупо, ненормально, не по-человечески.

Линь натянулся и дернулся, троица едва устояла на ногах.

— Держите! — азартно крикнул Шнырь. — Держите ее!

Они сдержали. Уперлись в землю, тянули, тянули, линь собирался у их ног в круглую бухту.

Потом линь неожиданно ослаб. Трое отскочили, и из бревен показалась Алиса. Я сидел на земле с винтовкой. И не понимал, не было никого, кто мог бы мне подсказать.

Алиса. Гарпун пробил ее насквозь. Попал в левое плечо, и вышел из левого плеча. Хитрый гарпун, пробив Алису, распустился ромашкой.

Она должна была быть мертва. Люди умирали и от меньших ран. Я видел, как умирали от царапины, а здесь почти багор навывлет. Болевой шок, потеря крови, дыра в плече, в которую можно руку просунуть. Быстрая смерть.

Но Алиса была жива.

— Рыбинск, убей их, — сказала она, вместе со словами изо рта выплеснулась кровь.

Но я не спешил теперь никого убивать.

Алиса посмотрела на гарпун.

— Они следили за нами, — сказала она. — Убей...

Я прицелился в затылок старшему. Не знаю, машинально, наверное.

Алиса перехватила поудобнее гарпун и попыталась его выдернуть. Не получилось. Тогда она подтянула к себе линь и разорвала его. Руками, железный трос, со второго рывка.

Старший выхватил пистолет. Такой же, как у Шныря. Оружие скрипнуло, шприц с перьями воткнулся Алисе в шею. Она выдернула дротик.

— Убей их...

Упала.

Эти не спешили, старались держаться поодаль. Оружие не доставали.

Алиса шевелилась. Пыталась встать, не получалось. Постепенно ее движения становились все бессмысленнее, глаза закрылись, и теперь руки и ноги жили сами по себе, маскировочный костюм создавал иллюзию, что колыхается куча мусора. Неприятно.

Это все продолжалось долго, постепенно Алиса замерла, некоторое время она еще сжимала кулаки.

Когда Алиса остановилась окончательно, эти... не знаю, как мне их было называть, они приблизились.

Я тоже подошел. Вернул винтовку.

— Что это? — я кивнул на Алису.

Мне никто не ответил. Старший высыпал из своего рюкзака наручники, целый ворох. Наручники надели на Алису, и на ноги, и на руки. По три пары. На голову черный пластиковый мешок, обмотали липкой лентой.

— Все? — спросил старший.

— Кажется...

— Тогда будем выводить.

Они оттащили Алису в сторону, втроем, при этом им было явно тяжело. Я вспомнил, как пытался посадить ее на станции Коломенской и как у меня это не получилось. Тяжелая.

Затем они полезли вниз. Старший остался на поверхности, а стрелок и другой поползли.

Их не было довольно долго, старший и Шнырь стояли возле бревен и смотрели в лаз, я сидел на черной, точно сожженной земле и одурело наблюдал. Все спуталось и перемешалось, черное с белым и наоборот, одним словом, я не знал, что мне дальше делать.

Гомера бы сюда. Он бы, наверное, объяснил.

Минут через пять на поверхность вылезла девочка. Лет пяти. С лицом синеватого оттенка, худая, но ухоженная, не грязная. Она показалась, и Шнырь тут же схватил ее за руку и отвел в сторону. Следующей из лаза показалась тоже девочка, чуть постарше первой, но очень похожая, лицо тоже синеватое, я даже подумал, что они сестры, наверное.

Затем два мальчика, совсем маленький и постарше. Каждого встречал Шнырь, отводил в сторонку, и они стояли там понурой кучкой. Маленькие, все ниже колеса.

После чего детей стали выносить. Живых, но, видимо, обессиленных, они укладывали их на землю рядом, и дети лежали.

Всего восемь голов.

Они выглядели странно. Никогда я таких не видел. Не бегали, не дрались, не разговаривали. Просто стояли, с каким-то остекленевшим видом. Игрушки в руках. У одной девочки тот самый мишка, которого я видел внизу, большой, синий.

Тот, который в меня стрелял, уселся на корточки и принялся рассматривать детей. Заглядывал им в глаза, вытягивал руки, дергал за пальцы.

А я смотрел. На все это. Подбежал Шнырь.

— Это все она, — сказал он. — Она и есть, я же говорил, она все устроила.

— Кто?

— Навка, кто еще. Всех детей сюда увела! А ты что, сразу не понял?

Я не понял. Нет, Алиса была, конечно, странной, но чтобы так...

— Ну, ты даешь! — Шнырь постучал себя по голове. — Столько времени рядом был — и не догадался. Я бы сразу догадался!

— Как?

— Не знаю... Догадался бы. Она же ненормальная совсем.

Догадался бы... Ненормальная... А что тут вообще нормальное-то? Ничего нормального я тут не видел. И никого.

— Мы вас давно пасем уже, — Шнырь почесался, — дня три уже. Да ты же чуял, я видел, как ты оглядываешься. Подставиться вот только никак случая не было, сегодня вот...

— Подставиться?

Я не понимал.

— Ага. Надо ее подтолкнуть было. Помнишь, я занюнил?

Штырь скорчил жалобную физиономию.

— А она мне ириску предложила? Защитный рефлекс. Сразу меня укрыть захотела, спрятать, накормить. И в логово. Все просто.

— А мертвяки? — тупо спросил я. — Тоже подставные?

— Не, здесь подвернулись. Как раз все получилось, удачно.

— А если бы они тебя догнали?

Шнырь плюнул.

— Не догнали бы, я бегаю хорошо.

— Бегаешь хорошо, да. А вы... Сами откуда? Тоже здешние?

— Тут недалеко, — кивнул старший. — На Варшавской. У нас там тоже бункер.

— Так вы... — я кивнул на Алису.

— Ага, соседи.

— А снайпер? — спросил я. — Ну, тот, убить нас пытался?

Варшавские переглянулись.

— Что за снайпер?

— Снайпер. Тут недалеко... Он стрелять начал, как мы появились. У него еще фотография Алисы в кармане... Такой, белобрысый, Соня. Он же...

— Соня, точно, — вмешался Шнырь. — Он беляк, помните?

— Альбинос, — поправил старший. — Смешной такой еще был. Он что, в вас стрелял?
— И даже попал, — я ткнул себя пальцем в плечо. — Плохой стрелок... А может, хороший.

Я подумал: а что если этот снайпер Соня стрелял не так уж и плохо. Попал мне в плечо, отвлек, хотел, пока я с плечом возжусь, с Алисой разобраться. Да не получилось — проявил я свои героические умения...

Да уж.

— Он не тебя хотел убить, ее. Наверное...

— Да, конечно, сначала прострелил, а потом хотел сказать. Но я его уже успел сам прострелить.

Старший пожал плечами.

— Бывает.

Он достал небольшой мешочек, высыпал из него сушеную травку, заправил ее в бумажную трубочку, поджег и выдохнул синеватый дым.

Первый раз в жизни я видел, как курят. Кажется, раньше это обычай такой был, разговорный. Неправильный. Дыхание от него сбивается, от жнеца не убежишь.

— Недавно мы отправились в Затон, — рассказывал старший. — Мы сами с Варшавской, я говорил, периодически навещаем соседей. А они нас, сам понимаешь, безопасность, выживание. Наверху все было как обычно, а внизу... Все мертвы, кроме детей. Сразу стало ясно, что это навка.

Старший плюнул.

— Такое случалось уже, на севере только, до нас они не добирались еще. Хуже навки нет. А в Затоне, в убежище, двоих как раз не нашлось среди мертвых. Этой...

Старший кивнул на Алису.

— И еще одного, Соньки. А навки... Ну, короче, навками только девки становятся. Мы ее почти сразу выследили, она особо и не скрывалась.

— А что же не стреляли?

— Бесплезно это, она нам особенно и не нужна ведь.

Старший снова плюнул.

— Вернее, нужна, но это... Не слишком. Она детей увела...

— Зачем ей дети? — перебил я.

— Кто знает... Она собирает детей, тащит их в яму... Вот как в эту, примерно. Играет с ними, кормит.

Лицо у старшего дернулось.

— Она их заигрывает, — с омерзением сказал он. — Месяц- другой, и все, готово. Надо было ее выследить до логова, а она все вертелась, вертелась... Видишь ли, это странные твари. Они звери, конечно, но не совсем, наполовину, и, наверное, это еще хуже. К тому же мне кажется, что одна часть не очень хорошо знает про другую. Вот ты ничего не заметил необычного?

— Нет, — ответил я. — Вроде ничего. Дразнилась много.

— Она и раньше дразнилась. Я ее маленькой совсем знал, она уже тогда дразнилась...

Старший замолчал.

— Вот и никто не замечает. А когда замечают, поздно уже.

— Почему же она на меня не напала? — спросил я.

— Тут просто все... — старший выпустил дым, я едва не закашлялся.

Они переглянулись, и старший продолжил:

— Ты ей понравился, наверное. Вот она тебя за собой и таскала.

Шнырь хихикнул.

— Они сами про себя ничего не понимают, — сказал старший. — Не знают, кто они, зачем. Навка в них вдруг просыпается, а так обычный человек вроде. Ты на самом деле мог ей понравиться. Не знаю...

— Ловушки вы устанавливали?

— Что за ловушки? — спросил старший.

— Мины. Южный порт, — напомнил я.

Все посмотрели на меня непонимающе.

— Южный порт, там нас машинами едва не раздавило. А потом еще в туннеле — в огнемете смесь слили...

Старший помотал головой.

— Это не мы. Скорее всего это Соня. Наверное, он хотел ее убить. Отомстить за своих, или остановить просто. А ты попался под руку...

— Мы только в туннеле написали, — встрял Шнырь. — Помнишь? «Берегись»! Это я написал. А ты как пальнул — чуть башку мне не снес!

— Извини, — сказал я. — Это не нарочно. Спасибо — я так и понял, ну, что беречься надо. И берегся. А с ней что теперь?

Я кивнул на Алису.

— С собой возьмем.

— Зачем? — не понял я.

— Зачем? А ты еще не понял?

— Нет.

— Ты говоришь, Соня тебе в плечо попал. Когда, вчера или сегодня?

О ране я совсем забыл как-то. На самом деле забыл. Она не болела и не болела, я решил, что этот снайпер Соня попал в удачное место.

Пощупал. Ничего. Вроде как и не было никакой раны. На всякий случай я пощупал и другое плечо. Нет, все нормально. Стал стягивать куртку.

— Посмотри-посмотри, — посоветовал старший.

Я скинул куртку, расстегнул комбез, сдвинул власяницу. Рана затянулась. Даже не затянулась — плотно заросла новым мясом, так что на ее месте белел небольшой круглый шрамик.

И шрамы от вериг затянулись.

Все.

Ненормально.

— Удивлен? — ехидно осведомился старший. — Не удивляйся. Рядом с ними все так. Раны заживают, болезни излечиваются.

Я вспомнил. Как растянул ногу. В самом начале, на этой проклятой пади. И как на следующий день она уже не болела. И щека. Я ее сжег — и почти сразу забыл, так зажила быстро.

— Она что, ведьма?

Старший покачал головой.

— Нет. Просто ее энергетический потенциал гораздо выше нашего. Поэтому раны и затягиваются. Так что убивать ее не станем. Будем держать, а там посмотрим...

— В каком смысле посмотрим?

— Посмотрим. Эй, внизу проверили все?

— Все, — ответил стрелок. — Больше никого. Еда, игрушки? Там много.

Стрелок достал из кармана конфету. И какие-то еще штуки, наверное, финики. Старший плюнул. Стрелок вывернул карманы, ириски раскатились по земле.

— Хорошо подготовилась, — повторил стрелок — Как?

— Нет, ничего не брать, выжечь логово.

Старший протянул стрелку матовый стальной шар. Тот подкинул его в ладони, сжал руками, внутри щелкнуло, стрелок запустил шар в лаз, отбежал в сторону.

Земля больно стукнула в пятки, с дубов просыпались круглые шишки, на церкви глухо ударил колокол, грохнуло еще сильнее, на ногах не устоял никто. Из лаза выплонулся огненный язык, разошелся змейками, загорелась земля.

Колокол ударил еще.

— Надо уходить, — сказал стрелок — Место какое-то нехорошее, не по себе мне.

— Да, надо уходить.

Старший снял с пояса пистолет с ненормально толстым стволом и выстрелил в небо. Из ствола вырвался круглый желтый шар, взлетел высоко, на несколько мгновений завис в воздухе и стал падать, разворачиваясь в воздухе в огненный зонтик.

Дети стояли с отсутствующими взглядами и пустыми лицами. Наверное, со мной творилось что-то похожее, я куда-то проваливался, голова кружилась, хотелось спать, и, чтобы не рассыпаться окончательно, я стал читать тропарь Силы Духа.

Рядом оказался Шнырь. Он принялся дергать меня за рукав.

— Да не расстраивайся ты, — говорил он. — Все в порядке. Ты жив остался, она могла тебя ведь убить, а не убила. Не убила ведь! Ты радуйся! Радуйся!

Колокол прогудел. Я радовался.

Глава 18

Заповедь

— Ты хочешь ответов? — улыбнулся Старик — Их нет у меня.

Мы сидели в странном помещении. Слишком чисто и никакой рухляди, только целые предметы, видимо, из старых. Диваны, обтянутые кожей. Стол. Кресла. Светильники. В углу большой белый шкаф, от которого исходил ощутимый холод, казалось, что в этом шкафу поселилась зима.

Мне здесь было неуютно. Я чувствовал, что могу как-то неправильно пошевелиться и что-нибудь тут сломать. Хотелось отсюда побыстрее убежать. Наверное, потому, что это помещение выглядело слишком нормально, так, как и должны выглядеть любые помещения, в которых живут люди.

Старик был очень старым, я думал, таких, наверное, уже нет. Сморщенный, но с виду вполне активный. В простом комбинезоне.

— Ты откуда? — спросил он.

После того, что случилось с Алисой, мне совсем не хотелось рассказывать первому встречному, откуда я. Поэтому я соврал. Соврал. Это, конечно, грех, но я ведь сделал это не во зло, а для блага. А вдруг этим подземникам тоже от меня что-то нужно?

— Из Рыбинска, — сказал я. — Там рыбу ловят.

— Из Рыбинска?

Старик расстелил на столе карту, принялся смотреть, приговаривая:

— Рыбинск, Рыбинск, Рыбинск...

Я сейчас думал, что он спросит меня, где этот самый Рыбинск находится, но старик не спросил. Сказал:

— Ого! И ты сюда из Рыбинска дошел?!

Видимо, Рыбинск находился действительно далеко.

— Да. Не один только, нас шестеро вышло, а сюда я уже один.

— Остальные? — Старик сощурился.

— Все погибли, — сказал я.

Ной, надеюсь, не погиб, но...

— И зачем вы из Рыбинска к нам добирались? — продолжал расспрашивать Старик.

А что, оно понятно. Ему интересно. Они тут сидят в своих подземельях и думают, что вне Кольца никакой другой жизни нет, чудовища одни да ветер в дебрях свищет. А там мы, оказывается. Рыбу едим, ежами закусываем.

— За невестами. У нас невест совсем нет, очень мало то есть. На каждую надо зачисляться с детства. А тем, кому не повезло, так и живут.

Старик рассмеялся. По-доброму, так Гомер иногда смеялся.

— А мне и другим ребятам возраст уже подошел, вот и пошли.

— И как же вы хотели невест получить?

— Выменять, как еще?

— Выменять? На что же?

— На порох.

— И как?

— Никак, — грустно ответил я. — Не получилось ничего. Я хотел Алисе предложить, она мне нравилась... Но она это, сами знаете... Не получилось.

Старик кивнул.

— Такое случается, — сказал он. — Натиск с запада все увеличивается. Алиса... Я знал ее маленькой.

Он замолчал и почесал нос.

— Некоторые считают, что это эвакуация. Навки собирают детей, спасают...

— А на самом деле?

— Легенда, не более того. Никого они не спасают. Губят только. Они зло. Это болезнь, вирус, наверное, мы как раз пытаемся выяснить. Что-то с материнским инстинктом. Он гипертрофируется и уродуется, плюс видимые изменения...

Старик сказал еще несколько слов, которых я совсем не понял, неприятных по звучанию. И по голове постучал.

— Вот такие у нас дела, — сказал он. — Сам понимаешь, невесту мы тебе выдать не можем, невесты нам самим сильно нужны. Почему-то рождается гораздо больше мальчиков, чем девочек.

— Это понятно, — сказал я. — Близится Последняя Битва. Конечно, мальчики рождаются.

— Да, действительно. Ты знаешь, что это?

Он указал на карту, висящую на стене, и тут же сам ответил:

— Это Москва. Последний город. Во всяком случае, о других мы ничего не знаем.

Москва была похожа на паука, есть такие, с кружочками на спине. Небольшая часть карты, та, что справа, была зеленой, остальная красной. Кроме этого были нарисованы кольца, одно, зеленое, поменьше, другое, черное, побольше. Черное было как раз в форме птичьей лапки.

— Что в центре, мы не знаем, здесь... — Старик кивнул на зеленку, — здесь относительно безопасно. Днем, разумеется. Сохранились общины, сохранились запасы. Одним словом, можно жить.

— Жить? — усмехнулся я.

— Понимаю. Ты не привык жить, ты привык бороться. В этом мы с тобой согласны, бороться надо. Но с умом. Простым истреблением тут не обойтись, популяции восстанавливаются, мы измеряли. Нужно действовать по-другому. И мы надеемся...

— У меня вот вопрос как раз, — перебил я. — Узнать хочу...

— Почему все это случилось? — усмехнулся Старик.

Я кивнул.

— Есть лишь обрывки воспоминаний, дневников и легенды, — сказал Старик. — Мы даже не знаем, сколько прошло времени. Но не думаю, что больше ста лет. Хотя, может, и меньше. Мне семьдесят три, и при мне все было так. И даже хуже.

— Хуже? — усмехнулся я.

— Гораздо. Когда прошла Волна, в город хлынули беженцы, порядок рухнул, настоящая война началась. Всех против всех. Военные, преступные группировки, эскадроны смерти, эпидемии, землетрясения... Котел. А потом китайское бешенство. Настоящий ад. Но все равно людей много оставалось, миллионы. А потом случилось нечто...

Старик замолчал.

И я молчал. А он думал, рассказывать или нет.

— Потом случилось нечто... — повторил он. — И стало так, как есть. Я все детство провел под землей. Мы научились прятаться, добывать еду и воду, даже бороться кое-как научились, например, с пугалами.

Я непонимающе поглядел на него.

— С рубцами, — пояснил Старик. — Со жнецами, их все называют по-разному. На самом деле это механизмы.

— Роботы?

— Да, роботы. Чрезвычайно сложные, крепкие и износостойкие, но механизмы. Впрочем, не о жнецах речь. Мы исследуем этот мир. Медленно в основном потому, что мало людей. Мы не можем сказать, что случилось. Зато можем с точностью утверждать, что не случилось. Ядерной войны не было. У нас есть небольшая лаборатория, периодически мы берем пробы. Воздуха, воды, атмосферы. Все чисто. Радиационного загрязнения нет. Возможно, сейчас даже гораздо чище, чем раньше.

— Может, само очистилось? — предположил я. — Ветром сдуло там...

— Само очиститься не могло. Во всяком случае, не так быстро. И потом, для того, чтобы возникло все это богатство — големы, мертвецы, все эти хмари и пади, для этого никакой радиации не хватит. Мутагенез...

Заметив мое непонимающее лицо, Старик тут же объяснил:

— Изменения. Мутагенез разворачивается столетиями — нужно постоянное воздействие радиационных факторов, причем, достаточно мягкое, чтобы не убило, а трансформировало. Кроме того...

Старик говорил наверняка правильно. Только вот я его плохо понимал. Наверное, потому, что он разговаривал, как раньше. На старом языке. Кажется, вот что он говорит — что все эти поганцы появляются не сами по себе, просто так самозаводом, а кто-то им помогает. Так я, во всяком случае, понял.

— И потом радиация влияет только на живые существа, на остальное не может. То есть объяснить существование, например, падей радиацией нельзя. Это что-то другое, мы не можем понять. Загадки. Тайны. А разгадки, там, на западе. За границей Третьего Кольца. Но туда не пройти.

— Почему?

— Много причин. Большинство туннелей завалено. Землетрясения нередки, оползни. Город, который наверху, рушится, а это влияет и на подземный мир. Потом реки. В свое время их закатывали в бетон, чтобы строить здания, теперь реки отыгрались, растекаются по поверхности. А другие, наоборот, прорвались под землю. Верхнее Метро — во многом непроходимо. По слухам, на западе есть несколько сохранившихся туннелей, но ксеноактивность... Извини, пожалуйста. Мертвяков там много. Водолеев, гарпий, да кто его знает, что еще. Нам туда дороги нет.

— А что такое Нижнее Метро? — спросил я.

— Точно мы тоже не знаем. Есть разные версии, но все сходятся к тому, что это энергетический объект. Во всяком случае, вся энергия, которой мы пользуемся, исходит от него.

Я вспомнил. Холодное свечение, труба, уходящая в зеленоватую мглу. Тяжесть.

— Оно мир стягивает, — вспомнил я. — От развала...

Старик только улыбнулся.

— Нет, тут другое, — сказал он. — Правда, мы не знаем... Мы уверены только в том, что Нижнее Метро — это энергетическая установка. Во всяком случае, в этом одно из его предназначений. Причем мощность его велика...

Старик улыбнулся, и я с испугом заметил, что зубы у него железные. Все до одного. Железзубый.

— Зубы болят, галлюцинации, все электронные приборы выходят из строя. Ну, и железо, разумеется, с железом туда лучше не соваться. Одним словом, оно тоже непроходимо. Непроходимо, непонятно, опасно. Вероятно, Нижнее Метро использовалось как некий научный объект — те несколько километров, которые нами изучены, изобилуют складами, мастерскими и лабораториями, тут можно было жить и работать, не выходя на поверхность.

— Все время под землей?

Старик кивнул.

— Правда, мы не знаем — когда оно было построено — до того, как все началось, или все-таки после. И для чего предназначалось. Единственное, что известно точно, — это только то, как оно выглядит.

Старик расстегнул воротник и достал что-то на толстой цепочке. Кинул мне.

Я узнал сразу.

Пацифик, так его называла Алиса... то есть эта. Птичья лапа, вписанная в круг.

Птичья лапа Старика была сделана из тусклого, но очень приятного на ощупь желтого материала. Кажется, золото.

— Это карта Нижнего Метро, — сказал Старик. — Сейчас мы вот здесь, на кольце, между правой и центральной ветвью.

Я не знал, что ему сказать. Ну да, мы на кольце. Между правой и центральной ветвью. Замечательно. Что дальше?

— Я говорил, что знаю немного, — опять железно улыбнулся Старик — Вопросов больше, чем ответов.

— Это точно...

— Что дальше думаешь делать? — поинтересовался Старик.

— Отосплюсь, — сказал я. — Отосплюсь, потом пойду.

— К своим?

К своим.

Я вспомнил своих. Ной, Старая Шура, все. Всё.

Конечно, все эти ребята выглядели вполне дружелюбно. Старик этот, остальные. Чистые, воспитанные, везде вроде бы. Накормили, напоили, даже помылся. Хорошие люди.

— Остаться не хочешь? — неожиданно предложил Старик.

— Чего?

— Остаться не хочешь? С нами, я имею в виду.

— Зачем?

— Нам нужны люди, — просто сказал Старик — А ты нам подходишь. Хорошо стреляешь, не трус, но и не дурак, это важно. У тебя интересные навыки. Этот фокус с закапыванием... А мертвяки? Шнырь сказал, что ты троих одной лопаткой...

Я пожал плечами.

— К тому же имя... — Старик улыбнулся уже губами. — Ты знаешь, что оно означает?

Я промолчал.

— Это имя героя. Великого героя, освободившего свой народ.

Я чуть не рассмеялся. Великий герой. Я. Ага. Четыре раза.

— Он, кстати, как и ты, был неплохим стрелком.

— Ага, — зачем-то сказал я.

— Так что оставайся. Мы собираемся начать разведку. Запад наступает на нас, мы будем наступать на запад. Готовим экспедицию. Пойдем по нижним тоннелям, затем по верхним. Может, узнаем, что тут происходит, наконец.

Тоннели. Звуки, воздух, который дышит, поезд, который заблудился в подземельях, исчез, а звук его остался и теперь бродит по трубам сам по себе, остальное тоже вспомнил.

— Не, — я зевнул. — Я к себе. В лес. В Рыбинск то есть. Там меня ждут.

— Может, помочь чем? Оружием? У нас неплохой выбор.

— У вас гильзовое все, а куда я гильзовое потащу? Тяжело.

Старик поднялся из-за стола, открыл большой железный ящик, достал оружие.

Такого раньше я не видел. У нас в станице два автомата, один Калашникова, другой «М-16А», я их знаю. Стреляют далеко и быстро, только переключивается часто. И патронов не напасешься. Это оружие не походило ни на Калашникова, ни на «М-16», чем-то на маузер Алисы, только меньше. Магазин торчит из приклада.

— Держи.

Старик вручил мне винтовку.

Она оказалась удивительно легкой и удобной, мне даже почудилось, что она как-то подстроилась под руку и под плечо, легла. И палец — нащупал крючок как-то сам, захотелось нажать.

— Безоболочный, — пояснил Старик. — Гильз нет, пули из обедненного урана... очень твердые, запрессованы прямо в порох. Пробивают что угодно.

— А картечью может стрелять?

— Нет. Но тут прицел...

— Нет, спасибо, — сказал я. — Я по старинке. Я свой карабин сам делал, сам настраивал. К тому же я все равно думаю, что лучше убегать, чем стрелять.

— Как угодно, — Старик спрятал оружие обратно в ящик. — Возможно, ты прав. Знаешь, мы размещаем на поверхности закладки с патронами, у каждого есть карта. У вас ведь в Рыбинске леса?

Кто его знает, что там в Рыбинске?

— Леса, — сказал я. — Сплошные дубравы. Медведей много, лось, бывает, пробежит. Если можно, мне карту бы.

— Какую?

— Ну, здешнюю. С кольцами.

Старик опять направился к своему железному ящику, видимо, в нем хранились самые ценные его предметы. Достал карту, запаянную в пластик. Довольно мелкую, но все видно, мне подойдет.

— Спасибо.

Старик кивнул.

— Я, кажется, помню Гомера, — сказал он. — Он ведь был рыжий.

Я не знал, был ли Гомер рыжий, насколько я его помнил, волос у него вообще не было. Голая башка. Лысина. А борода черная.

— Не знаю, — сказал я. — Он лысый был.

— Ясно... Не покажешь на карте, где вы там располагаетесь? В Рыбинске? — попросил Старик и разложил на столе карту.

Я приблизился. Карта была хорошая, никакого Рыбинска я не увидел, а увидел окрестности города. Север. Увидел дороги, и реки, и большое круглое озеро, в которое впадает Синий Ручей, увидел, как Ной ловит в этом ручье улиток.

— Это не Рыбинск — сказал я. — У нас все совсем по-другому. У нас там реки, а в них рыба.

— Понятно, Рыбинск ведь, должна рыба быть. Загляни в оружейную.

Еще он пожал мне руку. Ладонь у него была крепкая, точно железная.

Я отправился в оружейную.

Мастера звали Петр.

Петр увидел карабин, Петр онемел.

— Можно? — попросил он как-то робко.

Я протянул оружие. Петр принялся вертеть, щелкать, заглядывать в ствол, нюхать даже, облизываться. Ценитель, кажется, попался.

— Эндфилд мушкетон? — спросил он с благоговением. — Харперс? Из чего сделано-то?

Я пожал плечами. Кто его знает, из чего сделано. Карабин, он и есть карабин. Оружие. Тут все просто. Пули. Картечь. Дробь. Порох. Капсюль. Бац.

Петр продолжал вертеть карабин, бормотать и восхищаться:

— Брандтрубки расточены, ну это понятно, под современные капсюли, старых не найти... Ствол тоже, резов почти не видно. Дробью можно стрелять... Бьешь пулями или шарами?

— Пулями, — я похлопал по воротнику.

Петр прищелкнул языком. Я сорвал пулю, протянул ему.

— Пятьдесят восьмой! — Петр подкинул пулю на ладони. — Мама... Слона остановит!

— Зачем по слону стрелять? Он хороший ведь...

— Ну да, хороший...

Петр еще раз понюхал.

— Пироксилин... — зажмурился он. — С какой-то примесью... Как руки-то еще не оторвало? Ну да, это же... Он еще двести лет переживет...

— Может, и переживет.

— Такого сейчас не найти, — он бережно положил карабин на верстак. — Прекрасная машина, оружие богов. Поменяемся? Вот можешь все, что хочешь, здесь взять! Вон смотри, «Грендель»! Настоящий!

Петр сорвал со стены и сунул мне в руки тяжелый черный автомат угрожающего вида.

— Смерть — не пушка! С замедлителем, все, как полагается. Калибр увеличенный, отдачи почти нет, компактный...

Петр еще долго рассказывал про этот «Грендель», хорошее оружие. Но я отказался. Вернул автомат на подставку. Попросил приклад на карабине сменить, если можно. Чтобы по весу совпадало, но прочность повышенная. И чтобы тайничок сохранился — последнее желание.

— Тогда поликарбон! — просиял Петр. — Это наш выбор.

— Хорошо... И пуль бы еще.

— Сколько хочешь!

Петр оказался настоящим мастером, я таких никогда не встречал, даже вполонину таких. Он не пользовался пулелейкой, у него был станок, какой-то сверхточный.

Через час у меня имелся прекрасный набор из пуль разного предназначения. Мягкие пули, пули со стальным сердечником, пули с сердечником из этого самого обедненного урана и картечь из этого самого урана.

Даже зажигательные пули у меня теперь тоже имелись. Пули были раскрашены в каждый цвет по принадлежности и запаены в особые пленочные кишки, их можно было обматывать вокруг шеи и скусывать по мере надобности.

Петр подогнал по руке пистолет. Тоже безгильзовый, заряжающийся одноразовыми пластиковыми магазинами по двадцать пять зарядов в каждом. Магазины были легкие и удобно крепились на патронташи, застегиваемые вокруг пояса. Для ближнего боя пистолета лучше нет, пояснил Петр. Пока ты свой аркебуз перезаряжаешь, из пистолета можно по сотне зарядов выпустить.

Я промолчал. Человек должен полагаться на себя, а не на свое оружие. Человек сам оружие... Кажется, так.

Топор. Еще переделал топор. Взвесили его — отдельно топориче, отдельно рукоятку — и сделали все заново. Из какого-то хитрого сплава, самозатачивающегося на лезвии, достаточно мягкого на обухе. Рукоятку из крепкой оранжевой пластмассы. Получился точно такой же топор, только лучше и острее. Даже два топора себе сделал. Одинаковых.

И лопату. Лопату. У меня была обычная, железная, чуть погнутая уже и с многочисленными заедами от камней и подземной арматуры. Петр выточил мне лопату из своего любимого титана. Лопата получилась загляденье просто.

Шлем еще. Пожалуй, самой полезной вещью во всем этом был шлем. Действительно легкий. Мой по сравнению с ним тяжелый, если носить целый день, то ночью шея затекает и болит, да и голова болит, этот наоборот. Композитные материалы, выдерживает попадание, и все такое.

Ботинки перешили, подошву какую-то новую сделали, пружинную, гораздо легче бегать, и износоустойчивость повышенная. Да, еще Папу переделали, вернее, не самого Папу — как его переделаешь, а переделали ему вместилище.

Вообще, я еще не доставал Папу из клетки... Ни разу не доставал. Так Папа там и рос, распространяясь себе помаленечку, матерел, иногда, в сытые времена, я подумывал — может, стоит ему немножечко расширить жизненные пространства? Но руки не дошли, много других дел стало. А сейчас вот Петр и сказал. Сказал, что можно облегчить мою ношу.

Заменили клетку. Позвали Доктора, человека в белом халате, и Доктор сделал Папе усыпительный укол за ухо.

Папа растекся по клетке лохматым студнем, испустил вздох, и оружейник Петр, надев из предосторожности железные перчатки, взрезал клетку в двух местах и вывалил Папу на широкий поднос.

В таком виде я видел Папу еще котенком, когда он был мал и мог уместиться в кулаке, только голова любопытная торчала. С тех пор Папа значительно разбогател телом и прирос шерстью, вне клетки он сохранил свои прямоугольные пропорции, лежал на спине, отвернув мускулистую лапу и отверзнув пасть.

— Камышовый? — спросил Доктор.

— Обычный. Простой. У нас в Рыбинске все такие, рыбу едят, вырастают от этого.

— Понятно, — сказал Доктор. — Сейчас мы его блоходавом помажем.

Доктор капнул на пузо Папы густую зеленую каплю, и через минуту с кота стали сбегать неприятные по виду постояльцы. Одни похожие на черные зерна овса, другие как желтые лесные ползучки, третьи мелкие, но если взглянуть на них сквозь толстое стекло, то увидишь маленьких рачков. Живность покидала Папу в панике.

— Теперь долго не заведутся, — сказал Доктор. — Может, пострижем?

Я против стрижки ничего не имел, Доктор достал стригальную машинку, пощелкал ею в воздухе и быстренько лишил Папу значительной части растительности. Лысый Папа выглядел несколько синевато, но в целом мне понравилось.

После Папы Доктор вопросительно повернулся ко мне, я пожал плечами и от обеззараживания не отказался. Мне накапали на голову. Я ничего не почувствовал. Однако друзья с меня тоже посыпались, правда, немного, гораздо меньше, чем с Папы. Доктор дал мне специальный амулет-блохоловку, который должен был предотвратить меня впредь от вшей и прочей мелкой дряни.

Петр тем временем изготовил клетку. Я не заметил, как он это сделал, но результат мне понравился, получилось неплохо. Пока Папа не проснулся, мы вернули его обратно.

Теперь Папу было гораздо проще прополаскивать в воде, прутья клетки стали не такими жесткими, как раньше, а по четырем сторонам Петр приделал особые внутренние подушечки, пропитанные инсектицидом, — для мягкости и для предотвращения проникновения новых блох.

Петр предлагал еще какой-то бронежилет, но я отказался. Хороший стрелок пробьет любой жилет, плохой и так не попадет, а против тварей никакой бронежилет не поможет, только помешает — быстро не убежишь. Взял лишь пластиковую кольчугу, растягивающуюся, почти невесомую, защищавшую тело от мелких рваных ран, от попадания зараз и мелких паразитов.

Про левые слезы вспомнил, не вспомнил даже, из кармана они просыпались, запрыгали по полу. Петр достал магнит, и слезы тут же прыгнули к нему на высоту метра. Он собрал их по одной, расплющил и просверлил дырки. После чего нанизал слезы на цепочку. Вернул мне. Сказал, что к удаче. Я и так знал, что это к удаче. И излучение какое-то отгоняет.

К вечеру экипировка была закончена, мы сели и выпили какого-то травяного чая, в котором, как я определил, была мята и ромашка. Петр рассказал несколько забавных историй, случившихся с ним и с другими во время попыток пробраться на запад, Доктор рассказал о смешных происшествиях из своего опыта, как он однажды должен был отрезать одному покалеченному руку, а отрезал ногу, я тоже поведал веселое, как Ной хотел сварить суп из смородиновых улиток, а ему попались улитки пескоструйные, хорошо время провели.

Я вышел из оружейной с необычным чувством. Какой-то повышенной уверенности. Готовности к бою. Всемогущества почти что. Направлялся в комнату, шагал прямо. Не втянув плечи и не наклонив голову, как робкая водяная крыса, а по центру коридора, расправив плечи, и неожиданно для себя высоко держа голову. Мне казалось, что даже росту во мне прибавилось, я смотрел вокруг с какой-то небывалой высоты, точно распрямились в спине сплюснутые позвончики.

Гордыня, вдруг вспомнил я. Один из самых опасных грехов, так учил Гомер. Наверное, самый опасный, наверняка смертный. Когда человек впадает в гордыню, он забывается. Не смотрит за собой, за запахом, оставляет следы — и все. Я вдруг испугался, что здесь, в спокойствии бронированных комнат, забыл самое, самое главное, заповедь, без которой не оставался жив ни один истребитель.

Ибо должен ты красться, но не вышагивать гордо!

Главную заповедь.

Глава 19

Смерть

Очень хотелось забиться под койку, загородиться железным ящиком с одной стороны и железным шкафом с другой, прижаться к стене, к теплой трубе, обнять карабин и спать. Но я поборол себя.

Разделся. Снял комбинезон и ботинки, убрал в вертикальный ящик. Сел на койку, пружины скрипнули и прогнулись, я лег и закрылся одеялом. Хорошо.

Наверное, хорошо, не надо скуном поливаться.

Немного смущала закрытость помещения. Выход один, если что-то случится — так тут и сгинешь. Надо подумать над этим будет. Под потолком вентиляция, наверное, при случае, получится через нее выбраться, трубы достаточно широкие. С другой стороны, кто-нибудь и через эти трубы влезть может, надо проверить — есть ли там решетки?

Закрыл глаза.

Надо было прочитать тропарь.

Но тропарь тоже не читался, я чувствовал себя голым, и стал думать — прилично ли читать тропарь вот так, голышом? Взял пистолет, положил под подушку. Нет, не получалось, пистолет не сообщал нужного ощущения, казался игрушкой, легкой и бесполезной.

Надел противогаз. Не очень помогло. Дыхание, конечно, затруднилось, но недостаточно для того, чтобы спокойно уснуть.

Я чувствовал себя...

Беззащитным.

Одиноким.

Я выскочил из койки.

Господь даровал нам боль, и страх, и трепет, и это неспроста. У мрецов нет ни боли, ни страха, ни слез, поэтому они и мертвы. У людей наоборот.

Поэтому они и живы.

Я открыл железный ящик.

Аккуратно положил туда новый легкий шлем, с крепким непробиваемым забралом, похожим на разноцветные глаза стрекозы, с мягким убаюкивающим подшлемником, который охлаждает в жару, согревает в мороз, а ночью служит мягкой и доброй подушкой.

— Хороший шлем, — сказал я и надел свой.

Железный, тяжелый, пропахший порохом и потом.

Снял кольчугу. Отличная вещь, особенно если крысы бешеные или собаки набегут. Для тела защита, для души искушение неуязвимостью.

Расстегнул портупей. Слишком много пуль. Искушение избыточностью. Мреца, голема этого или другую погань надо брать с одного выстрела, в глаз, в печенку, полосовать его очередями совсем и ни к чему. Шум один.

Тяжело было отказываться от пуль. От пуль, которые пробивают все, разрываются в теле врага на тысячу вертящихся спиралей, превращают его в фарш. Но я снял с шеи все патронташи и уложил их аккуратно в железный ящик. Оставил себе по штуке каждой разновидности. А кишки эти пластиковые — удобные штуки оказались, прекрасно мне подошли. Набил их обычными пулями, с левой стороны жаканами, с правой разрывными подпилами, очень удобно.

Топоры...

Топоры оставил.

Лопату оставил.

Ботинки.

Ожерелье.

Карабин.

Через две минуты я шагал по коридору. Домой.

Все просто, говорил Гомер. Есть люди, есть нелюди. Твари,двигающиеся сквозь мир лишь попущением Божьим, шлак, ходячие язвы. Отсеки их, чтобы не повредили они малым сим.

Все просто, говорил Гомер. Есть люди, а есть нехорошие люди, помеченные тьмой, соблазняющие малых сих. Имя им легион, грешники, падшие черные овцы, из-за них все и началось. Узнать черную овцу легко, узнай ее по делам ее. И да будет тверда твоя рука, вырежь ее из стада, ибо если будешь мягок ипустишь в сердце свое ложное добро, скоро и остальные овцы покроются паршой, и вынужден ты будешь забить их всех.

Я шагал по коридору. С потолка капала пахнувшая железом вода, навстречу мне попались два человека, оба улыбнулись, но не приветливо, а как-то настороженно.

И девушка. Она шла третьей, и сразу я даже не очень понял, что это девушка. Испугался я, показалось, что это не совсем человек даже. Люди у нас как ходят — в комбезах, в бронежилетах, в масках и прочем камуфляже. А эта шла просто и необычно — в длинных, до колена, трусах, в майке. А на голове что-то белое, тряпка обмотана. Я сначала решил, что раненая, голову прострелили, или внутреннее разжижение, возможно, мозг вытек, а потом она тоже мне улыбнулась, и я понял, что не раненая. А просто...

Здешняя. И мокрая. И без оружия. Ничего-ничего, даже самого распродпоследнего ножика, в такой одежде ничего не спрячешь.

— Привет, — сказала девчонка совершенно расслабленно.

— Ага, — буркнул я.

Она хихикнула, а я почувствовал себя глупо. С этими топорами, с карабином, Папа еще тут начал приходить в себя, зашевелился, зашипел, заскрежетал зубами, другие звуки произвел, девчонка хихикнула, а я поспешил пройти дальше — мало ли что еще Папа выкинет? А она подумает, что это я.

В конце коридора начиналась лестница, я двинулся наверх и через несколько уровней оказался в таком же коридоре, только на стенах красная полоса. И охрана, двое в броне высшей защиты — на меня сразу наставили многоствольные пулеметы, хотя до этого в бодучку играли, и один явно проигрывал — лоб у него был весь уже красный, и наворачивалась щелбанная шишка.

Я предъявил зеленую карточку, пропустили, видимо, зеленая карточка давала разные полезные преимущества.

Эти двое поглядели на меня испуганно.

Я оказался в зоопарке. Во всяком случае, на зоопарк это очень и очень походило, только...

У нас в Рыбинске... ну, там, короче, где я родился и жил, тоже был зоопарк. Клетки, а в них скелеты животных. Очень хорошо сохранившиеся скелеты, блестят, особенно мне верблюд нравился — смешной такой, раскорячный. Тут тоже. Клетки. И справа и слева. Клетки пустые, большинство. Две заняты, в одной волкер, в другой Алиса. Сидела на полу. В плече торчал гарпун.

Увидела меня, вскочила на ноги.

— Дэв! Дэв, иди сюда!

Я не спешил приближаться.

— Ты вырвался?! Здорово! Тут всего двое охраняют, давай...

Я молчал.

— Это все сначала придумано было! — громко зашептала она. — Это ловушка! Засада! Не верь им...

Гарпун звякал по прутьям.

Глаза у Алисы были совсем-совсем красные.

— Они лгут... Лгут! Лжецы! Они собираются всех убить! Это спасение!

Алиса дернула прутья клетки, с потолка пролилась вода.

Я молчал.

— Спасение! Мы должны спасти детей! Ты понимаешь?! Скоро всему конец, я точно это знаю! Надо спасать маленьких! Уходим! Ты же сдохнешь тут, они же тебя заманили!

Я стал заряжать карабин. Не спеша, но очень тщательно.

— Что ты делаешь?

Я опустил в ствол пулю с урановым сердечником, придавил шомполом.

— Что ты делаешь?!

— То, что я делаю всегда...

Алиса вдруг посмотрела на меня по-другому. Seriously. Как никогда не смотрела. И спросила:

— Совмещаешь смерть с неподвижностью.

Вернее, даже не спросила, а просто сказала.

Я поднял карабин. Надо было что-то сказать, в таких ситуациях принято что-то говорить. Я сказал:

— Ты сама виновата. Надо было раньше сказать...

Алиса смотрела на меня через решетку.

— Я сразу понял, посмотреть просто хотел, что ты делать будешь...

Молчала.

— Зря ты так. Зря совсем...

Алиса молчала.

Я опустил оружие. Не мог я так Стрелять, да еще в Алису.

— Ладно, — я убрал карабин на плечо. — Ладно, поглядим...

Я собрался уходить. И оставаться. Здесь, вот сейчас в эту минуту я вдруг понял, что останусь. Есть дела. А может, это лечится? Какими-нибудь уколами. Или оперативно. Или электричеством, я слышал, электричество от многих болезней помогает. Или потом будет лечиться, жизнь не стоит на месте. Да и польза от нее есть — раны быстро заживают. Ладно.

— Эй! — позвала Алиса.

Я оглянулся.

— Не уходи, а? — попросила Алиса.

Но я, конечно, ушел. Надо было подумать.

Обычно я так не поступаю. С поганью. Не разговариваю, не смотрю в глаза, не поворачиваюсь спиной. Потому что погань всегда обманет, в этом ее сила, Гомер так говорил.

Обычно я так не поступаю. Поступаю по-другому.

Совмещаю смерть с неподвижностью.